

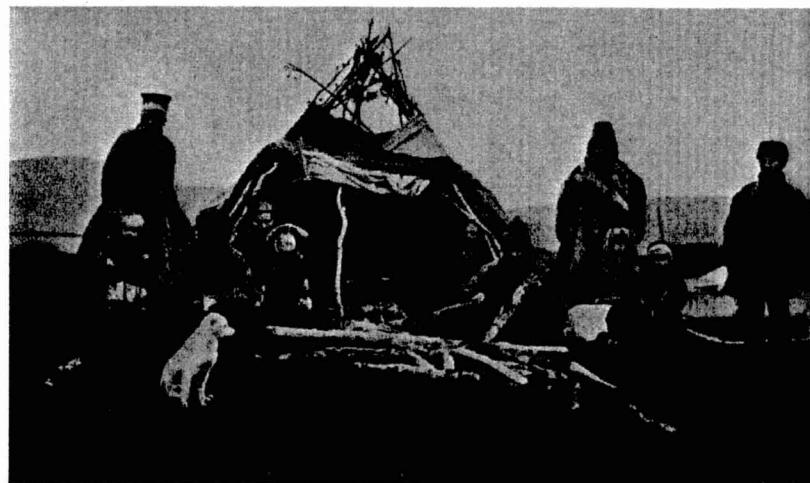
№ 2(69) 2010

НАУКА
и
БИЗНЕС
на Мурманде

Научно-
практический
альманах

folk
05.
94
50
7
az

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА
КОЛЬСКИХ СААМИ

№ 2(69) 2010

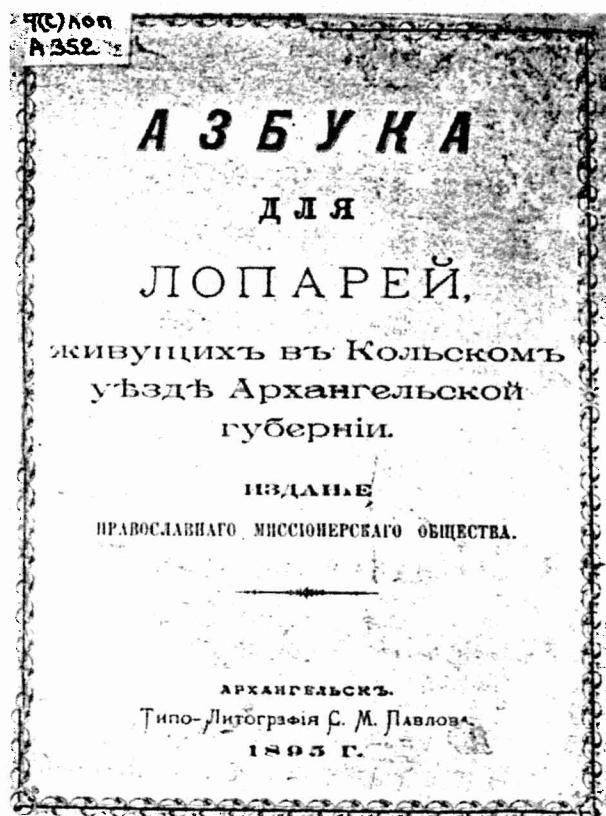
НАУКА и БИЗНЕС на Мурмане

Научно-
практический
альманах

Основан
в 1996 году

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА КОЛЬСКИХ СААМИ

UNIVERSITETSBIBLIOTEKET

Мурманское книжное издательство • 2010

Главный редактор
И. Б. Циркунов,
кандидат экономических наук, доцент

Редакция альманаха «Наука и бизнес на Мурмане»
стала победителем
VII Всероссийского конкурса «Патриот России»
в номинации
«За разработку темы героического прошлого страны:
рассказ о людях и событиях,
прославивших российскую землю» —
«АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. альм. — Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Языки и культура кольских саами. — № 2(69). — 2010. — 80 с.: ил.
ISSN 1684-7466

Представляем читателю очередной номер научно-практического альманаха «Наука и бизнес на Мурмане». Продолжая тему истории и жизни коренного народа Кольского полуострова, уже неоднократно освещавшуюся на страницах нашего альманаха, этот сборник посвящен проблемам саамского языка.

В статьях авторов — ученых, аспирантов, просто носителей саамского языка — отражены различные взгляды на сложившуюся ситуацию саамских языков и на развитие саамского языка в России сегодня, также представлен большой материал по истории изучения диалектов саамского языка и описанию русских лопарей в отечественной литературе XIX века.

Альманах будет полезен всем интересующимся и изучающим культуру и языки народа саами.

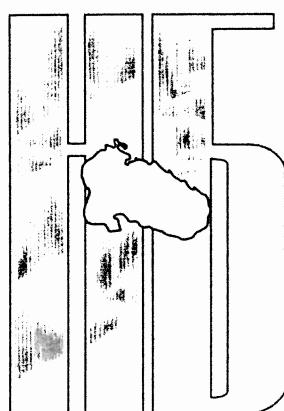
Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, разрешается с письменного согласия редакции.

Точка зрения авторов не всегда совпадает с мнением редакции альманаха.

ББК 95.2

ISSN 1684-7466

© Мурманское областное книжное
издательство, 2010
© Наука и бизнес на Мурмане, 2010

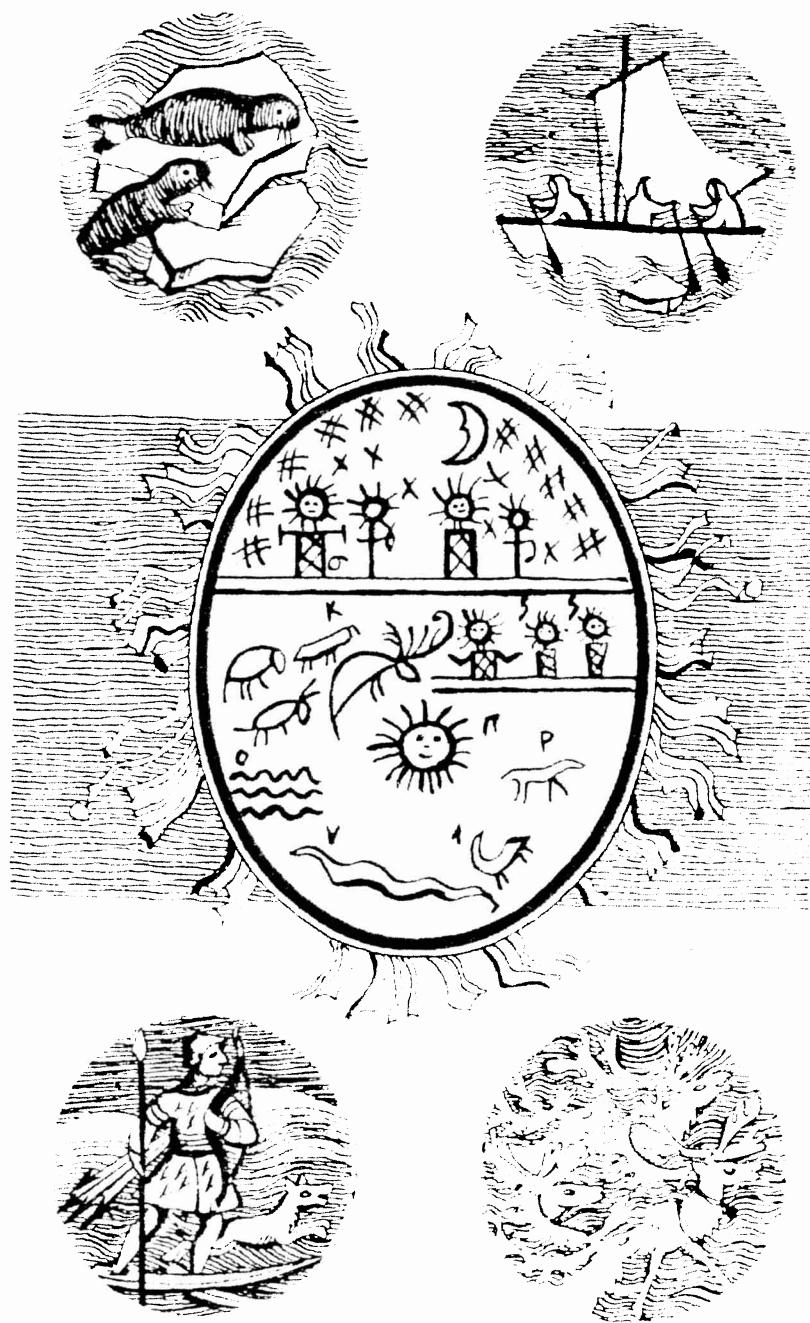

НАУКА
и
БИЗНЕС
на Мурмане

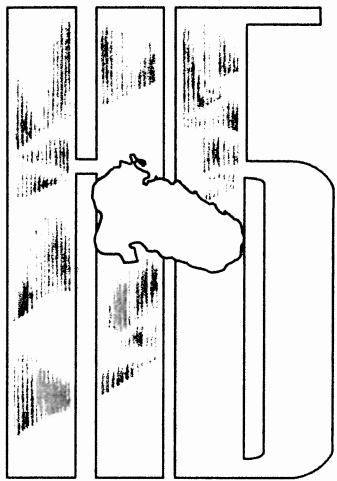
ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА КОЛЬСКИХ СААМИ

В номере:

И. Б. ЦИРКУНОВ	
Саамские языки или саамские диалекты	5
Элизабет ШЕЛЛЕР	
Ситуация саамских языков в России	15
Давид ПИНЕДА	
Переключение кодов в кильдинском диалекте саамского языка	28
Э. А. ГАЛКИНА, Н. С. ШАРШИНА, О. А. МАКСИМЕНКО, Н. С. УШАКОВА, С. С. ДАНИЛОВА, М. Г. МЕДВЕДЕВА, А. В. ВАСИЛЬЕВА, Т. Ф. ЦМЫКАЙЛО	
Пути развития языков коренных малочисленных народов Севера	35
В. Б. БАКУЛА	
Антонова — учитель, поэт, ученый	44
А. А. АНТОНОВА	
Состояние, преподавание и проблемы саамского языка	50
В. Б. БАКУЛА	
История изучения восточных диалектов саамского языка Кольского полуострова	54
В. Е. КУЗНЕЦОВА	
Поноайские саамы	64
А. Э. ЯВОРСКАЯ	
Описание русских лопарей в сочинениях отечественных авторов второй половины XIX века	69

Ист.: Б. И. Кошечкин «Открытие Лапландии». — Мурманск, 1983
Художник В. З. Борисова

И. Б. ЦИРКУНОВ

Саамские языки или саамские диалекты

«...язык народа есть его дух,
и дух народа есть его язык —
трудно себе представить что-либо более тождественное»

В. Гумбольдт

Название альманаха «Языки и культура кольских саами», вынесенное на обложку, слишком расплывчатое на первый взгляд. Наверное, первое что бросается в глаза — некоторое рассогласование в названии: языки — в множественном числе, а культура — в единственном. Может ли такое быть? Имеет ли под собой основание такое утверждение — одна культура и несколько языков, ей присущие? Нам хорошо известны ситуации, когда именно наличие языка и языковой среды является одним из условий для возникновения сепаратистских устремлений даже в устойчивых государствах Старого Света. Такими примерами могут быть баски в Испании или жители о. Корсики, принадлежащего Франции. Однако есть примеры диаметрально противоположные, например, Швейцария с её языковым многообразием французского, немецкого, итальянского и ретороманского языков. Кстати заметим, что последний является собирательным назнанием языков двух народностей ладинов и романшей. О диалектическом разнообразии языков Швейцарской конфедерации мы умолчим по незнанию тонкостей в данном вопросе и вернёмся к саамским языкам.

Вопрос о том, является ли саамский язык единым или уместно ли говорить о языках этого народа во множественном числе, останется откры-

тым какое-то время. Даже проблема происхождения саамского языка до конца не выяснена. Одни учёные считают, что «саами Кольского полуострова говорят на одном из финских языков (ближайшем родственнике балто-финских, обычно описываемом как отдельная ветвь) и состоят в родстве со своими тезками из Северной Скандинавии...» (Слёткин, 2008. С. 19). Этому мнению, кстати заметить, уже не одно столетие, а точнее, оно сформулировано во времена выхода в свет в 1673 году «Лаппонии» И. Шеффера: «... лопари выселились из Финляндии не в одно время, а в разные эпохи, причём, естественно, более ранние переселенцы унесли с собой язык полный утраченных в наши дни и устаревших слов; более поздние — язык, приближающийся к современному финскому» (Шеффер, 2008. С. 151). Другие исследователи сомневаются и делают осторожные выводы об особом месте саамского языка.

По мнению одного из самого авторитетного учёного в области изучения саамского языка Георгия Мартыновича Керта (1923–2009) «Саамский язык принадлежит к финно-угорской семье... Финно-угорские языки принадлежат к агглютирующим*. Саамский язык в этом отношении занимает несколько особое положение: в нём агглютинация больше, чем в других, сочетается

* Агглютинация (от лат. *agglutinare* — приклеивать) — лингвистический способ образования производных слов и грамматических форм путём присоединения к корню аффиксов, которые сополагаются друг с другом, не претерпевая при этом таких существенных звуковых изменений, которые сделали бы трудным проведение между ними границ... (ССИС, 1992. С. 18).

Г. М. Керт

с сильно развитой флексией основы...» (Керт, 1971. С. 5). В своих ранних исследованиях Керт давал более глубокое объяснение структуры саамского языка: «В отношении морфемного состава в агглютинирующих языках (например, в финском) следует различать лексическую основу... и морфологическую, или словоизменительную основу... В саамском языке имеются основы различных типов» (Керт, 1962. С. 144).

Кроме этого, профессор Керт указывал, что «Саамский язык представляет собой ряд диалектов» (Керт, 1971. С. 5). Сам же Георгий Мартынович специализировался на изучении кильдинского диалекта, однако не пренебрегал изучением и других диалектов саамского языка кольских саами. В результате своих исследований учёный пришёл к выводу, что «... в кильдинском диалекте саамского языка наряду с агглютинацией имеется чрезвычайно развитая флексия основы. Это обстоятельство позволяет утверждать, что названный диалект нельзя относить к чисто агглютинирующему» (Керт, 1962. С. 153). Резюме столь сложных лингвистических доводов можно найти у известного этнографа Т. В. Лукьянченко, которая считает, что «Лингвисты выделяют ... в современном саамском языке субстрат, восходящий, по их мнению, к угро-самодийским языкам, и сходятся на том, что саамы, вернее, их предки, перешли на прибалтийско-финскую речь к началу I тысячелетия до н. э. (Бубрих, 1948а, 517; Аристэ, 1956, 14; Керт, 1971, 8–9; Toivonen, 1950; Sebestyen, 1953)» (Лукьянченко, 1980. С. 35).

Таким образом, можно сформулировать одну из проблем: в какой мере кильдинский диалект саамского языка, а по мнению современных социолингвистов кильдинский язык, соотносится с финским языком? Другая проблема заключается в том, что исторический процесс складывания вероятного общепринятого, хотя бы кольскими саамами, языка неоднократно насищенно прерывался. Одним из важнейших элементов развития языка является возникновение или создание письменности, которую можно рассматривать как одну из фундаментальных основ культуры народа. Наверное, непросто будет оспаривать тезис видного лингвиста, специалиста по саамскому языку Г. М. Керта: «Вопрос о соотношении общенародного языка и диалектов... имеет две стороны – лингвистическую и этнографическую... С этнографической ...точки зрения, общенародным может быть только литературный язык при условии распространения грамотности. Лингвистически близкие два родственных языка могут считаться самостоятельными, если в силу исторического развития их носители осознают себя самостоятельной нацией... И в то же время в условиях большой раздробленности, когда представители диалектов совершенно не понимают друг друга, при государственной консолидации – это диалекты одного языка...» (Керт, 1971. С. 23–24). Поэтому вполне закономерно спросить у современных исследователей, а есть ли кильдинский язык или всё ещё уместно говорить о кильдинском диалекте?

Помимо того, что письменность является одной из фундаментальных основ культуры народа, её следует рассматривать и как один из критериев цивилизации народа или вступления народа в эпоху цивилизованного развития. Современных саами нельзя не признать цивилизованным народом, они смогли в той или иной мере войти и в современное общество (социализироваться), нашли своё место в новейших экономических отношениях и закрепились в межнациональной культуре России. Однако с национальной письменностью не всё в порядке. Нельзя сказать, что её нет, но мы не стали бы столь категорично утверждать, что она есть. По нашим данным десятки кольских саами способны читать на своём языке и лишь единицы пишут на нём. Родной письменный язык вполне удачно замещён русским письменным языком и, наверное, поэтому не видна такая объективная по-

требность использовать свой родной письменный язык. Но эта сентенция не может выполнить свою объяснительную функцию.

Причина непрививаемости, невживаемости письменного саамского языка в своём народе нам представляется в том, что мы имеем дело снацией, которую считаем цивилизованной, но её цивилизованность имеет нетекстовое происхождение. Прежде всего, поясним, что мы будем понимать под значением «цивилизация». Мы предлагаем широкое толкование этого понятия. Цивилизация, возможно, это некое ретроспективное осознание места и роли своего народа и его культуры, в широком смысле этого слова, в межнациональном сообществе, не обязательно в общемировом, допустима определённая локализация, оценочное восприятие территории своей страны, силы и значения своего государства в современном мире либо своих собственных усилий по его созданию, если оно — государство — отсутствует по тем или иным причинам.

Так, например, русская цивилизация имеет текстовое основание с не столь глубокой в хронологическом смысле историей, но всё-таки в основе русской цивилизацииложен текст. И так получилось, что русский текст не столько этнографический, былинный, первозданный, а потому изначально языческий, сколько текст христианский, даже если возьмём для примера сказки и не только сказки А. С. Пушкина. Обнаруженные по данному тезису исключения только усилият это высказывание. Цивилизация, в которую окунули саамский народ, могла быть воспринята им как цивилизация жеста, пускай поначалу как чужая цивилизация, но все же цивилизация, воспринятая и адаптированная на платформе культуры жеста. Культура жеста, как известно, более ранняя, чем культура текста, и поконится она на трёх китах: декоративно-прикладное искусство (кулинария, вышивание, резьба, конструирование — рукоделие в широком смысле этого слова (дуоджи)), музыкальное искусство (обрядово-ритуальное музыкально-шумовое и песенное (голосовое и горловое) исполнение в различных формах) и танцевальное искусство. Все эти элементы культуры можно свести к понятию жеста (рукодельному, музыкальному и танцевальному). И даже речь, уточним, речь звучащая, другой речи быть не может, сродни жесту, т. к. речь, как и жест, невозможна опровергнуть или оспорить, но его можно истол-

ковать. Будь то показывание рукой «где это находится», будь то озвучивание: «Там!», будь то описание пути: «После пойдёшь в ту сторону, там Охтозеро. От Охтозера далее тайбала будет не очень длинная...» (Образцы саамской речи, 1988. С. 133), будь то «прототекстовая» речь — сказки, сказания, былины, былички, мифы, легенды, песни, частушки, луввьты и йойки (ёйки). Всё это речевое многообразие существует, может быть воспринято, понято, истолковано, но не может быть оспорено и опровергнуто, а значит, не требует доказательств. Как видно, в такой культуре нет места тексту, поэтому полупринудительные попытки навязать текст — письменность — вряд ли приведут к успеху. Тем более, если речь идёт о нехристианских текстах. И здесь открывается проблема второго порядка — способ распространения или, точнее, внедрения текста в повседневную жизнь народа.

Практически беспроигрышным оказался способ войти народу в эпоху цивилизации текста через воцерковление. Институт семьи в нашем случае не рассматривается, т. к. априори считаем его использование наилучшим способом внедрения чего-либо или распространения. Ни библиотеки, ни школа, с её массовым, чрезвычайно массовым характером в эпоху социализма, ни даже радио и телевидение в целом для национального языка, а не только для письменного, неправляются с задачей привития, вживления разговорного и тем паче письменного языка в национальную среду. История знает массу примеров тому, как способ воцерковления бывает действенным и эффективным. Объяснение этому явлению лежит на поверхности.

Во-первых, доступ в церковь всегда добровольный, а регулярный доступ основан на глубокой вере, граничащей с необходимостью. Это значительно выигрышней, чем посещение школы, посещение которой воспринимается не как необходимое, свободно-волевое изъявление, а как обязательное, когда-нибудь востребуемое по своему результату. Школа проигрывает церкви и во временном диапазоне, её посещение заканчивается в известном возрасте и даже обязательность исчезает с возрастом человека, как и воинская повинность.

Во-вторых, различие состава прихожан для церкви и учеников для школы. Школа снова проигрывает. В школе мы можем охватить даже не молодёжь, которая при недальновидной организа-

3. Е. Черняков

ции общества, как правило, оказывается потерянной, а только детей, отроков и юношество. А вот церкви все возрасты покорны – от младенцев до старцев и даже гендерный барьер ею преодолевается. И вот в этих намоленных стенах и происходит с помощью слова, по-нашему текста, слова национального и не простого Слова, а христианского, воцерковление человека и «оцивилизование» целого народа. Как мы знаем из истории саамского народа, крещение этой нации произошло много веков назад, но ещё не закончено. Цивилизацию жеста саами воспринимают, поддерживают и развиваются, а цивилизация текста пока что остаётся за пределами внимания саамского народа.

В этом смысле стоит вспомнить некоторые факты истории развития саамского языка, его письменности. «Создание письменности для народов Крайнего Севера было сопряжено с большими трудностями... Они представляли собой сложный конгломерат диалектов, среди которых нелегко было выбрать опорный диалект для литературного языка» (Керт, 1967. С. 110). Известна попытка создания саамской письменности в 30-е годы прошлого столетия, которая, правда, не увенчалась успехом. Имеется в виду активная работа Комитета Севера и издание саамских буквей. Комитет содействия народностям северных окраин при Всесоюзном Центральном Исполнительном Комитете, сокращённо Комитет Севера при ВЦИК, был создан в июне 1924 года и спустя три года начал свою работу в Мурманске (Сорока-жердьев, 2004. С. 12). Председателем Мурман-

ского Комитета Севера, а затем уполномоченным Комитета Севера при ВЦИК, был Василий Кондратьевич Алымов (1883–1938). В 1933 году при Мурманском окрисполкоме образовался Комитет содействия развитию языка и письменности народов Севера (Комитет нового алфавита), в котором работал ответственным секретарём Захарий Ефимович Черняков (1900–1997). В том же 1933 году Черняков опубликовал первый саамский букварь на латинизированной основе (Сорока-жердьев, 2007. С. 22) и комплект вспомогательной литературы для учителей. В подготовке к написанию и изданию «Saam' Buvvar’» – букваря Чернякова – принимал участие В. К. Алымов. Собственно изданию букваря предшествовала большая научная дискуссия по поводу определения, какой из существующих диалектов следует взять за основу. «На Кольском полуострове проживают в основном носители трёх диалектов саамского языка: нотозерского, кильдинского и иоканьгского. Нотозерский диалект распадается на туломский и нотозерский говоры, кильдинский – на териберский, воронинский, пулозерский, ловозерский и варзинский говоры, иоканьгский диалект – на иоканьгский и чальмнываррский говоры. Несколько особняком стоит бабинский диалект, имеющий черты нотозерского и кильдинского» (Керт, 1967. С. 110). Ещё в 1931 году Алымов в докладной записке в Комитет Севера при ВЦИК писал: «...относительно диалекта, который нужно было бы избрать для литературного лопарского языка, я могу высказать то же мнение, которое я высказывал на заседании Ленинградского филиального отделения Комитета Севера 30 или 31 декабря 1929 года ... считаю, что наиболее подходящим диалектом будет кильдинский. Вот почему:

1). Этот диалект понятен и “нотозерцам”, живущим к западу от “кильдинцев”, и терским лопарям, живущим к востоку от них.

2). В экономическом отношении группа “кильдинцев” наиболее мощная... К этой группе относится 49% населения, к терской – 20%, к нотозерской (вместе с Мотовским погостом) – 26%, к бабинским – около 5%.

3). Язык кильдинской группы в словарном отношении богаче языка нотозерской группы, находящейся под влиянием соседнего с ней финского языка (суоми), из которого ею заимствовано много слов хозяйственного обихода» (НБМ № 2, 2004. С. 16).

Однако эта попытка создания букваря Чернякова не была удачной. И латинизированная основа и, видимо, обширное использование лексики других диалектов не способствовали тому, чтобы этот букварь прижился. На предмет лексического построения букваря коллега Чернякова Александр Гаврилович Эндиюковский (1899 –?) провёл его аprobацию среди пулозерских саами и признал пригодность этой книги для изучения саамского языка (НБМ № 2, 2004. С. 59). По надуманной идеологической причине букварь Чернякова изъяли из обращения.

В 1937 году А. Г. Эндиюковский издал другой букварь саамского языка, но и эту книгу постигла та же участь в связи с изменением политики высшего руководства страны в отношении к коренным малочисленным народам Севера (КМНС). Вот как прокомментировал этот период в истории Советского государства известный саамский норвежский учёный Йохан Альберт Калстад (1946–2008): «Относительно вопросов самоопределения [имеется в виду самоопределение КМНС. – И. Ц.] в скором времени образовалось два политических направления: консерваторское и радикальное. Консерваторы основной целью считали защиту культуры и образа жизни северного меньшинства от влияния извне. Однако радикалы ставили классовые интересы выше национальных и выставляли в качестве безальтернативной задачи уничтожение этнических различий и, возможно, слияние всех этнических групп в единый советский народ. Это было официальной позицией правящей коммунистической партии. В начале своего существования Комитет Севера придерживался позиции консерваторов. Это было единственным возможным выходом, пока новая коммунистическая власть была ещё слаба. К концу 1920-х годов радикалы стали сильнее. Они отрицали необходимость особых условий для коренных народов Севера и требовали немедленной коллективизации так же, как и проведения кампаний против кулаков (богатых оленеводов) и шаманов. К 1929 году консерваторы потеряли своё влияние в Комитете Севера» (Калстад, 2009. С. 30).

Как известно, в 1934 году Комитет Севера принял решение о самороспуске, что на фоне глубокого кризиса молодой советской науки этнографии означало, что был положен конец надеждам на создание научно подготовленных кадров для Севера из числа КМНС (Слёзкин, 2008. С. 319).

Й. А. Калстад

А это и было результатом изменения системного взгляда руководства страны на путь освоения территории Крайнего Севера и развития КМНС. Кстати заметить, что в задачи Главного Управления Северного морского пути (ГУ СМП) не входило создание национальной интеллигенции из числа представителей КМНС. Да и перед началом Великой Отечественной войны ГУ СМП добровольно сложило с себя полномочия и ответственность по работе с КМНС. «В предвоенные годы на Крайнем Севере были заложены “основы для дальнейшей ликвидации хозяйственной, политической и общекультурной отсталости народов Севера.”

Основная часть этой работы была проведена в годы деятельности Комитета Севера, после его ликвидации руководство ею было возложено на Главсевморпуть. (Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 21 июля 1935 г. № 1520 “О возложении на Главное управление Северного Морского пути при Совете Народных Комиссаров Союза ССР функций по хозяйственному и культурному обслуживанию районов Крайнего Севера Союза ССР”. СЗ СССР, 1935 г., № 40, с. 338... [и другие постановления ВЦИК и СНК СССР. – И. Ц.]...

Деятельность Главсевморпути в этом направлении продолжалась недолго. Уже накануне Великой Отечественной войны руководство по развитию хозяйства и культуры народов Севера было возложено на местные и центральные партийные и советские органы (окружные и областные комитеты КПСС и Исполкомы Советов депутатов

трудящихся, Совет Министров РСФСР и др.).» (Соколова, 1971. С. 68—69).

Завершая экскурс в историю создания саамской письменности в 30-е годы, уточним, что это была одна из самых масштабных попыток дать серьёзный толчок развитию культуры саамского народа. Точнее сказать, две попытки — в 1933 году создать письменность на латинской основе и в 1937 году — на базе кириллицы, но обе они оказались безуспешными. Как справедливо заметил Г. М. Керт: «Саамская письменность просуществовала с 1933 по 1937 год» (Керт, 1967. С. 115). Такой же безуспешной была попытка в 1878 году и последующие опыты перевода Евангелий на саамский язык в 1884 году К. П. Щеколдина. И четвёртый поход с письменностью в саамский народ, когда были созданы монография по саамскому языку в 1971 году и словарь Георгия Мартыновича Керта в 1986 году, букварь Александры Андреевны Антоновой в 1982 году, словарь Риммы Дмитриевны Куруч в 1985 году, ряд других не менее важных учебных пособий, монографий и сборников, вряд ли можно считать до конца успешным. Конечно, именно благодаря активной работе советских лингвистов и педагогов в 70—80-е годы стала складываться саамская литература, причём не только на русском, но и на саамском языке (НБМ, № 5, 2005). Однако состав саамских литераторов немногочисленный и большинство из них давно перешагнули пятидесятилетний рубеж. Другой проблемой саамской письменности является продолжающаяся полемика о том, какой диалект, какой вариант правописания взять за основу. Трудно теперь не согласиться с провидческой точкой зрения выдающегося лингвиста Керта: «...при отсутствии литературного языка, вопрос может идти не о соответствии общенародного языка и диалекта, а о соотношении диалектов. Общенародный язык при отсутствии литературного — это своего рода фикция» (Керт, 1971. С. 23—24). Из этого обзора напрашивается следующий вывод о том, что попытки создания саамской письменности имеют явный дискретный и несистемный характер, что приводит к тому, что письменность не приживается в народе. К сожалению, совершенно не учитывается базовое положение культуры саамского народа, основанной на цивилизации жеста. Наверное, поэтому мы стали свидетелями пятого этапа в истории саамского языка — этапа ревитализации. Важной чертой этого этапа является его

международный характер, где ведущую роль стали играть иностранные учёные. Статьи двух из них, Элизабет Шеллер и Давида Пинеды, опубликованы в нашем альманахе.

Но это не означает, что ряды лаппонистов пополняются только иностранными исследователями, есть и российские учёные. Однако само название науки, изучающей саамский народ, выходя из разряда устаревших названий, видимо, в силу отсутствия терминологической конвенции в российской учёной среде всё ещё не обретёт своего постоянного названия.

Так, например, в хорошо изданном альбоме «Саамский костюм», авторами которого являются авторитетный специалист в этом вопросе Г. А. Куллинченко и известный мастер саамского декоративно-прикладного искусства А. Е. Мозолевская, во вступительной статье, написанной Е. Р. Михайловой, заметна неустойчивость в использовании термина, определяющего науку о саамском народе. «За несколько веков накопилось значительное количество источников по этнологии этого северного народа [имеются в виду саами. — И. Ц.], появились термины “лопаристика” и “лапонистика”. Всем, кто так или иначе занимается изучением саамской культуры, хорошо известны имена исследователей-лопаристов Н. Н. Харузина, Н. Н. Волкова ...» (Саамский костюм, 2009. С. 3). При этом мы видим, что автор из двух терминов останавливается на «лопаристике», да и термин «лапонистика» употреблён с досадной ошибкой, написан с одной буквой «п». Кстати, подобную же ошибку в написании слова «лапонистика» мы находим в другом весьма ценном издании «Саамская библиография», выпущенным четырьмя годами ранее. В работе над ней, как нам известно, принимала участие Елена Рудольфовна Михайлова — заведующая отделом краеведческой и саамской литературы Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки. В предисловии к этому любопытному труду, ставшему библиографической редкостью, профессор А. А. Киселёв выражал благодарность составителям этой библиографии и сравнивал это издание «...с одной стороны, с компасом, указывающим направление поисков, а с другой стороны, — с прожектором, высвечивающим детали обозреваемого пространства той или иной науки под общим названием лапонистика» (Саамская библиография, 2005. С. 6.).

Мы уже выражали свою точку зрения на предмет употребления понятия «лаппонистика» в № 5 нашего журнала за 2007 год. Можем ещё раз аргументировать свою позицию по данному вопросу и если нужно вступить в горячую полемику. Предлагаем три тезиса, которые следовало бы оспорить с тем, чтобы утвердить термин «лопаристика» взамен «лаппонистики».

Во-первых, неполиткорректность звучания самого термина «лопаристика», что в настоящее время воспринимается как нечто оскорбительное для представителей саамского народа. Мало что изменилось со времён И. Шеффера. Вот что он писал по этому поводу в главе VI «О происхождении лопарского народа»: «Это событие произошло в 1150 г. и наверное побудило значительное количество финнов выселиться на Север, в Лапландию, как для того, чтобы избежать чужеземного владычества, так и с целью уклониться от принятия новой религии [видимо, Шеффер имеет в виду так называемое третье переселение, вызванное одним из крестовых походов 1155 или 1157 годов шведов в Южную Финляндию. – И. Ц.] ... эти переселенцы получили от оставшихся имя "лопарей", т. е. изгоев, изгнанников... Таким образом, они получили своё нынешнее имя (лопари, Lappi), которое и теперь ещё они не могут равнодушно слышать, считая его оскорбительным» (Шеффер, 2008. С. 56). Эту цитату мы использовали лишь для того, что бы подчеркнуть этический характер существующей проблемы с давних пор. Нам остаётся только напомнить точку зрения известных финских исследователей на предмет происхождения слова «лопарь». «Одни исследователи (Т. И. Итконен) производят слова "лопь", "лопарь" от финского *laape*, *lappea* – сторона, другие (Е. Итконен), связывают его со шведским *lapp* – место» (Лукьянченко, 1971. С. 5). При этом нам приходилось слышать и читать, как саами называли и писали о себе как о «лопарях». Считаем это вполне допустимым, так же, как если бы русский писатель определил себя «кацапом», а украинский – «хохлом», но никак не в перекрёстном значении.

Во-вторых, в настоящее время утверждилось, как на законодательном уровне, так и в научном, художественном и бытовом, название народа – саами. Поэтому использовать ранее существовавшие, а теперь воспринимаемые как архаичные термины «лопарь – лопаристика», неоправданно

и по существу неверно, что искаляет с научной точки зрения существующее положение вещей.

В-третьих, само происхождение понятия «лаппонистика» от названия первого систематического научного труда по исследованию Лапландии, страны, где обитает саамский народ, созданного Иоганном Шеффером на латинском языке и получившим краткое название «Лаппония», пропитано глубоким уважением как к объекту исследования – стране Лапландии, так и к его предмету – саамскому народу. Именно такое распределение понятий объекта и предмета исследования демонстрирует его ненационалистический и нешовинистический характер. Название этого труда в переводе с латинского звучит так: «Лапландия, или Новое и вернейшее описание страны лопарей и самого лопарского народа, в котором излагается многое ещё никому неведомое о его происхождении, суевериях, колдовстве, образе жизни, обычаях, а также о природе животных и металлов, встречавшихся в Лапландии, с приложением подробных к тому рисунков» (Шеффер, 2008). При этом укажем на то, что в научный оборот входит название «лаппонистика», а не «лопареведение», термин, который можно найти у Чарнолусского (Чарнолуский, 1966. С. 305), или, например, «лапландистика» или более общий термин «североведение», что указывает на определённый научно-методический характер исследований, которые не замыкаются в рамках известной территории и тем самым не должны быть подвержены влиянию принципа географического детерминизма, что в свою очередь создаёт мощную платформу для проведения объективного изучения проблем саамского народа.

В завершении изложения нашей точки зрения на проблему терминологической конвенции по использованию понятия «лаппонистика» не применим посетовать на то, что наш малотиражный альманах, а ранее журнал, остаётся недоступным для специалистов и всех интересующихся этим вопросом, несмотря на имеющиеся обязательные экземпляры, коих теперь три, остающиеся в недоступимых недрах уважаемой мной библиотеки. А доказательством недостижимости недр может послужить замечательное издание под названием «Поморы на Кольском Севере: история, культура, этнография: научно-вспомогательный библиографический указатель», изданный в 2007 году (Поморы на Кольском Севере, 2007). Очень важная,

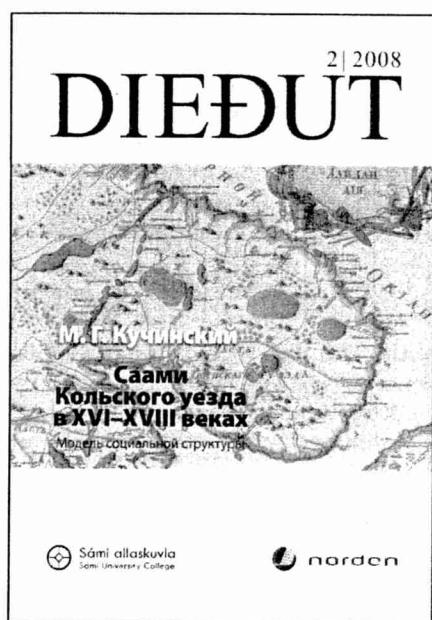
нужная и полезная книга. Есть тому даже одно объективное доказательство: по прошествии трёх лет со дня издания на книге живого места нет, вся истрёпанная, а это явный признак востребованности книги, на неё постоянный читательский спрос. Однако есть в книге один недостаток. Книга неполная. Так в подразделе 8.1.2. «Храмовое зодчество» собран приличный список литературы, под номером 463 значатся «Храмы Кольского Заполярья» – комплект из 22 открыток, а вот журналу «Наука и бизнес на Мурмане» за 1999 год по теме «Храмы Кольского Севера» места в этой книге не нашлось (там же. С. 79). В подразделе 8.1.3. «Малые архитектурные формы. Поморский крест» собраны 16 наименований различных публикаций, только не найти там журнал «Наука и бизнес на Мурмане» за 1997 год под названием «Кресты Русского Севера» (там же. С. 81). Но не будем мелочиться и выискивать другие пробелы в этой книге, мы знаем, что она настолько необходима, что вполне возможно её переиздание с известными дополнениями и расширениями.

В подтверждении нашего рассуждения о том, что ряды лаппонистов пополняются и современными русскими исследователями, следует привести в качестве примера вышедшую в 2008 году монографию М. Г. Кучинского «Саами Кольского уезда в XVI–XVII вв. Модель социальной структуры» (Кучинский, 2008). Колossalное исследование, поднял огромный пласт архивных источников и можно было бы ещё продолжать нахваливать её, но ценность книги, особенно научной, в том-то и состоит, что своим световым потоком нового знания она освещает не только факты, но и проблемы. Спорить с монографией Кучинского сложно – всё аргументировано и основано на архивных материалах. Однако есть одна проблема, видимо, методологического характера, о которой нельзя не сказать.

Основной лейтмотив этого исследования направлен на доказывание того, что при моделировании (в авторской редакции – реконструкции (Кучинский, 2008. С. 188)) социальной структуры саамского общества исследуется локальная история через изучение персональной истории, которая построена на анализе генеалогических связей всех мужчин саами Кольского уезда за период с 1678-го по 1763 годы, т. е. патрилинейность является основным коньком всей работы. Иными словами, автор предъявляет нам суровую действи-

тельность архивов, которые содержат фактический материал, выстраиваемый в патрилинии, против чего спорить бессмысленно. А мы и не собираемся оспаривать содержимое архивов, мы можем лишь сформулировать проблему: в какой мере представленная Кучинским модель социальной структуры отражает реальную историческую действительность XVI–XVIII веков всего саамского общества, а не его мужской части?

Автор и сам на страницах своей монографии неоднократно уточнял, что матрилинейность в его анализе практически отсутствует. «К сожалению, исследованные источники почти не содержат информацию о матрилинейных связях, но они дают чёткое представление о вирилокальном характере поселения» (Кучинский, 2008. С. 191). Конечно, с какой информацией работаешь – такие динамические множества и получишь. Если работать с документацией по урожайности яблонь в саду домохозяйства, то данных по урожайности сливы в этом же саду не получишь! Как же тогда можно утверждать, что это яблоневый сад? Также и саамское общество, которое, слава богу, состояло и из мужчин, и из женщин. А Кучинский пытается доказать вирилокальный характер поселений саами. Обратимся к его тексту: «Персональный состав сийтов был весьма стабильным. Члены сийта организовывались в самостоятельные социальные и хозяйствственные единицы, которые мы предпочитаем называть семейными единицами (СЕ) [а почему не домохозяйствами? – И. Ц.] ... Состав населения веж – жилищ в зимних поселениях – в большинстве сийтов не был стабильным. Каждый год он складывался заново» (Кучинский, 2008. С. 191). А это как раз и означает, что нестабильная часть населения веж (читай мужчин) каждый год искала себе новое пристанище в новой веже на зиму, далее добавим от себя, – у новой хозяйки. При этом, не покидая границ своего сийта, что делало его – сийт – весьма стабильным. Мы совершенно согласны с Кучинским, что «...перегруппировка семейных единиц была вызвана характерной для общества охотников и рыболовов перегруппировкой пользователей тех или иных общих угодий» (Кучинский, 2008. С. 192). Но при этом вежа никак не могла носить вирилокальный характер, она, скорее всего, как и жилище современного человека, носила фемилокальный характер. Как говорится, мужчины, как и троллейбусы, приходят и уходят, а женщины,

Монография М. Г. Кучинского
«Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв.
Модель социальной структуры»

как правило, с детьми остаются на месте. А вот имел ли сийт вирилокальный характер – это, на наш взгляд, ещё не доказано даже в монографии Кучинского. По мнению М. С. Куропятник, которая на основе эмпирических данных по всей территории расселения кольских саамов, собранных в государственном архиве и архиве Мурманского ЗАГСа за период XIX–XX веков установила, что «...погост не являлся экзогамной единицей. Причем, чем крупнее был погост, тем более высокий процент унилокальных браков был характерен для него». (Куропятник, 1992. С. 191). А это косвенно подтверждает наше предположение о стабильном характере погостов – сийтов.

Таким образом, создать модель или, как оговаривался Кучинский, реконструировать социальную структуру саамского общества без учёта женской составляющей крайне затруднительно. А, как известно, саамское общество до сих пор сохраняет сильное женское крыло, что рассматривается некоторыми исследователями как вполне естественным для этого общества реликтовым проявлением элементов матриархата, не изжившего себя до нашего времени. Можно было бы поставить ещё ряд вопросов этому самоотверженному автору, дай бог каждому лаппонисту столько терпения в работе над архивными источниками, но оставим это занятие для другой статьи.

В заключение следует ещё раз отметить выдающийся характер монографии Максима Геннадьевича Кучинского, который один из немногих, если не единственный, сделал попытку разобраться в социальной среде саамского общества XVI–XVIII веков, а не XIX–XX столетий, как это делали подавляющее большинство наших современных лаппонистов. Кучинский внес заметный вклад в дело изучения историй происхождения саамских фамилий, что почему-то остаётся незаметным для современных аспирантов и молодых учёных. Им были локализованы ареалы административных единиц изучаемого времени на основе топонимии источников, составлены превосходные карты, таблица идентификации топонимов, схемы внутренней динамики сийтов, что в совокупности, как ни странно, тоже вносит определённый вклад в изучение саамского языка. Или саамских языков?

ЛИТЕРАТУРА:

- Калстад, 2009. Калстад, Йохан Альберт. Дорогой надежд: политика Российского государства и положение саамского народа в России (1864–2003) / Калстад Йохан Альберт; пер. с англ. яз., науч. ред. и сост. comment. И. Б. Циркунова. – Мурманск: Кн. изд-во, 2009 – 80 с.: ил.
- Керт, 1971. Керт Г. М. Саамский язык. – Л., 1971. – 356 с.
- Керт, 1967. Керт Г. М. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. – Л., 1967. – С. 110–115.
- Керт, 1962. Керт Г. Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка // Вопросы финно-угорского языкоznания. – М., 1962. – С. 143–153.
- Куропятник, 1992. Куропятник М. С. К характеристике брачной системы кольских саамов (по материалам метрических книг XIX–XX вв.) // Aikakauskirja journal de la société Finno-Ougrienne №84 — Helsinki, 1992. — р. 191–200.
- Кучинский, 2008. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры // Серия DIEDUT. Вып. 2. – Альта, 2008. – 262 с., с приложениями, картами и схемами на 42 с.
- Лукьянченко, 1980. Лукьянченко Т. В. Этногенез саамов // В кн.: Этногенез народов Севера. – М., 1980. – 280 с.
- Лукьянченко, 1971. Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. – М., 1971. – 168 с.
- НБМ № 5, 2005. Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. журн. – Мурманск: Кн. изд-во, 1996. – (Язык, сознание, общество; т. 9). № 5 (50): Саамской литературе – 15 лет. – 2005. – 64 с.: ил.
- НБМ № 2, 2004. Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. журн. – Мурманск: Кн. изд-во, 1996. – (История и право; т. 16). № 2 (41): В. К. Алымов – краевед Мурмана. – 2004. – 72 с.: ил.
- Образцы саамской речи, 1988. Образцы саамской речи / Сост.: Г. М. Керт, П. М. Зайков – Петрозаводск, 1988. – 192 с.

Поморы на Кольском Севере, 2007. Поморы на Кольском Севере: история, культура, этнография: научно-вспомогательный библиографический указатель / Мурм. гос. обл. универс. науч. б-ка; сост.: Дячок С. А. [и др.]; редкол.: Синёва Е. В. [и др.]. — Мурманск, 2007. — 151 с.

Саамская библиография, 2005. Саамская библиография (Литература на русском и саамском языках (1776—1996)) / [сост.: Ю. Г. Земская, Е. Р. Михайлова ...] — Мурманск, 2005. — 176 с.

Саамский костюм, 2009. Саамский костюм / Сост.: Кулинченко Г. А., Мозолевская А. Е. — Мурманск, 2009. — 49, [3] с.: ил.

Слёзкин, 2008. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авторизованный пер. с английского О. Леонтьевой. — М., 2008. — 512 с.

Соколова, 1971. Соколова З. П. Постановление партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Край-

него Севера (юридические акты 1935—1968 гг.) // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. — М., 1971. — С. 66—116.

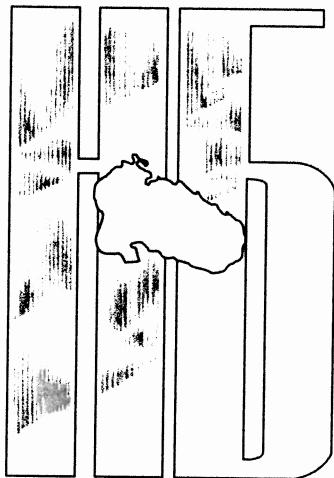
Сорокажердьев, 2007. Сорокажердьев В. В. У истоков саамской письменности // Наука и бизнес на Мурмане — № 5 — 2007. С. 22—24.

Сорокажердьев, 2004. Сорокажердьев В. В. Алымов и Комитет Севера // Наука и бизнес на Мурмане — № 2 — 2004. С. 12—16.

ССИС, 1992. Современный словарь иностранных слов. — М., 1992. — 740 с.

Чарнолуский, 1966. Чарнолуский В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник XI — Таллин, 1966. — С. 301—315.

Шеффер, 2008. Шеффер И. Лапландия / Иоанн Шеффер; пер. В. С. Золотилова. — Мурманск: Кн. изд-во, 2008. — 272 с.: ил.

ЭЛИЗАБЕТ ШЕЛЛЕР

Ситуация саамских языков в России

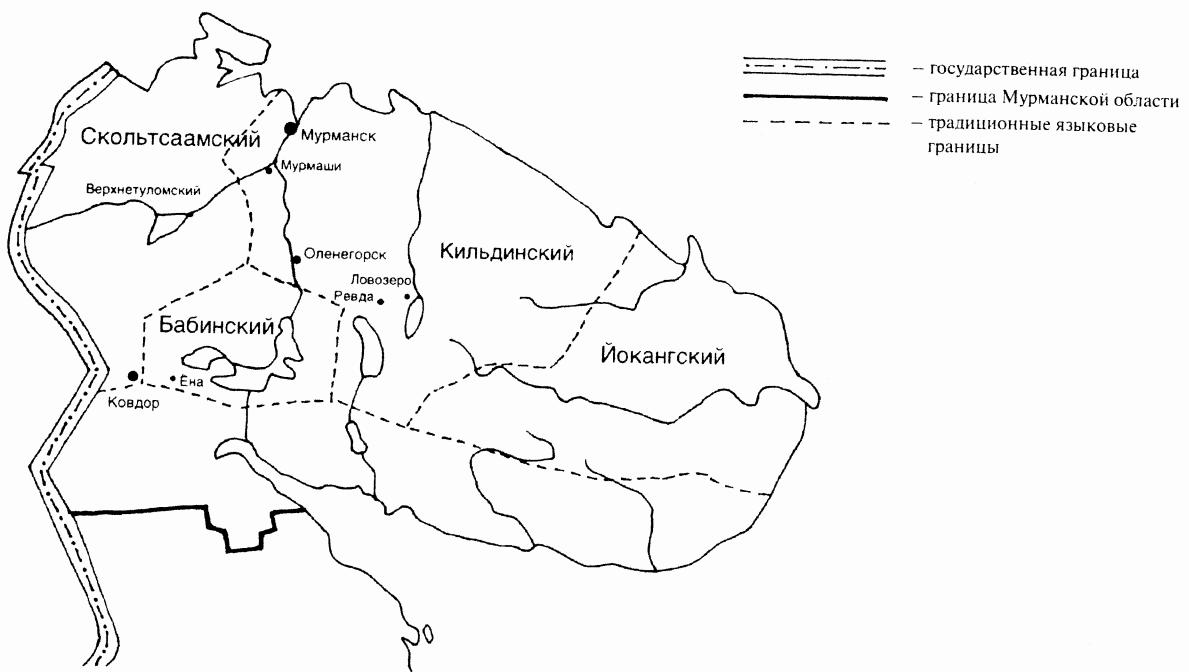
ВВЕДЕНИЕ

Саами являются коренным народом и этническим меньшинством Норвегии, Швеции, Финляндии и северо-запада Российской Федерации. Хотя саами представляют единый народ, культура и язык различных саамских групп отличаются друг от друга, в зависимости, например, от специфических традиционных промыслов (морские саами, горные саами, лесные саами, саами-оленеводы, саами-охотники, саами-рыбаки и т. д.), от принадлежности к разным государствам (финские саами, норвежские саами, российские саами, шведские саами), от традиционного места происхождения (варзинские саами, ловозерские саами, иокангские саами, саами внутреннего Финнмарка в Норвегии, саами из Юккасйэрви в Швеции и т. д.) или от сегодняшнего места жительства и образа жизни (городские саами, саами сельской местности и т. д.). Так как раньше в науке традиционно шла речь об одном саамском языке, который разделялся на разные диалекты, сегодня большинство ученых и представителей саамского народа в Скандинавии говорят о разных саамских языках. Хотя саамские языки в структуре и в лексике весьма похожи друг на друга, они отличаются, по крайней мере, так же, как, например, славянские (русский, украинский, чешский, болгарский, сербско-хорватский и т. д.) или германские (немецкий, английский, голландский, шведский, исландский и т. д.) языки. Это значит, что взаимопонимание носителей разных саамских языков само собой не разумеется. В основном легче друг

друга могут понимать носители соседних групп саамских языков, как, например, носители северосаамского и люлесаамского языков. Другим аргументом для использования термина "саамские языки" учеными приводится тот факт, что шесть из десяти саамских языков сегодня имеют свою собственную письменность (Sammallahti, 1998: 1). По этим причинам в данной статье саамские языковые варианты будут рассматриваться как разные языки. Когда в тексте идет речь о саамских языках в основном и не выделяется определенный саамский язык, используется термин саамский язык как собирательный термин для обозначения всех саамских языков. Термин кольско-саамские языки применяется как собирательный термин, чтобы обозначать те саамские языки, которые традиционно используются на Кольском полуострове.

Саамские языки принадлежат финно-угорской группе языков и разделяются на восточную и на западную группу. К восточной группе причисляются следующие языки: иокангский, кильдинский, бабинский, скольтсаамский и инарисаамский. Северосаамский, люлесаамский, питэсаамский, умэсаамский и южносаамский языки относятся к западной группе саамских языков.

Сегодня, из приблизительно 70000–100000 саамов меньше 20000 человек говорят на саамских языках (Aikio, 2003: 34–35). Согласно критериям, которые рекомендуются ЮНЭСКО и учеными для анализа языковой ситуации, сегодня все саамские языки находятся под угрозой исчезновения (UNESCO, 2003; Fishman, 1991: 381–415). Однако

Саамские языки в России: традиционные языковые границы
(Карта в соответствии с: Мишуря, 2003 (2007). Традиционные языковые границы
в соответствии с: Sammallahti, 1998: 5)

В течение последних двух десятилетий начался процесс ревитализации саамских языков.

Языковая ревитализация – это процесс сознательного оживления и сохранения на будущее языка, который находится под угрозой исчезновения или который теряет носителей и сферы своего использования. Процесс языковой ревитализации довольно длительный и может занимать несколько поколений. Его основная цель – это повернуть языковой сдвиг, т. е. остановить замену находящегося под угрозой языка другим, увеличить количество его носителей и расширить сферы, в которых он используется. Ревитализация языка почти всегда требует от языкового сообщества изменения в отношении к своему языку (Grenoble and Whaley, 2006: 13), в том числе признание того факта, что ревитализованный язык всегда отличается от языка «подлинника», т. е. «коренного» языка, на котором разговаривает старшее поколение. Например, через расширение лексики с помощью заимствований или через образование новых слов ревитализованный язык, также как другие живые языки, развивается в новых направлениях. Одновременно он теряет разные старые элементы, в том числе лексику и специфические термины, которые уже не используются в современной жизни. Изменения также

происходят в грамматической структуре ревитализованного языка. Целью ревитализации языка всегда является функциональное дву- или многоязычие, т. е. ревитализованный язык живет и развивается наравне с другими языками, которые используются большинством в обществе.

В Скандинавии процесс ревитализации саамских языков начался приблизительно 20 лет назад, где в некоторых регионах Северной Норвегии северосаамскому сообществу удалось остановить языковой сдвиг с саамского на норвежский язык. Дети и внуки того поколения, которое начало ревитализировать свой язык, сегодня растут полностью двуязычными с саамским и норвежским языками (Todal, 2002). Также наблюдаются первые положительные результаты ревитализации люлесаамского и южносаамского языков в Норвегии (Johansen, 2006) и инарисаамского языка в Финляндии (Пассанэн, 2009). Процесс ревитализации постепенно расширяется на саамские языки в других государствах, в том числе и на кольско-саамские языки в России.

СААМИ В РОССИИ

Российская Федерация является мультиэтническим государством и имеет около 145,2 миллиона жителей, которые представляют более 200 этнических

ских групп. Около половины из них являются коренными народами. Хотя русская этническая группа составляет большинство населения, около 30 миллионов российских граждан имеет другую национальность (ВПН, 2002). На большинство этнических групп в России значительно повлияла русская культура. Русский язык используется как официальный язык межнационального общения во всей стране.

Сегодня около 2000 представителей народа саами проживает в Мурманской области. По промышленным, экономическим и стратегическим причинам этот регион всегда был важным для Российского государства. В итоге интенсивной иммиграции рабочей силы, особенно в 1960-е и 1970-е годы, сегодня на Кольском полуострове проживает более 100 различных этнических групп. Коренное население этого края – саами – в течение последних веков постоянно вытеснялось, переселялось и ассимилировалось с другими приезжими народами, из-за чего они сегодня представляют одну из самых маленьких этнических групп на своей традиционной территории проживания (ВПН, 2002). В 1960-е и 1970-е годы Советское правительство проводило принудительные переселения разных саамских групп со всего Кольского полуострова в многонациональные централизованные населенные пункты. Впоследствии большинство носителей кольско-саамских языков стало проживать в селе Ловозере (на кильдинском языке Луяввър) и в Ловозерском районе. Принудительные переселения очень негативно повлияли на социальную, культурную и языковую ситуацию саамов и значительно ускорили процесс языкового сдвига с саамского на русский язык.

После революции 1917 года последовал короткий период, в котором Советское государство проводило определенные практические меры по развитию и сохранению языков и культуры коренных малочисленных народов Севера СССР, в том числе и саамов. Была создана саамская письменность, которая базировалась на кильдинском языке, издавались учебники, материалы политической печати переводились на саамский язык. В Мурманской области началось преподавание саамского языка в школах и для взрослого населения, включавшего и представителей доминантной, т. е. русско-язычной, группы населения, к примеру: учителей, партийных работников, работников администрации (Керт, 1967: 111–115;

Луйск, 1934: 23; Чернавский, 1934: 6, 7). Но затем последовало почти 20 лет репрессий и русификации, что имело чрезвычайно негативные последствия для саамских языков и для саамской культуры. После распада Советского Союза открылись новые возможности для политического, культурного и языкового развития, но также появились новые сложности, особенно экономические и социальные.

Законы о языках народов РФ гарантируют саамам, также как другим коренным малочисленным народам Севера (КМНС), языковую независимость и права пользования, сохранения и развития родных языков (Кряжков, 2007: 164–172, 428). Но практическая реализация этих прав находится в сильной зависимости от экономической ситуации России, от позиции органов государственной власти и доминантного населения к саамам и к саамским языкам, но также от активности самого саамского народа в этом направлении. Тот факт, что саамы не имеют собственной административной территории, способствует тому, что статус саамских языков довольно низкий в сравнении с языками других народностей, имеющих статус государственных языков, которые употребляются как официальные языки в республиках РФ.

СИТУАЦИЯ СААМСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ СЕГОДНЯ

Согласно Всероссийской переписи населения, которая проводилась Российской государством в 2002 году, 787 саамов из 1991 проживающих на территории России владеют саамским языком (ВПН, 2002). Хотя эта перепись населения является одной из самых обширных национальных переписей в мире, она все же дает довольно неполную картину о положении саамских языков в России. Результаты переписи базируются на добровольной информации и на самоидентификации опрошенных лиц. Статистика не дает никакой информации об используемых языковых вариантах, диалектах или говорах. Также отсутствует информация об уровне знаний языка и о том, как часто и в каких контекстах информанты, которые указали, что у них есть знания саамского языка, его используют (ВПН, 2002).

Чтобы получить более подробную картину о сегодняшней ситуации саамского языка в России, автор этой статьи в сотрудничестве с кольско-саамским сообществом и в связи с проектом Kola Saami Documentation Project – Лингвистическая и

этнографическая документация языков саамов Кольского полуострова (KSDP, 2009) провела анкетирование среди саамского населения в России в период с марта 2007 года по август 2008 года. Цель исследования была опросить как можно больше представителей саамского сообщества, чтобы получить более подробные данные о ситуации кольско-саамских языков на уровне знаний языка отдельного человека и сообщества. Благодаря интересу, активности и помощи саамского народа в результате проведенного исследования было собрано 1105 заполненных анкет в разных местностях Кольского полуострова и в других местах в России. Анализ результатов исследования сегодня оказывает значительную помощь в практической работе по сохранению и развитию саамского языка, например, в определении распространения носителей языка, уровня их знаний и их интереса в его сохранении, развитии и изучении. Мнения и желания, которые саамское население выразило в анкетах, важны для разработки новых учебных пособий и методов преподавания, а также они учитываются в учебных планах по повышению компетенции носителей языка, которые активно работают над его ревитализацией. Более подробный анализ результатов анкетного исследования автор данной статьи представит в диссертации, в которой более детально будет описываться и анализироваться ситуация саамских языков в России и будут обсуждены возможности для ревитализации кильдинского языка – кольско-саамского языка с наилучшими перспективами на будущее.

Согласно личным наблюдениям автора во время четырех лет полевой работы в России первым результатам анкетирования, проведенным интервью, а также последней Всероссийской переписи населения вероятно около 800 человек в России в настоящее время имеют определенные знания саамского языка. Под «знаниями саамского языка» здесь имеются в виду любые знания языка: от уровня свободного владения языком до того, что человек «понимает немного».

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ НОСИТЕЛИ ЯЗЫКА

Среди тех 800 человек, которые имеют знания саамского языка, вероятно, по меньшей мере, 200 человек являются «потенциальными носителями языка», то есть люди с хорошими пассивными знаниями языка: они понимают все или многое и многие умеют говорить на саамском языке, но из-за разных причин не говорят активно или вообще не говорят на нем. Как правило, для большинства

этих людей саамский язык был первым языком в детстве, и они говорили на нем активно до того, как начали учиться в школе. Хотя в эту группу тоже входят представители старшего и молодого поколения, большинство потенциальных носителей саамского языка в России относятся к среднему поколению, т. е. люди в возрасте от 30 до 50 лет. Среднее поколение сильнее было подвергнуто дискриминации, ассимиляции и стигматизации, чем старшее и молодое поколения. Многие представители среднего поколения уже в детстве перестали говорить на саамском языке и перешли на русский язык. В Советском Союзе и в Российской Федерации никогда не было официального запрета использовать саамские языки в общественных местах, но все же учителя и воспитатели в детском саду, в школе и в интернате запрещали детям говорить на родном саамском языке и убеждали родителей говорить со своими детьми только на русском языке, который считался нормой и более престижным языком (Иванищева, Прахова, 2007: 82). Сегодня большинство представителей среднего поколения не использует саамский язык на бытовом уровне и очевидно никто из родителей из этой возрастной группы не передает саамский язык своим детям. Вероятно, большинство потенциальных носителей языка (снова) начали бы свободно говорить на саамском языке, если бы они оказались в среде, в которой саамский язык имел бы высокий статус и использовался бы активно в быту.

АКТИВНЫЕ НОСИТЕЛИ ЯЗЫКА

По всей вероятности, менее чем 100 из 800 людей, имеющих знания саамского языка, являются активными носителями этого языка. Под «активными носителями» понимаются люди, которые свободно говорят на саамском языке, как на первом или втором языке. В отличие от потенциальных носителей языка активные носители используют саамский язык естественно, в быту на всех уровнях общения, т. е. они используют саамский язык как повседневный язык не только у себя дома, но и в других местах и в более сложных дискуссиях независимо от темы разговора. В группу активных носителей языка также входят люди, которые необязательно используют саамский язык как повседневный, но которые регулярно используют его на высоком уровне как рабочий язык, например, когда они работают пере-

водчиками. Большинство активных носителей саамского языка относятся к старшему поколению, возраст которых старше 50 лет. Но в определенной мере также среди представителей среднего поколения есть активные носители саамского языка. Активные носители языка обычно выросли с саамским языком как с первым языком и многие вообще не умели говорить по-русски, когда они начали учиться в школе.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА

Язык можно анализировать с точки зрения его активного и пассивного применения, а также с учетом его символического использования. «Символические пользователи языка» – это, например, люди, которые используют саамский язык, чтобы подчеркивать свою этническую принадлежность или свою принадлежность к определенной группе, но которые в других отношениях не используют его как язык коммуникации. Потенциальный носитель языка это тот, кто использует язык пассивно и может использовать его символически. В кольско-саамском сообществе саамский язык часто используется символически в общественной жизни, например, в поздравлениях и официальных церемониях, на открытиях собраний и выставок и т. д. По-видимому, общепринято, что саамский язык используется как «язык-шоу» для саамской культуры. В этой функции он используется в связи с фольклорными представлениями, на традиционных фестивалях или когда приезжают туристы и гости, которые посещают саамские праздники и саамские заведения. Символическое использование языка очевидно общепринято независимо от уровня знаний языка. Потенциальные носители языка и представители саамского сообщества, которые имеют ограниченные знания саамского языка, составляют большинство символовических пользователей языка. Но символическое использование саамского языка в определенных ситуациях также встречается среди активных носителей языка. Символическое использование языка, по-видимому, более сильно распространено среди людей, которые активно участвуют в общественной жизни, например, среди политиков и культурных работников, среди учителей саамского языка и языковых активистов.

ВИДИМОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

В России большинство носителей саамского языка не видны. Самая видная группа – это люди, которые принимают участие в общественной жизни, и люди, которые имеют высокий социальный статус, как, например, политики и лидеры. Видны также языковые активисты и так называемые специалисты по языку: учителя, носители языка с высшим образованием, представители старшего поколения, которые стараются активно принимать участие в сохранении и развитии языка и др. Большинство этих людей использует саамский язык только пассивно и символически. Тем не менее, они официально представляют саамский язык, как внутри, так и вне саамского сообщества, что делает их заметными.

Активные носители языка обычно не участвуют в социальной, политической или в культурной жизни, что делает их невидимыми, особенно для посторонних людей, которые не проникли в языковое сообщество. К «невидимой группе» относится также большинство потенциальных носителей языка, особенно молодое поколение, – люди в возрасте до 30 лет. Молодое поколение можно назвать «потерянным поколением». Как правило, их родители не передали им саамский язык, но многие в детстве слышали его от старших. Обычно представители молодого поколения не говорят свободно на саамском языке, многие вообще не говорят. Но, несмотря на это, есть представители молодого поколения, которые имеют хорошие пассивные знания кильдинского языка. Их интерес выучить и использовать этот язык за последние годы очевидно вырос. Как бы ни было, знания языка молодежи обычно не признаются остальными членами сообщества, особенно противятся признать знания молодежи языковые специалисты.

Независимо от национальности и страны в человеческом сообществе всегда есть группы людей, которые по отношению к большинству сообщества имеют более низкий социальный статус. Но эти люди также являются членами языкового сообщества, и хотя большинство сообщества и исследователи их обычно игнорируют, они являются важной группой среди невидимых активных и потенциальных носителей языка и представляют значительный ресурс для языковой ревитализации.

Люди же, которые имеют знания саамского языка, но не являются этническими саамами,

также обычно не видны в кольско-саамском языковом сообществе. Эта группа включает, например, представителей других национальностей, которые являются членами саамских семей, работают в среде, где используется саамский язык, или людей, которые учили саамский язык ради личного интереса.

После обсуждения использования языка и видимости его носителей рассмотрим некоторые данные, приведенные в таблице, и обсудим актуальные ситуации саамских языков в России, рассматривая каждый языковой вариант отдельно.

Количество носителей саамских языков в России

Язык	Знания языка ¹ (любые)	Потенциальные носители языка	Активные носители языка
Кильдинский	< 700	> 200	< 100
Северосаамский ²	> 100	?	> 1
Иокангский	< 20	< 10	1-2
Скольтсаамский ³	< 20	< 10	—
Бабинский	2 (?)	1 (?)	—

КИЛЬДИНСКИЙ ЯЗЫК

Кильдинский язык является самым большим в группе кольско-саамских языков. Из приблизительно 700 человек, которые имеют знания кильдинского языка, более 200 человек, вероятно, являются потенциальными носителями и около 100 человек можно считать активными носителями этого языка. Сегодня используются четыре диалекта кильдинского языка: луяяввър диалект (ловозерский диалект), киллт диалект (кильдинский диалект), коаррдегк диалект (вороньинский диалект) и ёрсойогк диалект (варзинский диалект). Большинство носителей этих четырех диалектов кильдинского языка сегодня проживают в Ловозерском районе Мурманской области.

Главная среда, в которой кильдинский язык сегодня используется, — это семья и узкий круг общения. Ссылаясь на информацию представителей старшего поколения и оленеводов-пенсионеров, кильдинский язык уже не используется как активный рабочий язык в оленеводческих бригадах. Большинство оленеводов, которые активно использовали кильдинский язык, ушли на пенсию,

¹ Эта категория включает остальные категории — «потенциальные носители языка» и «активные носители языка».

² Эта категория обозначает людей, имеющих знания северосаамского языка и постоянно проживающих на территории России.

³ Эти цифры касаются скольтсаамского сообщества в России.

а у молодых оленеводов и у представителей среднего поколения, которые сегодня составляют большинство в оленеводческих бригадах, отсутствует или не хватает знаний саамского языка и интереса, чтобы использовать его активно как рабочий язык. В соответствии с этой информацией рабочими языками в оленеводческих бригадах сегодня, вероятно, являются русский и коми языки. Хотя кильдинский язык не используется как активный рабочий язык в оленеводстве, это не значит, что в оленеводческих бригадах сегодня нет носителей кильдинского языка, которые используют его активно в определенных ситуациях.

Кильдинский язык имеет нормативную письменность, которая базируется на кириллице. Литература, которая написана на кильдинском языке, почти исключительно состоит из поэзии и из произведений для детей. Кроме поэзии и некоторых переводов прозы с русского на кильдинский язык, пока нет литературы для взрослых и для молодежи, которая изначально написана на кильдинском языке.

Обязательное обучение кильдинскому языку сегодня существует лишь в одном учебном заведении — в профессиональном училище № 26 в селе Ловозере. До 2004 года существовало обязательное обучение кильдинскому и коми языкам для учеников с 1-го по 4-й классы в Ловозерской средней школе-интернате. Когда школа-интернат лишилась статуса национальной школы для саамских и коми детей в 2004 году, обучение саамскому и коми языкам стало факультативным и сократилось до 1 часа в неделю. Факультативные курсы кильдинского языка для взрослых и для детей проводятся, например, в с. Ловозере, в г. Мурманске, в п. Ревда, в г. Оленегорске, в с. Ёна. Однако такие курсы в основном ведутся только для начинающих, проводятся нерегулярно и не имеют постоянного финансирования.

Существующие учебные материалы по кильдинскому языку не соответствуют современному стандарту и в основном разработаны только для школьников начальных классов. Недостаток учебных пособий для взрослых и для продолжающих изучать язык является серьезной преградой для языковой ревитализации. Также не хватает учителей, которые используют современные и эффективные методы обучения кильдинскому языку.

Функционирует одна саамская группа детей в одном из детских садов в с. Ловозере, но общим

языком коммуникации в этой группе является русский язык.

Кольское саамское радио, которое было создано при финансовой поддержке разных фондов из пяти государств (Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия и Дания), должно было вести передачи на кильдинском языке (Somby, 2005: 20). Но уже два года регулярные радиопрограммы на кильдинском языке не ведутся, так как большинство передач ведется на русском языке. В конце 2009 года над Кольским саамским радио из-за экономических причин нависла угроза закрытия (Barentsobserver, 2009).

В течение последних трех лет в с. Ловозере развились активное движение по ревитализации кильдинского языка. В связи с этим активные и потенциальные носители языка, взрослые и дети, которые изучают кильдинский язык, начали встречаться на языковых вечерах, чтобы активнее упражняться в использовании кильдинского языка. В с. Ловозере в течение последних трех лет также проводились лагеря для изучения кильдинского языка для взрослых, для молодежи и для детей (Шеллер, Рисслер, 2007; Scheller, 2008; Scheller, 2009—2010). В связи с этим были разработаны новые учебные пособия для взрослых и для продолжающих обучение (Шаршина, Шеллер, 2008). В марте 2009 года в с. Ловозере вышел первый номер неофициальной газеты-самиздат «Кїл Кїйїн» на кильдинском языке. В этой газете люди, которые имеют какие-либо знания кильдинского языка, стремятся использовать этот язык активно, публикуя свои статьи (Антонова, Виноградова и др., 2009). Чтобы продолжить работу по сохранению и развитию кильдинского языка более эффективно, кильдинские языковые активисты работают над созданием практического языкового центра в с. Ловозере (Данилова, Шаршина, 2009). В связи с этим, с сентября 2009-го по сентябрь 2010 года Саамская Высшая школа с. Каутокейно (Норвегия) и Университет г. Тромсё (Норвегия) в с. Ловозере проводят курсы по повышению компетенции в практической языковой работе и по созданию практического языкового центра, на которых обучаются самые активные по языковой ревитализации носители кильдинского и коми языков и один представитель администрации Ловозерского района.

СЕВЕРОСААМСКИЙ ЯЗЫК

Сегодня самой большой саамской языковой группой на Кольском полуострове после кильдинского языка является северосаамский язык, который преднадлежит к западной группе саамских языков и на котором традиционно говорят на севере Норвегии, Швеции и Финляндии. Северосаамский язык пришел на Кольский полуостров в 1990-е годы, после распада Советского Союза, когда контакты и регулярное культурное и политическое сотрудничество было установлено между саамами из Скандинавии и России. В Ловозерском районе и в г. Мурманске периодически проводятся курсы северосаамского языка, которые финансируются саамским сообществом в Скандинавии и Скандинавскими странами.

Получая стипендии, саами из России имеют возможность поехать в Скандинавию, чтобы учить северосаамский язык на интенсивных курсах или чтобы получить высшее образование на этом языке.

Вероятно, сегодня в России проживают активные носители северосаамского языка с кольско-саамским происхождением. Эти люди неизменно используют северосаамский язык в своей семейной жизни. Например, переводчики, сотрудники Баренцсекретариата и Кольского саамского радио активно используют северосаамский язык как рабочий язык. Кроме этих активных носителей языка, сегодня на Кольском полуострове проживает, вероятно, более 100 человек, которые имеют знания северосаамского языка на разных уровнях. Часть из них приобрели знания северосаамского языка на языковых курсах, которые проводились в России, другие учили его на интенсивных курсах в Скандинавии или во время учебы в северосаамских учебных заведениях. В эту группу также входят люди, имеющие потенциальные знания северосаамского языка. Эти потенциальные носители языка, как правило, провели определенный период времени в Скандинавии, там выучили и активно использовали северосаамский язык, но перестали им пользоваться после возвращения в Россию.

Северосаамский язык имеет самый высокий статус среди саамских языков, получает большую государственную поддержку, чем остальные саамские языки, он дальше всех продвинулся в процессе ревитализации и используется как общий язык коммуникации среди саамов всех четырех

стран. Однако стремление кольских саамов изучить северосаамский язык мотивируется не только его высоким статусом и возможностью коммуникации со скандинавскими саамами, но также и личными экономическими интересами. Изучение северосаамского языка дает возможность поехать в Скандинавские страны, часто это связано с получением выгодных стипендий. Среди саамских студентов из России, которые получают образование в Скандинавских учебных заведениях, наблюдается тенденция эмигрировать из-за экономических причин, используя учебу в Скандинавии. Это, конечно, естественное и понятное явление и по крайней мере позитивно влияет на ревитализацию северосаамского языка. Но добрые намерения скандинавского саамского сообщества способствовать культурному, социальному и политическому сотрудничеству, представляя кольским саамам возможность выучить северосаамский язык и получить образование, оказались проблематичными для сохранения и развития кольско-саамских языков. Сложное экономическое положение многих кольских саамов и тот факт, что на сегодняшний день отсутствует экономическая и идеологическая поддержка кольско-саамским языкам, вызывает неравенство в положении между северосаамским языком, с одной стороны, и кольско-саамскими языками, с другой стороны, что в свою очередь серьезно влияет на личный выбор языка саами Кольского полуострова.

ИОКАНГСКИЙ ЯЗЫК

Из 20 человек, которые имеют знания иокангского языка, сегодня, вероятно, только один или два являются активными носителями этого языка. Меньше десяти человек имеют достаточно хорошие знания, чтобы их можно назвать потенциальными носителями иокангского языка. Все они в возрасте старше 60 лет, проживают далеко друг от друга в разных местах Кольского полуострова и даже в Ленинградской области. В настоящее время нет учителей и не ведется обучение иокангскому языку. Но есть грамматика иокангского языка (Терешкин, 2002), опубликованы стихи на иокангском языке (Воронова, 1996), и в архиве Карельского научного центра Российской Академии наук в г. Петрозаводске хранятся аудиозаписи иокангского языка, которые были собраны в 1960-е и 1970-е годы.

СКОЛЬТСААМСКИЙ ЯЗЫК

Сегодня не более половины тех 20-ти человек, которые постоянно проживают в России и имеют знания скольтсаамского языка, являются потенциальными носителями этого языка. В России сегодня нет носителей скольтсаамского языка, которые бы использовали его активно в быту.

Есть учебные пособия и литература на скольтсаамском языке, которые написаны с помощью латинского алфавита, который используется скольтсаамским сообществом в Финляндии. Аудиозаписи скольтсаамского языка, которые были собраны в 1960-е и 1970-е годы, хранятся в архиве Карельского научного центра Российской Академии наук в г. Петрозаводске.

В п. Верхнетуломский и в пгт Мурмаша периодически проводятся курсы скольтсаамского языка.

БАБИНСКИЙ ЯЗЫК

Из всех кольско-саамских языков бабинский язык находится под самой серьезной угрозой исчезновения. В 2003 году последний носитель бабинского языка ушел из жизни (Rantala, 2009: 67). Но это не значит, что не осталось людей, которые имеют знания этого языка. По крайней мере, осталось два человека в возрасте старше 70 лет, которые имеют определенные пассивные знания бабинского языка, но которые на нем не говорят и проживают вне компактного места проживания бабинских саамов.

В с. Ёна, в Ковдорском районе Мурманской области, компактно проживает около 80 бабинских саамов. Вероятно, в Ковдорском районе сегодня никто не говорит на бабинском языке. Но ситуация бабинского языка подробно еще не исследовалась. Хотя очевидно никто из среднего поколения бабинских саамов в с. Ёна не научился говорить на бабинском языке от своих родителей, есть люди, которые слышали этот язык в детстве. Поэтому можно предположить, что среди среднего и старшего поколения должны быть представители, которые имеют определенные пассивные знания бабинского языка.

В с. Ёна с 2004 года регулярно организуются курсы кильдинского языка. Среди бабинских саамов, которые обучаются на этих курсах, есть те, кто надеется, что они, имея хорошие знания кильдинского языка, в будущем смогут перейти на бабинский язык. Теоретически это было бы возможно, так как есть грамматика бабинского языка

(Зайков, 1987) и в архиве Карельского научного центра Российской Академии наук в г. Петрозаводске хранятся аудиозаписи бабинского языка, которые были собраны в 1960-е и 1970-е годы и с помощью которых можно было создать учебные пособия для языковой ревитализации. То же самое касается и ревитализации иокангского и скольтсаамского языков.

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КОЛЬСКО-СААМСКИХ ЯЗЫКОВ – ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Все четыре кольско-саамские языки сегодня находятся под серьезной угрозой языкового сдвига с саамского на русский язык. Бабинский язык уже почти исчез, ситуация иокангского и скольтсаамского языков в России не на много лучше. Северосаамскому языку в последние годы удалось увеличить число носителей в Скандинавии и даже распространиться на Кольский полуостров.

Тем кольско-саамским языком, который имеет наилучшие шансы выжить и быть ревитализированным, является кильдинский язык. У кильдинского языка есть довольно большая группа активных и потенциальных носителей, которые представляют важный ресурс для его возобновления как ежедневного бытового языка на всех уровнях коммуникации, по крайней мере, в определенных населенных пунктах и в определенных сферах личной и общественной жизни. Для этого необходимо составить эффективную программу по ревитализации языка и мобилизовать его активных и потенциальных носителей, как в сельских местностях, так и в городской среде.

Скольтсаамский язык находится в более сложной ситуации, но скольтсаамское сообщество в России имеет возможность ревитализировать свой язык с помощью скольтсаамского сообщества в Финляндии, у которого еще есть группа активных носителей, которые используют скольтсаамский язык в повседневной жизни.

Работу с иокангским и бабинским языками, с другой стороны, надо начинать с возрождения языка, необходимо создать базу для обучения и маленькими этапами продвигать языковую работу.

Каждый язык имеет свою специфическую ситуацию и определенные условия для выживания. Ревитализация языка неизбежно означает его возобновление как ежедневного бытового языка во всех сферах коммуникации. Чтобы работа по языковой ревитализации могла быть эффектив-

ной и долгосрочной, необходимо ставить реалистичные цели, т. е. приспособливать языковую работу к индивидуальным условиям языкового сообщества и реально смотреть на возможности развития этого языка.

Чтобы язык смог дальше жить и развиваться, он постоянно должен передаваться следующим поколениям, то есть детям и молодежи. Для привлечения именно детей и молодежи к изучению и использованию саамского языка недостаточно применять его лишь в сферах фольклора и традиционной культуры или как символический язык на общественных и туристических мероприятиях. Важно создать для молодого поколения интересную, новую и социально-бытовую обстановку, в которой можно использовать саамский язык более естественно (например, в популярной культуре, в интернете и мультимедиа, в СМИ, в современной литературе и музыке и т. д.). Для этого необходима модернизация языка и его приспособление к современному обществу, для чего необходимо создание новой лексики, связанной с современной жизнью, с современными профессиями и с современными сферами деятельности. Чтобы кольско-саамские языки стали популярными, нужно поднять их статус. Одним из способов повышения статуса является создание ситуаций, в которых знания именно кольско-саамских языков исключительно требуются (например, при оформлении на работу сотрудников Кольского саамского радио и Национального культурного центра в с. Ловозере, при публикации статей и литературы на саамском языке без перевода на русский и т. д.). Другим путем повышения статуса кольско-саамских языков может быть привлечение населения других национальностей и также скандинавских саамов к изучению кольско-саамских языков на совместных курсах и в языковых лагерях.

Большинству представителей молодого саамского поколения в России родители не передали саамский язык с детства. Для них необходимо создать курсы и учебные пособия, которые разработаны для изучения саамского языка как иностранного языка. Также недостаточно ориентироваться только на детей и на начинающих. Учебные пособия и языковые курсы должны быть разработаны для разных возрастных групп с разными уровнями знания языка. Для этого требуются учителя, которые используют современные методы преподава-

ния языка и которые смогли бы преподавать язык на специализированных курсах (например, на спецкурсах для родителей, молодежи, оленеводов, компьютерщиков, воспитателей, журналистов, культурных работников, писателей и др.). Чтобы закрепить знания, дополнительно к языковым курсам необходимо создать возможности для упражнений по активному устному и письменному использованию языка на практике.

Ревитализация языка требует эффективного и долгосрочного планирования языковой работы. В Норвегии эту задачу выполняют саамские языковые центры, которые координируют практическую языковую работу в разных коммунах и населенных пунктах. Такие центры связывают различные поколения языкового сообщества, учебные заведения, культурные учреждения, местные органы власти, СМИ и др. В Норвегии саамские языковые центры финансируются государством и получают дополнительные средства, например, через проектную деятельность. Языковые центры выгодны коммунам, так как коммуны через них получают дополнительное государственное финансирование и этим отличаются от других коммун, что повышает их статус. Особенно в сельских местностях и в глубинках языковые центры помогают объединять разные поколения местных жителей, включая их в социальную и культурную деятельность в связи с языковой работой. Языковые центры также притягивают интерес туристов и посетителей сел, знакомят их с саамским языком и культурой или проводят языковые курсы для международной общественности.

Поддержка государства и органов государственной власти очень важна для ревитализации языка. Законодательство Российской Федерации дает саамам возможность сохранить и развить свои языки. Но для реализации этих прав на практике важно получить понимание и поддержку для языковой работы со стороны представителей местных и региональных органов власти. Для этого необходимо, чтобы те люди, которые работают с языковой ревитализацией постоянно вели конструктивный диалог и активно сотрудничали с представителями органов власти, а также со своими общественными лидерами. Чтобы ликвидировать предрассудки и разбудить интерес и понимание к ревитализации языка, важны сотрудничество и коммуникация между разными поколениями внутри языкового сообщества, а также

между языковым сообществом и местными жителями, которые представляют другие национальности и языки.

Для расширения опыта работы по ревитализации языка и для получения дополнительных средств на проекты необходимо сотрудничество на международном уровне. Такое международное сотрудничество уже много лет функционирует между саамским сообществом в России и саамским сообществом в Скандинавских странах. С 1990-х годов проводятся различные проекты, которые в основном финансируются на западные средства и которые представляют важную поддержку для ревитализации и развития кольско-саамской культуры и языков. Однако был проведен ряд проектов, которые не дали ожидаемых результатов. Примерами этому являются провал Кольского саамского радио или скандал вокруг Национального культурного центра в с. Ловозере в 2009 году. Оба учреждения были созданы по скандинавским моделям и с помощью западной финансовой поддержки. Но из-за небрежного руководства, кумовства и некомпетентности своих правлений и лидеров эти учреждения не смогли развить структуры, чтобы самостоятельно выжить и продолжить свою деятельность в местных условиях после окончания проектного финансирования.

Со стороны иностранных финансистов и партнеров серьезной преградой для удачного проведения таких проектов являются недостаток знаний о местной среде и культуре и отсутствие знаний русского языка. Многие проекты проводятся по западным моделям, создаются учреждения, которые функционировали бы, например, в Скандинавии, но они не приспособлены к условиям деятельности на Кольском полуострове, поэтому и непригодны для работы в России. Дополнительно к этому иностранные финансисты не всегда достаточно контролируют выделенные проектные средства и выполнение проектной деятельности на Российской стороне. Бесконтрольный поток западных денег в общество с серьезными экономическими и социальными проблемами однозначно способствует росту коррупции и кумовству внутри саамского сообщества, где создалась элита политических и культурных лидеров, у которых есть тенденция расхищать проектные средства и которые контролируют проектную деятельность независимо от того, какие интересы они представляют, и независимо от того, компетентны ли

они проводить эти проекты. Лидеры, которые искренне работают на развитие своего народа, и люди, которые компетентны и выполняют все необходимые условия, но не являются членами этой элиты, как правило, находятся под давлением этой элиты лидеров. В крайнем случае, они отстраняются от общественной деятельности или сами от нее уходят. Это, безусловно, является серьезной преградой для успешной ревитализации и для развития саамского языка и культуры. Давление общественной элиты вызывает пассивность и неуверенность среди множества неэлитных членов сообщества по отношению к языковой и культурной работе, ответственность за которую они в итоге сами перекладывают на лидеров и на государство, чтобы избежать неприятностей и конфликтов внутри своего сообщества.

Другим тормозом для языковой ревитализации является политика некоторых специалистов по саамскому языку, которые утверждают, что для работы по развитию языка обязательно надо иметь специализированное высшее образование. Большинство носителей саамского языка, особенно активные носители, не имеют такого опыта. С другой стороны, у многих представителей саамского сообщества, которые имеют высшее образование, не хватает знания саамского языка и интереса работать над его развитием. Опыт других языковых обществ, как, например, в Скандинавии или в Новой Зеландии, показывает, что человек, который имеет хорошие знания языка и проявляет горячий интерес для работы по его сохранению, а также активно и тесно работает с людьми, не хуже образованного педагога может достичь хороших результатов в языковой ревитализации. Внедрение языка должно произойти среди обычного населения и с помощью специальных методик и учебных пособий. Специалисты с нормативным педагогическим образованием, которые незнакомы с передачей языков меньшинств и коренных народов и которые недостаточно вникают в жизнь местного населения, которое желает ревитализировать свой язык, могут не всегда видеть его потребности и альтернативные способы решения языковых проблем.

Языковая ревитализация обычно начинается с людей-энтузиастов, постепенно переходит на определенные семьи и со временем становится народным движением. Чтобы добиться удачного результата языковой ревитализации, важно, чтобы

те люди, которые сталкиваются с языковыми проблемами на практике и активно работают над их решением, сами создавали учреждения и структуру работы в согласии со своими потребностями и условиями жизнепроживания. Простые люди должны иметь возможность повлиять на языковую и культурную работу и проявлять интерес к тем проектам, которые непосредственно касаются их жизни. Задача ученых и специалистов в этом процессе – передать свои знания и свой опыт. Задача саамских лидеров и политиков – это поддержка практической языковой работы продвижением языковых вопросов на районном, областном и государственном уровне общественной политики. Задача местных властей, а также российских и зарубежных фондов, – выслушать языковое сообщество и предложить законодательную и финансовую поддержку, которая приспособлена к условиям и потребностям местного населения и будет защищена от расхищения, как со стороны представителей органов власти, так и внутри самого языкового сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ревитализация языка – это долгосрочный процесс, который занимает несколько поколений и требует активной поддержки не только со стороны государства и представителей местной власти. Важнейшее условие для удачной языковой ревитализации – это интерес, энтузиазм и активность языкового сообщества в языковом планировании и в языковой работе. Ревитализация начинается в семье и в голове каждого индивидуального человека, и ее удача зависит от согласия людей взять на себя ответственность и вложить свои личные силы в этот процесс. Без этого самые современные методы и программы для передачи языка, самая обширная денежная и юридическая поддержка и самые эффективные учебные и культурные заявления не помогут спасти язык в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронова, 1989. Воронова, О. В. Ялла. Авьтмусс сáмь стиха книга / Мурманское книжное издательство. – Мурманск, 1989. – С. 39.
- ВПН, 2002. Всероссийская перепись населения 2002. – <http://www.perepis2002.ru> 20.04.2010.
- Зайков, Керт, 1987. Зайков, П. М., Керт, Г. М. Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование).

- дование) / Карельский филиал Академии Наук СССР, Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск, 1987. – С. 186.
- Иванищева, Прахова, 2007. Иванищева, О. Н., Прахова, А. Д. Ситуация языкового сдвига в местах распространения языка кольских саамов / Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. – Москва, 12–16 ноября 2007. – С. 81–84.
- Антонова, Виноградова и др., 2009. Антонова, А. А., Виноградова, Г. А., Данилова, С. С., Медведева, М. Г., Шаршина, Н. С. Кйл кйайн. Нюохчманн 2009 ы. № 1 (1) / «Самиздат». – Ловозеро, 2009. – С. 6.
- Керт, 1967. Керт, Г. М. Саамская письменность // Прибалтико-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии / Издательство «Наука». – Ленинград, 1967. – С. 110–115.
- Кряжков, 2007. Кряжков, В. А. Статус коренных малочисленных народов России: Международные правовые акты и Российское законодательство. Книга четвертая / Юридическая литература. – М., 2007. – С. 164–172.
- Луйск, 1934. Луйск, К. К. Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе / Выпуск I. Издание Комитета Нового Алфавита. – Мурманск, 1934. – С. 43.
- Мисюра, 2003 (2007). Мисюра, М. Г. Схема Северо-западного федерального округа / Роскартография. – СПб., 2003 (2007).
- Пассанэн, 2009. Пассанэн, А. Практическая реализация принципа «языковых гнезд» и финно-угорский проект «Языковое гнездо» / Выступление на сессии рабочей группы «Обучение родному языку в дошкольном возрасте: проблемы и перспективы» на конгрессе проводимого Международным консультантом финно-угорских народов в Сыктывкаре 17. – 18.11.2009. – Сыктывкар, 2009. – С. 9.
- Данилова, Шаршина, 2009. Данилова, С. С., Шаршина, Н. С. Проект завершился. Что дальше? / Ловозерская правда. № 11(8450). – Ловозеро 20.03.2009. – С. 2.
- Шеллер, Рисслер, 2008. Шеллер, Э., Рисслер, М. Сামь Кйлл Сыййт Лагерь по изучению кильдинского диалекта саамского языка. Луяввър, 13.08. – 26.08.2007 отчет. / – Умео, 2008. – С. 6. <http://www2.hu-berlin.de/ksdp/download/OTCHET.pdf> 20.04.2010
- Терешкин, 2002. Терешкин, С. Н. Йокангский диалект саамского языка. 10.02.02. – языки народов Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Российский государственный педагогический Университет имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 73.
- Чернавский, 1934. Чернавский, В. А. О мероприятиях по переводу школы на родной язык // Луйск, К. К. Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. Выпуск I / Издание Комитета Нового Алфавита. – Мурманск, 1934. – С. 5–7.
- Шаршина, Шеллер, 2008. Шаршина, Н. С., Шеллер, Э. (при сотрудничестве А. А. Антоновой). Сামькисыйт (бóххпнуувэмтүй). 1. Грамматика. 2. Лексика. – Луяввър, 2008. – С. 91.
- Aikio, 2003. Aikio, A. The geographical and sociolinguistic situation // Pennanen, J., Näkkäläjärvi, K. Siiddastallan: from Lapp Communities to Modern Sámi Life. – Inari. – С. 34–40.
- Barentsobserver, 22.01.2009. Kola Sami Radio might be closed. <http://www.barentsobserver.com/kola-sami-radio-might-be-closed.4548612-16149.html> 22.01.2009
- Fishman, 1991. Fishman, J. A. Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages / Multilingual Matters. – Clevedon, 1991. – С. 431.
- Grenoble, Lindsay, 2006. Grenoble, L. A., Lindsay J. W. Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization / Cambridge University Press. – Cambridge, 2006. – С. 231.
- Johansen, 2006. Johansen, I. «Det er ikkje eit museumssprek – det har noko med framtidå å gjera». Ei sosiolingvistisk undersøking av revitaliseringa av sørsamisk. Mastergradsavhandling i nordisk språkvitenskap. Institutt for nordistikk og litteratur vitenskap, NTNU. – Trondheim, 2006. – С. 145.
- KSDP, 2009. Kola Saami Documentation Project <http://www2.hu-berlin.de/ksdp/> 20.04.2010.
- Rantala, Sergina, 2009. Rantala, L., Sergina, A. Áhkkila sápmelačat. Oanehis muiatalus sámejoavkku birra, man manjuš sámegielalaš olmmoš jámii 29.12.2003. – Roavvenjárga, 2009. – С. 79.
- Sammallahti, 1998. Sammallahti, P. The Saami languages. An introduction / Davvi Girji. – Kárášjohka. – С. 268.
- Scheller, 2008. Scheller, E. Säm' Kill Syjjt – Språkläger i kildinsamiska Lujavv'r, 03.07. – 17.07.2008. Rapport. – Tromsø, 2008. – С. 7. <http://www2.hu-berlin.de/ksdp/download/RAPPORT2008.pdf> 20.04.2010.
- Scheller, 2009–2010. Scheller, E. Säm' Kill Syjjt – Språkläger i kildinsamiska Lujavv'r, 11.07. – 24.07.2009. Rapport (неопубликовано). – Tromsø, 2010. – С. 5.
- Somby, 2005. Somby, L. I. Projekt Kola Saami Radio i Russland. Rapport 01.06. 02-31.10.05. – Guovdageaidnu/ Kautokeino. – С. 25. <http://www.saamicouncil.net/files/20060123163858.pdf> 20.04.2010
- Todal, 2002. Todal, J. ...jos fal gáhttet gollegiela. Vitalisering av samisk språk i Noreg pe 1990-talet. Avhandling til dr.art.-graden / Det humanistiske fakultet Universitetet i Tromsø. – Tromsø, 2002. – С. 233.
- UNESCO, 2003. UNESCO Intangible Cultural Heritage Unit's Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages, March 10, 2003: Language Vitality and Endangerment. – Paris, 2003. С. 25.

ОАНЬХЕСЬ КЫРРЬЙ

Кыррый вэзхалл Рүшш-ёммыне сামь кил туй я пыянт, кóххт пэря вуаниче пайнэ кил. Тарым Куэлнэгк нёарк соаме пугк нёлльй кил лёв вэсът кадтмэдтэ я килоаннэй выйтнэв сামь килэсът рүшш килле. Килт, таррый я нюхт-явър кил вэсътэ вял онньюоввэв. Ахъкэль (Акъявш) килл, вуай цёлльке, кадэ, ноа лёв вял буллмэ, кесът кудтьенъ тэнн кил рёяс тёд. Таввялсамь килл, ку пудё Рүшш-ёммыне 1990 ыгенъ, коапч ёна я ёна сон оаннъет, кóххт Скандинавиясът, ныдтэ э Куэлнэгк нёаркэсът. Конн гоарренъ ель вэльшэхт тэнн ёл, ноа килт соаме кил пайнэмуш пай эвтэс манн.

Таррим, кусстай, алт 800 булмэнъ Рүшш-ёммынесът лев тёд сামь кил баяс. Синэнъ, вуай пынё, 200 булмэдтэ вуай коаххче “потенциальнэ кил оаннъегуэй”. Синэнъ лёв кил шиг рёяс тёд: сый оантшэв пугк лубэ ённэ, ённэ сийе маххэхтэв саррнэ сামь килле, ноа югке рээз гуэйке сый ев сарн кайнханна, ваймленне лубэ вобье сев сарн. Рүшш-ёммынесът тарым ван 100 ваймлэсъ сামь кил оаннъедтэ ёллев. Самиас ваймлесь саррнъедтэ, вуай цёлльке, лев буллмэ, кугк пуэраст я валльтенне саррнэв йжесъ килле кóххт авьтма килле, ныдтэ э нымып килле, я кугк оаннёв сামь кил югке пейв я югке саесът.

Самь килл тоайив онньюовв вэзхэллэм (символический) килэнъ, валльтэ, вўзъхемь гуэйке, манътэ олма ли - сামь вай мудта. Ныдтшэ вэзхэллэм кил онньюовв ёххтса сামь ялэсът, лубэ, го “шоу килл” вэзхалл йжесъ буллмэ культура. Вэзхэллэм кил оаннёв ев лышшэ буллмэ, ванас тидтёй кил, ноа э буллмэ, пуэраст тидтёй кил. Енамп вэзхэллэм кил оаннёв буллмэ, кугк ваймельт кускнэв ёххтса сামь ялла.

Янаш сামь кил оаннэй ев кусстэ. Чута кусстев сামь килл ваймлесь, кугк ваймельт кускнэв ёххтса сামь ялла, буллмэ кесът ли ёлл сай ялэсът я ял выгкей, го политик я шурьмуз (лидеры). Ноа янаш сামь кил ваймлесь оаннэй ев кусстэ. Тэнн “эй кусстей” буллмэ тухха ныдтшэ мённэв янаш потенциальнэ кил оаннэй, нурр пуллдэг, буллмэ эй соаменъ выйтма я буллмэ вулльгесъ ял сэенъ, валльтэ, кёбп войвишна буллмэ, вуайпей роавас чоазенъ я мудта рээгүэйм вуайпей буллмэ.

Го кил пайнэмуш логэнч васът яллхэ килт кил, гу югкепайвса кил, ку валльтенне онньюовахх

югке сэенъ, танна килт кил ваймлесь я потенциальнэ оаннэй эй кусстей тухх лыхх шурр потенциал. Эвтэс, кунт гуэйке васът кил пайнэ, бэдьсууввэв бххпэй, тидтэй одт я тарримъя кил бххпэм тутэв, одт бххпэм кырьетъ я кил бххпэм оанъхесъ кескэвь лыгксаххэтэм гуэйке эвтэс бххпмуж. Лашшень кил бххпэм оанъхесъ кескэвь бэдт лыххэ ёна вуаничмужэтъ кил ваймля оаннём гуэйке самиас саррнэм паль югкепийве вуаничмэв варсът самиас саррнэм выркэтъ. Анньюовв э сামь буллмээ эхтнэг сиыкасът кескэсът югке пуллдэг ёна ёххтса кил тутэв выгке я ныдтшэ выгке ёххтса тутэв кескэсът сামь килл ваймлекуэйм, пайхък ял выгкэй чурьвэгуэйм. Ныдтшэ шурр туйт ли аннътэ Куэлнэгкнёарк соаме килтэй ённгэдтэ аля ялл сай, валльтэ, лыххэ вёххъкенъ мугка тутэв, кугк ённэв килт соаме килтэй оаннмуж. Кил сай пайнэм гуэйке вял э мугка вуэймуш линнчле вуаяхч, валльтэ, Скандинавскэ сামь буллмэ валтченъ шуря пайдцэльвуд я тыввьвуд Куэлнэгкнёарк соаме килэ альн. Тэйт тутэв вуаяхч ялльке пэйель ёххтса оанъхесъ килт кил бххпэм кескэ Скандинавскэ соаме я Куэлнэгкнёарк соаме гуэйке. Вял кусстай мугка лыхх, валльтэ, Куэлнэгкнёарк соаме килтэй ёххтэ Скандинавскэ шиг программат пайнэм гуэйке сামь килтэв.

Самь килле пыиень Сандэр Антонова я Элизабет Шеллер.

СОАГНЭХХЬК

ваймлесь кил оаннэй — активный носитель языка;

вуаничмуш, вуэймуш — возможность;

вэзхэллэм килл — символический язык;

эвтэс бххпмуш — продвинутый этап обучения;

кил бххпэм оанъхесъ кеск — языковые курсы;

кил пайнэмуш — ревитализация языка;

килл ваймль — языковой активист;

оанъхесъ кырь — резюме;

пыиень — предполагать, решать;

талльтэ — современный;

тыввьвудт — интерес;

чуэррьв — чиновник, начальник, руководитель, вождь, председатель;

ёлл ялл сай — высокий статус;

ёххтса яллмуш — общественная жизнь.

ДАВИД ПИНЕДА

Переключение кодов в кильдинском языке

ВВЕДЕНИЕ

Сельское поселение Ловозеро, по-саамски Луяввър, находится в центре Кольского полуострова. Первое упоминание этого поселения относится к 1574 году¹. Село расположено на обоих берегах реки Вирмы. Коренное население — саами, с начала XX столетия туда же переселились коми-ижемцы из Большеземельской тундры, способ оленеводства которых был более интенсивный. С тридцатых годов в деревне стали селиться и люди других национальностей, в том числе много русских. В Ловозере сейчас живут примерно 3100 жителей, преобладает русский язык. В селе Красношелье, в том же районе, язык коми еще выполняет многие функции, и местные саамы «объижемели».

Несмотря на то, что большая часть жителей Ловозера — саами и коми, русский язык доминирует; саамский (в основном кильдинский вариант) и коми-ижемский не видны и их редко можно услышать на улице. Большинство саамов свободно владеет русским языком, а некоторые и коми языком.

В тридцатые годы существовал письменный саамский язык, созданный на основе латиницы, издавались учебники, буквари, книги для чтения. В 38-м году этот письменный язык перешёл на кириллицу, а после уничтожения части саамской интеллигенции во время сталинских репрессий письменный язык перестал использоваться. В восемидесятые годы снова был создан письмен-

ный язык, в этот раз на основе кильдинского варианта и на кириллице. В этой статье цитаты даются в основном в орфографии, использованной в словаре Г. М. Керта.

Наш научный коллектив из Университета г. Тромсё (Норвегия) провел несколько экспедиций в Ловозеро в 2007—2008 годах, во время которых записывался материал как на русском, так и на саамском языках. При этом поддерживалось сотрудничество с коллегами из Германии, которые ведут документационные работы в рамках проекта KSDP. В нашем материале, который состоит в основном из свободной как можно более спонтанной диалогичной и монологичной речи, встречается много переключений кодов с одного языка на другой и много заимствований из русского в саамский.

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ

Как и все языки, саамские языки Кольского полуострова уже давно находятся в ситуации языкового контакта с соседними языками. Об этом свидетельствуют многочисленные заимствования в саамском из разных языков, среди которых из германских (напр., *лёйп*) и прибалтийских (*суйин*). Саамские языки уже стоят в непосредственном контакте с носителями русского языка по крайней мере с XIII века. Постоянная связь между этими двумя языками в течение примерно 800 лет конечно влияла и на тот, и на другой язык.

Как и везде в мире, где разные народы соседствуют, их языки влияют друг на друга разными способами. Очень распространенный тип влияния — *заимствование*, для которого даже необязательна

¹ На более ранний период указывал Кучинский. См. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI—XVIII вв. Модель социальной структуры. — Альта, 2008. Прим. гл. редактора.

непосредственная близость участвующих языков или даже знания другого языка: русские, не владеющие норвежским языком, тем не менее, знают норвежское слово *фьорд*. В кильдинском языке мы встречаем многие заимствования из русского. Это касается как лексики современной культуры и техники (автобус, книга), так и более старого пласта заимствований (*сбан* — «санги», *рёбэт* — «работа»). С другой стороны, русские переселенцы, населившие Терский берег Белого моря, столкнулись там с новой, незнакомой природной средой, и чтобы описать местную природу, местный климат, оленей и оленеводство, они заимствовали эту терминологию у соседей, саамов и карелов. В качестве примера можно назвать слова *важенка* — «самка оленя» (от саамского *важъ*) или *тинда* — «мелкая летняя семга» (от саамского *тыннът*). Самое известное заимствование из кильдинского, пожалуй, распространенное по всему миру слово *тундар*, по-русски — тундра.

В некоторых случаях, когда ситуация языкового контакта становится постоянной, могут возникать так называемые *смешанные языки*. Пример такого языка существовал на Медновских Алеутах. Лексика этого языка была в основном алеутского происхождения, а местоимения и глагольное спряжение — русского, как в примере *ми иво найа нуйали* — «мы к нему подошли», где *ми* («мы»), *иво* («его») и глагольное окончание *-али* — из русского¹. В Южной Америке существует похожая ситуация, где слились аборигенный язык кечуа — древний язык инков и колониальный испанский язык в *медиа ленгва* — «средний язык» (Muysken, 2000).

В других контактных ситуациях возникают так называемые *пиджины*: это чаще всего упрощенные варианты колониальных языков с лексическими заимствованиями из другого языка. Они служат в основном средством коммуникации в торговле между разными народами, часто, но не всегда, при колониальных обстановках. Известный пример такого пиджина, не возникшего вследствие колониализма, а чисто международной торговли — «руссенорск», или «моя-по-твоя». Это была смесь норвежского и русского, с очень упрощенной морфологией, без всяких падежей.

Если пиджин становится родным языком для части населения, что имело место во многих

¹ Примеры взяты из: Головко Е. В. Материалы для изучения языка медновских алеутов // Лингвистические исследования. Проблематика взаимодействия языков. 1988.

колониальных империях, то этот новый язык называется *креольским языком*. Поскольку родным носителям такого языка нужен намного более нюансированный и тонкий язык, чем тот, который употребляется в торговых разговорах, синтаксис креольского языка обычно становится сложнее, словарный запас — богаче. Примеры таких креольских языков мы встречаем особенно в Америке — как португальский креольский язык *папьементу* на Антильских островах и в Азии как английский креольский язык *ток-писин* — в Папуа-Новой Гвинее.

При языковом контакте встречается еще другой тип смешения: это так называемое *переключение кодов* (англ. code-switching, дальше ПК). В отличие от смешанного языка, в котором участвующие языка слились полностью в один новый, устойчивый вариант, при ПК речь идет о переходе с одного языка на другой в рамках одного разговора. Это может происходить на уровне смены коммуникативных ролей (участник А в разговоре говорит на языке А, участник Б отвечает на языке Б) или на уровне предложения (участник А начинает говорить на языке А, а между двумя предложениями переходит на язык Б).

Существуют еще другие варианты ПК, для которых часто употребляется понятие *смешение кодов* (англ. code-mixing). Здесь переходы с одного языка на другой происходят на уровне ниже предложения. Таким способом первая часть предложения может быть на языке А, а вторая половина — на языке Б (напр., *I went for a walk, a сразу дождь стал идти*). В другом варианте в предложении преобладает один язык А (язык-матрица), а включаются отдельные слова или короткие фразы из другого языка Б в неадаптированном виде, т. е. не приспособляются к языку А ни с точки зрения морфологии, ни с точкой зрения фонологии. Некоторые исследователи считают, что это на самом деле — не переключение кодов, так как смешение кодов не выполняет такие же функции в структурировании разговора, как ПК на уровне выше предложения. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

Хотя ПК наверно встречалось всегда и везде, где существовала ситуация двуязычия, внимание со стороны науки появилось только в XX веке. До этого смешение разных языков рассматривалось как результат неграмотности или недостаточных знаний языков. Только в 50-е годы норвежско-

американский ученый Эйнар Хауген в своей работе о языке норвежских поселенцев в США признал систематичность и функциональность ПК. Одна из первых научных работ, в которой ПК рассматривалось как систематическое явление, имеющее прагматическое значение в устройстве разговора, была статья норвежца Ян-Петтера Блома и американца Джона Гамперца, написанная в 1972 году (Blom, Jan-Petter & John J. Gumperz, 1972). В своей статье авторы показывают, что употребление того или другого «кода» (в этом случае: литературный норвежский язык и севернонорвежский говор) является не произвольное нарушение правил, не «полный хаос», а «стратегия разговора», имеющая свои правила. Другие исследователи, сосредоточиваясь на синтаксическом строении, утверждают, что для того, чтобы сопоставить два языка в одно предложение, нужны на самом деле хорошие знания обоих языков и большая «виртуозность» (Muysken, 2000; Poplack, 1980).

ПОДХОДЫ К «ПРОБЛЕМЕ» ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ

В научной литературе существуют разные подходы к изучению ПК:

1. Подход на уровне *синтаксиса*. Здесь основной вопрос заключается в том, существуют ли синтактические ограничения в употреблении ПК внутри предложения. Например, может ли местоимение из языка А стоять к глаголу языка Б, как в примере *мунн читаю* — «я читаю»? Среди представителей этого подхода мы встречаем Питера Мюйскена, который в своей работе в 2000 году «Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing» (Muysken, 2000) даёт типологию разных типов ПК: т. н. *инсерционный*, при котором вставляются в речи на языке А отдельные слова или выражения из языка Б, *альтернационный*, при котором два языка чередуются, и *конгруэнтная лексикализация*, при которой участвующие языки по структуре очень близкие, и в общую структуру ставятся то слова из одного, то слова из другого языка. Другой важный представитель синтаксического подхода Карол Майерс-Скоттон развивает модель *Matrix Language Frame*. Согласно этой модели при ПК всегда есть один язык-матрица; хотя слова и морфемы (т. е. значимые части слова, как, напр., суффиксы) обоих языков могут участвовать в ПК, определенные морфемы, т. н. «внешние поздние системные морфемы», происходят только из языка-матрицы (Myers-Scotton, 2002, Myers-Scotton & Jake, 2009).

2. Подход на уровне *социолингвистики*. В рамках этого подхода обсуждаются вопросы о связанныности ПК с обществом, в котором оно существует: при каких общественных обстоятельствах возможно ПК? Как влияет на ПК неравный социальный статус участвующих языков? Связано ли ПК с «маркированностью» языка в определенных разговорных контекстах, с тематикой разговора, с выражением своей этнической принадлежности и т. п. Среди представителей этого подхода встречаются Джон Гамперц, который — как один из первых — показывал на систематичность явления (Blom, Jan-Petter & John J. Gumperz, 1972). В этой работе различаются *ситуационное ПК*, которое связано с изменением внешних обстоятельств разговора — с местом, ситуацией, участниками, и *метафорическое ПК*, где переключение связано с изменением темы разговора. Другое понятие, использованное Гамперцем в книге *Language and Social Identity* (Gumperz, 1982), — «we-code» и «they-code»: первым обозначается тот код, который считается «родным», «своим»; вторым — «чужим», «ихним». Другим исследователем этого направления можно называть Монику Хеллер, которая исследует употребление ПК как «оружие» для выражения национального самосознания (Heller, 1982);

3. Подход с точки зрения *конверсационного анализа*. Здесь рассматривается вопрос о том, какую роль играет ПК в структурировании разговора и в его контекстуализации. Ниже мы подробнее рассмотрим этот подход.

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Конверсационный анализ (КА) — это именно «анализ разговора». Это направление науки, возникшее в 70-е годы в работах таких авторов, как Харви Сакс, Анита Померанц и Эмануэль Шлегероф, представляет собой эмпирический подход к изучению структуры разговора, то есть избегает преждевременного создания теории. Вместо того ищутся повторяющиеся структуры или модели в записях спонтанных разговоров (Levinson, 1983).

Исследователи, работающие в этом направлении, анализируют обычные разговоры, изучают, как построен разговор, как реагирует один участник разговора на реплики, «очереди» другого участника. Они ищут в этих разговорах порядок или систему. Их исследования показывают, что на самом деле каждый разговор имеет свой порядок и что есть определенные закономерности в том, как

собеседники реагируют друг на друга, как они воспринимают реплики другого.

На основе этих закономерностей у участников разговора есть определенные ожидания насчет того, как происходит разговор. Когда нарушаются такое правило или ожидание, участник разговора воспринимает это как «знак». В разговорах только на одном языке, например, на русском, такой «знак»дается другими средствами, например, паузой, изменениями громкости, темпа речи или интонации. А билингвы, т. е. люди, владеющие двумя или больше языками, кроме того пользуются переходом с одного языка на другой как средство сигнализации (Auer, 1995; Milroy & Li Wei, 1995).

«Знак» чего? Исследователи описали разные способы употребления этого контраста для структурирования разговора. Один из них — *выделение цитат*. Когда мы цитируем другого человека — или себя — в письменной форме, мы чаще всего выделяем цитату путем кавычек: *он сказал: «приди сюда»*. В разговорной речи, где нет кавычек, цитаты чаще всего выделяются либо паузой, либо изменением голоса (например, подражанием голоса цитируемого), либо вводными скобами: *он сказал типа/вроде приди сюда*. Билингвы пользуются не только этими средствами, но еще и возможностью переходить на контрастирующий язык. Это может выглядеть так:

Въл сэрнэв вот са... лопари колдуны.

«Еще говорят вот саа... лопари колдуны» (L26H7_01_16).

В предыдущем фрагменте говорящий объясняет, что у саамов есть еще свои традиционные верования. Здесь он цитирует общее (русское) мнение, что саамы — колдуны. Чтобы выделить цитату, он переходит с саамского на русский, употребляет вводное слово *вот*, и — после короткого колебания — изменяет «политкорректное» слово *саамы* словом *лопари*, которое, наверно, употребляли бы русские в деревне.

В следующем примере мы тоже видим ПК как средство выделения цитаты:

Седьмоесть лайй бригадирэнъ. Браконьеры соннэ каабин вухца пыйлэнъ, сэрн: алках ... будешь много рыпаться сейчас и тебя вместе с оленями свалим.

«В седьмой [бригаде] был бригадиром. Браконьеры ему каабин в лоб поставили, говорит: будешь ... будешь много ...» (L26H7_01_23).

После слова *сэрн* — «говорит», вводящего цитату, говорящий переходит на русский — правда, не совсем слитно: он начинает по-саамски (*алках* — «будешь»), а потом, после короткой паузы, «ремонтирует» цитату, переходя на русский.

При этом язык, на котором цитируется человек, не должен обязательно совпадать с тем, на котором этот человек на самом деле говорил. Самое важное здесь — контраст двух языков.

Противопоставление разных языков может тоже служить другим целям. В научной литературе говорится о понятии *«change of footing»*, которое можно перевести примерно как «изменение основы». При этом имеется в виду основу разговора, или по-простому: настроение, стиль или тон, которые меняются. Речь может идти о переходе от серьезного к шуточному, от рассказа к обсуждению, от более официального дела к личному и т. д. Как и в случае употребления ПК для выделения цитат мы имеем дело с явлением, которое в разговоре только на одном языке маркируется паузами, изменением интонации и т. п. Для билингвов переход между языками является в первую очередь дополнительным средством для достижения того же результата.

В следующем примере говорящий рассказывает о верованиях, связанных с ловлей рыбы в озере. Чтобы успешно ловить рыбку, надо уважать «хозяина» озера, говоря с ним. Русские не уважают эти традиции, и поэтому ловля невенчается успехом:

И күлль ев шыл... эй шылъешкуадта. Мый тоаэ мэнэмъ, мэнэмъ гу куайсэмъ, мбаст уйтэмъ, всё. Не знаю вот, не могу объяснить сам тот факт, вот ну почему так ну они тоже ловят рыбу ...

«И рыба не ло... не стала ловиться. Мы туда приехали, пришли как черпнули, обратно ушли всё. Не знаю вот ...» (L26H7_01_22).

Говорящий рассказывает по-саамски что случилось. После этого он переключается на русский, когда начинает обсуждать причины неудачи русских, то есть: когда переходит от перечисления фактов к выводам или причинам («не могу объяснить сам тот факт»).

В следующем фрагменте мы видим другой тип перехода. После другого рассказа по-саамски — о традиционных верованиях — говорящий переключается на русский, переходя на другую тему: есть ли у лингвистов, записывающих разговор, еще вопросы:

А сыйй ужже поблантта лёв ныдть да сарнэв: «а тэгк хозяин тамьпе чай югкэв, эйй вуэй тоагэ выйе». [пауза] Ой, ну что, еще задавайте какие еще вопросы, а то я треицу-трещу.

«А они уже попадались так да говорят: «а это хозяева там чай пьют, нельзя туда ехать». [пауза] Ой, ну что ...» (L26H7_01_22).

Этим переключением говорящий совершает переход от самого рассказа к рамке рассказа: ситуация лингвистического интервью.

Похожее мы видим в следующем фрагменте. Информант рассказывает о ловле щуки.

Соаймэтъ лушиштэв, ... ныкшетъ торбашэв, ой ныкшетъ куэссъ торбаш... когда ... куэссъ ныгкешъ ёадт — [очень тихо] когда щука идёт — [громче] они ... место знают где она идёт, туда ставят сетки, и мерёжем, и торбаш делают.

«Сетки спускают, ... щук торбают, ой щук когда торба- ... когда ... когда щука идёт — когда щука идёт — они ... место знают ...» (L28V8_03_03).

Информант, предполагая, что иностранные гости не понимают саамское выражение *куэссъ ныгкешъ ёадт*, переводит его на русский. Это он делает очень тихим голосом, как будто в сторону. После этого «постороннего» замечания на русском информант продолжает говорить по-русски и не переключается обратно на саамский.

РАЗНЫЕ ТИПЫ «СМЕШАННОГО ЯЗЫКА»

В статье, опубликованной в 1999 году, немецкий специалист по ПК Петер Ауэр различает три типа смешения языков (Auer, 1998; Auer, 1999):

1. *Переключение кодов в узком смысле*. Это именно такой тип ПК, которое мы видели в вышеизложенных примерах: переходы происходят на стыках между предложениями и служат для выделения фрагмента путем контраста языков;

2. *Смешение языков*. Здесь переходы между языками происходят внутри предложения и с такой частотностью, что трудно сказать, на каком языке на самом деле говорят. Поэтому контрастной силы в переходе на другой язык уже почти нет. Этот тип ПК не пользуется для структурирования разговора;

3. *«Смешанный код»*: это довольно стабильный вариант смешанного языка, где определенные слова, как союзы, вводные слова и часто тоже числительные почти всегда происходят из одного из

языков. Они являются уже более или менее «занимствованными».

Второй тип, «смешение языков», мы тоже встречаем в наших записях. Некоторые фрагменты являются в высокой степени смесью языков, и трудно сказать, русское ли или саамское предложение. Посмотрим на следующий пример:

Ну, понимаю, ну, тэль, нимэнн не хочется лыххкэ, никённ уйнэ, даже сарнэ эгк выж. Тэнн мунн не отрицаю.

«Ну, понимаю, ну, вот, ничего не хочется делать, никого не видеть, даже говорить не хочется. Этого я не отрицаю» (L26H7_01_10).

В этом фрагменте мы видим, что русский глагол *хотеться* может сочетаться с саамским *lyhkhkэ* — «делать» и саамское местоимение *мунн* — «я» — с русским глаголом *отрицаю*. При таких коротких переключениях мы часто имеем дело со вставками устойчивых выражений или отдельных слов, особенно глаголов, из русского, во многих случаях не без оттенка юмора:

А кёгк лёв уже цапнули, как говорится.

«А кто были уже цапнули, как говорится» (L26H7_01_04).

В общем синэнъ гу живой кукла лийе.

«В общем у них как живая кукла была» (L26H7_01_02).

В этих примерах мы видели выражения из русского, вставленные в «саамское» предложение. В следующем примере вставленный русский глагол *займёшься* сочетается и с местоимением *тённ* — «ты» (в именительном падеже), и с местоимением *тэйн* — «этим» (в совместном падеже):

Ну ладно, тэйн займёшься тённ ляйй.

«Ну ладно, этим займёшься ты было» (L26H7_01_08).

Посмотрим на несколько других примеров ПК, где русский глагол с дополнением вставлены в саамское предложение:

И баллэ подъехали на буранах пудтэнъ.

«И мужчины подъехали на буранах приехали» (L26H7_01_21).

Здесь русский глагол движения *подъехали* «повторяется» в саамском *пудтэнъ*.

В следующем фрагменте саамское местоимение *мунн* — «я» — сочетается с русским глаголом и дополнением — *школу окончил*:

*Тэль куэсс мунн школу окончил, ажъянна сэрриэв
быдт надо робхушшэ, мунн лыххке.*

«Вот когда я школу окончил, родители говорят надо надо работать, я сделал» (L21H7_01_09).

При этом интересно, что русские глаголы почти во всех случаях сохраняют свои окончания, что не всегда бывает с существительными.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ ИЛИ ЗАЙМСТВОВАНИЕ?

Здесь мы сталкиваемся с важным теоретическим вопросом: где пролегает граница между заимствованием и ПК? Когда речь идет о фрагментах длиннее, чем одно слово, этот вопрос не является проблематичным, т. к. такие фрагменты обычно считаются переключениями. Однако, когда одно слово языка А «застряло» в среде языка Б, возникает вопрос, имеем ли мы дело с очень кратким переключением с языка Б на язык А и обратно или надо считать слово заимствованием? Некоторые исследователи выделяют специальную категорию «заимствование для данного случая» от ПК (= более одного слова) и от укореневшегося заимствования. Другие исследователи, наоборот, не видят оснований различать «заимствование для данного случая». Чтобы различать заимствования и ПК, употребляются разные критерии, самый важный из которых: приспособлено ли слово фонологически или морфологически к окружающему языку. Примеры из кильдинского (из словаря Керта): *карндаши* (карандаш), *мэркэфь* (морковь), *рісовайе* (рисовать), где, например, ударение перенесено на первый слог, в соответствии с саамской фонологией (Керт, 1986);

К сожалению, эти критерии не во всех случаях позволяют различить ПК и заимствования, так как не все заимствования приспособлены фонологически или морфологически во всех случаях. В одном из записанных нами разговоров один и тот же информант употребляет слово *буран*, т. е. снегоход, и с русской морфологией, и с саамской: *на буране* и *бураңсыт* (местный падеж) или *бураңнъ* (совместный падеж). При этом форма приспособлена или не приспособлена к саамской фонологии в разной степени: саамская фонология не разрешает ни ударения на не первом слоге, ни звонких согласных или скопления согласных в начале слова. В этом разговоре мы видим пёструю картину с формами *бураң*, *бúран*, *бригáдсыт* и т. п. В итоге можно сказать, что очень трудно найти

надёжные критерии для различения заимствований и ПК. Скорее всего, мы имеем дело с континуумом явлений, где фиксирование в словаре является последней стадией развития.

Как мы уже видели, русские глаголы в саамских предложениях часто сохраняют русское спряжение и этим, скорее всего, являются незаимствованными.

«СМЕШАННЫЙ КОД»

Кроме *смешения языков* есть еще второй тип смешения: то, что Ауэр называет «смешанный код». В таком коде определенные категории слов, как, например, вводные слова, союзы и т. п., регулярно происходят из одного из участвующих языков. Если мы смотрим на форму кильдинского языка, встречаемую в наших записях, бросаются в глаза многочисленные русские слова, которые почти систематично употребляются. Среди них есть такие, которые типичны для «смешанного кода», как *вот*, *дак*, *в общем*, *ну*, *но*, *что*, *или*, *может*, *даже*, *хоть* и целый ряд других. Часто тоже употребляются русские числительные, особенно в связи с годами, возрастом и единицами измерения:

Янсан ённа лай ... девяносто два почти лай.

«Моей маме сколько было ... девяносто два почти было» (L26H7_01_01).

Ну десять метров вэнс райя ли риннт.

«Ну десять метров до лодки есть берег» (L26H7_01_21).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Везде, где встречаются разные народы, возникают и языковые контакты. Следствием продолжительных контактов может быть взаимное влияние, которое принимает разные формы: заимствование слов и выражений, возникновение смешанных языков, пиджинов и креольских языков, и переключение кодов.

Последнее явление существует между многими языками России, а наука только совсем недавно начала заниматься им. К этому явлению существуют разные подходы: синтаксический подход, сосредоточивающийся на описании возможных ограничений в переключении внутри предложения, социолингвистический подход, который описывает связи между ПК и общественным статусом участвующих языков, и конверсационно-

аналитический подход, который описывает способы, которыми ПК может использоваться билингвами в разговоре как средство выделения или структурирования. Не всякий случай ПК имеет такую функцию: она встречается только у переключений, происходящих на стыках между предложениями. Другие формы ПК, как переключение внутри предложения и «смешанный код», могут служить показателем этнической принадлежности или имеют стилистическую или юмористическую функцию.

До сих пор ПК между языками Российской Федерации является малоизученным явлением. Среди работ, посвященных этому явлению, можно назвать диссертацию Сузан Вертхейм о разных степенях смешения татарского и русского (Wertheim, 2003) и статьи Александра Русакова о ПК в северорусском цыганском языке (Русаков, 1998; Rusakov, 2001).

ЛИТЕРАТУРА:

Auer, 1995. Auer, Peter. The pragmatics of code-switching: a sequential approach // One speaker, two languages. Cross-disciplinary perspectives on code-switching. — Cambridge, 1995.

Auer, 1998. Auer, Peter. 1. Introduction: Bilingual Conversation Revisited // Code-Switching in Conversation. — London, 1998.

Auer, 1999. Auer, Peter. 2. From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // The International journal of bilingualism. Vol. 3, nr. 4. — London, 1999.

Blom, Jan-Petter & John J. Gumperz, 1972. Blom, Jan-Petter & John J. Gumperz. Social Meaning in Linguistic Structures: Code-Switching in Norway // Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. — New York, 1972.

Gumperz, 1982. Gumperz, John J. Discourse strategies. — Cambridge, 1982.

Heller, 1982. Heller, Monica. Negotiations of language choice in Montreal // Language and social identity. — Cambridge, 1982.

Levinson, 1983. Levinson, Stephen C. Pragmatics. — Cambridge, 1983.

Milroy & Li Wei, 1995. Milroy, Lesley & Li Wei. A social network approach to code-switching: the example of a bilingual community in Britain // One speaker, two languages. Cross-disciplinary perspectives on code-switching. — Cambridge, 1995.

Muysken, 2000. Muysken, Pieter. Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing. — Cambridge, 2000.

Myers-Scotton, 2002. Myers-Scotton, Carol. Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. — Oxford, 2002.

Myers-Scotton & Jake, 2009. Myers-Scotton, Carol и Janice Jake. A universal model of code-switching and bilingual language processing and production // The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. — Cambridge, 2009.

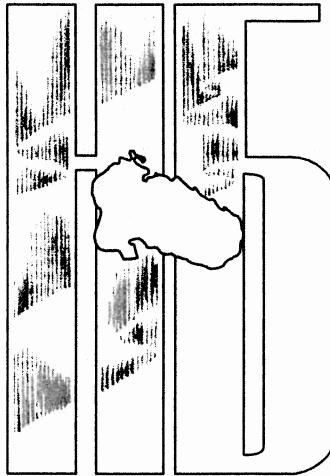
Poplack, 1980. Poplack, Shana. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPACOL: toward a typology of code-switching // Linguistics, No. 18. — The Hague, 1980.

Rusakov, 2001. Rusakov, Aleksandr Yu. The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching // The Circum-Baltic languages: typology and contact. Studies in language companion vol. 54. — Amsterdam, 2001.

Wertheim, 2003. Wertheim, Suzanne. Linguistic purism, language shift and contact-induced change in Tatar. Докторская диссертация, University of California. — Berkeley, 2003.

Керт, 1986. Керт, Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для учащихся начальной школы. — Л., 1986.

Русаков, 1998. Русаков, А. Ю. Северорусский диалект цыганского языка: интерференция и переключение кодов // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. — СПб, 1998.

Э. А. ГАЛКИНА, Н. С. ШАРШИНА, О. А. МАКСИМЕНКО,
Н. С. УШАКОВА, С. С. ДАНИЛОВА, М. Г. МЕДВЕДЕВА,
А. В. ВАСИЛЬЕВА, Т. Ф. ЦМЫКАЙЛО

Пути развития языков коренных малочисленных народов Севера

Саамское население насчитывает порядка 70 000 человек. Из них 45 000 живет в Норвегии, 17 000 — в Швеции, 6000 — в Финляндии¹. В 2002 году численность саамов в России составила 1991 человек. Из них подавляющее большинство (1769 человек, или 89%) проживает в Мурманской области².

СИТУАЦИЯ СААМСКИХ ЯЗЫКОВ

Саамские языки относятся к финно-угорской языковой семье. В настоящее время в нем насчитывается десять разных диалектов, между которыми образовались настолько большие различия, что взаимопонимание сильно затруднено и многие языковеды считают их отдельными языками. Диалекты разделяются на две группы: западная и восточная. На диалектах, которые относятся к западной группе, говорят в Норвегии, Швеции и Финляндии. Диалекты восточной группы используются на северо-западе России и в Финляндии. У шести из них имеются собственные литературные языки. В России распространены четыре диалекта: иокангский, кильдинский, скольтский (нотозерский) и бабинский (ахъкэль)³.

Социолингвистическое исследование саамских языков, проведенное Берлинским университетом им. Гумбольдта (Германия) и Университетом г. Умео (Швеция) в 2007 году в рамках проекта «Документация кольско-саамских языков» (подробнее см. сайт <http://www2.hu-berlin.de/ksdp/ru/index.html>), по-

казалось, что современное положение саамского языка стало критическим и требует безотлагательных мер по сохранению и возрождению языка. (Источник: в этом же сборнике — Э. Шеллер. «Ситуация саамских языков в России»).

Знания кильдинского диалекта сегодня имеет около 700 человек, но из них максимум 100 человек являются активными носителями. Из иокангских саамов, проживающих по всему северо-западу России, владеет в той или иной степени родным языком меньше 20 человек. Скольтские саамы сегодня живут в Финляндии, Норвегии и России. Знания скольтского диалекта имеет около 300 человек, 20 из них живут в Мурманской области, например, в поселках Верхнетуломском, Мурмашах и в г. Мурманске. Бабинские саамы проживают на юго-западе Кольского полуострова. В Ковдорском районе насчитывается 142 саама, т. е. 50 саамских семей. Из них 2—3 человека имеют некоторые знания языка, остальные вообще не владеют родным языком. (Источник: в этом же сборнике — Э. Шеллер. «Ситуация саамских языков в России»). В 2003 году ушел из жизни последний носитель бабинского диалекта¹.

Основная часть саамов сегодня компактно проживает в селе Ловозере, куда во время коллективизации и укрупнения хозяйства с разных населенных пунктов Кольского полуострова были переселены в основном кильдинские саамы и часть иокангских саамов, что значительно повлияло на коренной уклад быта и привело к языковому сдвигу.

¹ karty.narod.ru/maps/saam/saam.html (2010-03-03)

² ru.wikipedia.org/wiki/Саам (2010-03-03)

³ ru.wikipedia.org/wiki/Саам (2010-03-03)

¹ Rantala, Leif, Aleftina Sergina, 2009: Áhkkila sápmelaččat. Oane-his muitalus sámejoavkku birta, man maajimuš sámegielalaš olmmoš jámii 29.12.2003. Roavvenjárge (c. 67).

Саамский язык в России не имеет статуса официального языка, широко используемого в государственной и общественной сфере современного общества. Во всех населенных пунктах, где сегодня проживают саамы, доминирующим языком является русский. Исторически сложилось так, что коренному малочисленному народу – саами пришлось адаптироваться к новым условиям жизни, на которых настаивала государственная политика Скандинавских стран и Советской России. Исчезновение традиционного образа жизни повлекло за собой изменение отношения и к языку.

В России саамский язык на сегодняшний день не является языком преподавания в образовательных учреждениях. В Ловозерской школе-интернате язык преподается лишь в начальных классах и то на уровне факультатива. Хотя первоначально он входил в обучающую школьную программу, но родителей поставили перед выбором: дети должны изучать или английский или саамский языки. Конечно же, приоритет был отдан английскому языку как языку межнационального общения. В профессиональном училище № 26 села Ловозера изучение саамского языка включено в обязательную программу. Но знания, полученные на уроках саамского языка, не закрепляются на практике.

В детском саду №2 функционирует саамская группа, но в бытовой жизни этой группы саамский язык почти не используется, хотя родители привели своих детей в надежде, что те, в свою очередь, научатся говорить на родном языке. На данный момент перед воспитателями дошкольного учреждения отделом образования ставится задача – подготовить ребенка к школе: дать знания по математике, природе, развитию речи. Музыкальные, физкультурные занятия и занятия по изобразительному творчеству также обязательны на языке большинства. Естественно, что при такой нагрузке нет времени и сил у воспитателей постоянно использовать саамский язык, а не только в перерывах между занятиями.

В других образовательных учреждениях области полностью отсутствует преподавание родного языка. Саамы поселка Ёна вынуждены учить кильдинский диалект, т. к. бабинский диалект полностью утрачен. Методическая, учебная и художественная литература издаётся небольшими тиражами и только на кильдинском диалекте.

В настоящее время в соответствии с Конституцией РФ (ст. 26, п. 2) каждый гражданин имеет

право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Существует ряд Федеральных законов и законов Мурманской области, которые гарантируют народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка: Закон Российской Федерации: «О законах народов РФ» от 25 октября 1991 года № 1807-1 в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 №126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ) ст. 2, п. 2; «Закон об образовании» (ред. от 10.02.2009) от 10 июля 1992 года N 3266-1, ст. 6, п. 2; Устав Мурманской области от 26 ноября 1997 года, гл. 4. Права и свободы человека и гражданина на территории Мурманской области, ст. 21. 1; Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апр. 1999 года № 82-ФЗ.

Но на практике эти законы пока мало осуществляются.

В Мурманской области принятая региональная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Мурманской области на 2009–2013 гг.». Одной из задач программы является сохранение и развитие национальной культуры, традиций и обычаяев коренных малочисленных народов Севера. Но почему-то в программе основной упор делается на развитие и поддержку общинных форм хозяйствования. Безусловно, сохранение оленеводства очень важно, но не менее важна задача сохранения самобытности народа, его культуры, а особенно – его языка.

Некоторые чиновники считают, что саамский язык сегодня не востребован и поэтому углублённо изучать его нет необходимости. По их мнению, достаточно тех мер, которые принимаются сегодня для сохранения языка. Однако критическим положением саамского языка, утратой живой речи как средства общения обеспокоены сами носители. Саамская общественность в течение многих лет ведет активную деятельность по развитию родного языка, организуются кружки по фольклору, языковые курсы. Но эти мероприятия способны в основном знакомить ребенка с родным языком, дать формальные знания или же сформировать положительную установку на отношение к языку, но этого недостаточно, чтобы освоить язык в активной действенной форме.

Для того, чтобы привлечь внимание общественности и изменить сложившуюся ситуацию,

в Ловозере создана инициативная группа по сохранению и развитию саамского языка, которая проходит обучение по повышению квалификации сотрудников подобного языкового центра в селе Ловозере. Курс лекций был прочитан такими именитыми учеными, как Н. Б. Вахтин — доктор филологических наук, профессор факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Н. И. Новикова — доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Йун Тудал — профессор по ревитализации языков в Саамской Высшей школе (Каутокеино/ Норвегия), Тронд Трустеруд — доктор лингвистических наук Университета города Тромсё и др. Некоторые преподаватели сами принимали участие в ревитализации саамского языка.

Группой проводится работа среди населения разных возрастов и социального положения по активизации национального самосознания, по привлечению большего числа носителей к проблеме исчезновения языка. Ведется сбор и обработка материала по утраченной промысловый и другой терминологии, создаются учебные пособия, для населения организуются мероприятия, где язык используется естественно (вечера саамского языка, языковые лагеря). Привлекая юное поколение, инициативная группа планирует проводить популяризацию саамского языка, используя такие молодежные мероприятия, как дискотеки, рэп-музыка.

Исчезновение языка происходит, когда передача его из поколения в поколение прекращается. Семья является первоисточником материнского языка, поэтому важно, что родной язык постоянно используется как активный язык коммуникации именно в семье. Но, к сожалению, в современных условиях молодые семьи сегодня живут отдельно от старшего поколения. Нет нити, связующей их, и нет передачи знаний. В наше время ассимиляция приводит к тому, что все больше и больше семей полностью переходят на язык большинства, дети не имеют возможности слышать и научиться понимать родную речь. А когда языку перестают обучать детей, он находится на пути исчезновения.

КОМИ ЯЗЫК НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ситуация коми языка аналогична ситуации саамского языка. 120 лет назад переселились на

Кольскую землю коми-ижемцы из Коми. Сегодня в Ловозерском районе проживает примерно 1500 коми-ижемцев. Надо отметить, что в середине XX века практически во всех коми-ижемских семьях на бытовом уровне преобладала родная коми-ижемская речь. В настоящее время наблюдается обратная тенденция. Русский язык в коми-ижемских семьях является доминирующим.

Коми-ижемский диалект, типичный для Кольского полуострова, также как саамский язык находится под серьезной угрозой исчезновения. По данным Ловозерской общественной коми организации «Изватас» из полутысячи проживающих коми-ижемцев говорит на родном языке меньше 1/3 (400—500 человек). Активными носителями коми языка являются люди старшего возраста, среднее поколение имеет пассивные знания, поэтому язык не передаётся детям.

В селе Ловозере до 2007 года велось факультативное преподавание коми языка для детей в школе-интернате и проводились разовые языковые курсы для взрослого населения. Но на данный момент преподавание коми языка не ведется.

Благодаря сотрудничеству ловозерской коми общественности с республиканскими организациями Коми появилась возможность поддерживать контакт с Республикой Коми и регулярно получать методическую помощь по коми языку из Сыктывкарского государственного университета. Но в диалектах кольских коми и коми, проживающих на территории Коми Республики, в Ненецком автономном округе, есть значительные отличия. Так же как кольские саами коми нуждаются в ревитализации своего родного и своеобразного языка.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Опыт языковых меньшинств, проживающих в разных государствах мира, показывает, что существует ряд способов для эффективного развития и сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Языковое гнездо

Одним из эффективных способов сохранения и развития языка может стать «языковое гнездо», созданное на базе детского сада для детей вне зависимости от их происхождения, культурной или языковой принадлежности и чьи родители желают, чтобы их дети овладели языком националь-

Инициативная группа и преподаватели курса «Передача кильдинского языка»,
 который был проведен Саамской Высшей школой (Каутокеино, Норвегия)
 и Университетом Тромсё (Норвегия) в период с сентября 2009-го по сентябрь 2010 г. в с. Ловозере.
 Стоят (слева направо): Берит Эллен Бонго (администратор по бюджету проекта, Саамская Высшая школа
 п. Каутокеино, Норвегия), Е. А. Юшков – переводчик северосаамского и норвежских языков,
 руководитель Баренцева офиса коренных народов с. Ловозера. Впереди него: В. А. Кириллова – носитель
 саамского языка, диктор саамского радио, П. Ф. Фефелов – носитель саамского языка, пенсионер,
 Тронд Трустерюд (преподаватель, языковед, доктор по финно-угорским языкам, специалист по языковой
 технологии, Университет Тромсё, Норвегия), Ленэ Антонсен (языковед, специалист по языковой
 технологии Университета Тромсё, создатель саамского языкового центра в коммуне Коффьорд, Норвегия),
 М. Г. Медведева – носитель саамского языка, председатель Ловозерского отделения Ассоциации кольских
 саамов, Н. С. Шаршина – носитель саамского языка, руководитель пошивочной мастерской СХПК «Тундра»,
 Э. А. Галкина – саамская писательница, художественный руководитель МУК «Ловозерский районный
 национальный культурный центр», преподаватель саамского языка, Н. С. Ушакова – носитель коми языка,
 воспитатель детского сада «Оленёнок», преподаватель коми языка, Мириам Лэнта (администратор
 проекта, Саамская Высшая школа, п. Каутокеино, Норвегия).
 Сидят (слева направо): С. С. Данилова – носитель саамского языка, А. В. Васильева – заведующая отделом
 этнокультурной деятельности саами и коми МУК «Ловозерский районный национальный культурный
 центр», преподаватель саамского языка в саамской группе детского сада «Солнышко»,
 Г. А. Виноградова – носитель саамского языка, пенсионерка, Элизабет Шеллер – координатор курса,
 языковед, преподаватель Университета Тромсё (Норвегия)

ногого меньшинства. «Языковое гнездо» можно рассмотреть в качестве «скорой помощи» языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Как показывают примеры из Скандинавии, благодаря такой действенной мере язык может быть спасен от неминуемой гибели.

Принцип деятельности «языковых гнезд» очень простой – это раннее, полное языковое погружение, которое предполагает свободное общение персонала детского сада с его воспитанниками на саамском языке в течение дня. При этом ребенок не изучает язык на отдельных непродолжительных занятиях, что в основном практикуется образовательными учреждениями, а живет в языковой среде и культуре. Эта перспективная методика через короткий промежуток времени дает ощущимые результаты.

Сегодня такое «языковое гнездо» функционирует, например, в коммуне Инари (Финляндия), где носителей инари-саамского диалекта насчитывается около 300 человек. В 1997 году почти не осталось носителей этого диалекта моложе 40 лет. Но благодаря деятельности «языкового гнезда» на настоящий период более 50 детей освоили инари-саамский диалект, также многие родители выучили язык, который все шире и активнее стал распространяться и использоваться в инари-саамском обществе¹.

В России, в посёлке Калевала Республики Карелия, уже не один год функционирует проект «Языковое гнездо». Работу по созданию проекта ведут сотрудники Института повышения квалификации и Центра развития образования. Активную поддержку оказывает финская сторона и Министерство образования Республики Карелия. Деятельность «Языкового гнезда» детского сада поселка Калевала распространилась на петрозаводские дошкольные учреждения. В Республике Карелия продолжают создаваться «языковые гнёзда», поддерживающие постоянную языковую среду у детей коренных прибалтийско-финских народов².

Видя позитивный многолетний опыт своих соседей, ловозерские саами и коми тоже озадачены продвижением этой идеи – внедрить такое «языковое гнездо» в дошкольное учреждение для детей саамской/коми группы. А именно – ввести в про-

грамму дошкольного образования углубленное изучение родного языка через погружение в языковую среду. Все знания, в том числе и по подготовке к школе, дети будут получать на саамском/коми языке. Параллельно этому возможно организовать курсы саамского языка для родителей, чьи дети посещают «языковое гнездо», чтобы в домашних условиях родители смогли хотя бы немного общаться с детьми на саамском/коми языке.

ЯЗЫКОВОЙ ЦЕНТР

В Норвегии для сохранения саамского языка созданы специальные языковые центры, работа которых направлена на ревитализацию языка. Устойчивость и гибкая система работы центра позволила проводить языковую работу сразу в нескольких направлениях. Это сбор языковых данных: диалектные слова, топонимы, языковые курсы разных уровней («начальный» – ежедневное 5-часовое обучение в течение 8 недель, «вечерние» – 2–3 часа в неделю в течение 12 недель), курсы более высокого уровня в сотрудничестве с высшими учебными заведениями, а также «родительские» курсы для тех, чьи дети учат саамский язык в школе, в детском саду, мини-курсы, например, «фестивальный язык». Язык изучается не только в кабинетах, но и на курсах по рукоделию, на природе, т. е. используются различные альтернативные методы обучения. Сотрудники центра разрабатывают небольшие учебные материалы и пособия, делают переводы для различных мероприятий, проводимых другими организациями. Языковой центр имеет тесный контакт с населением, т. е. люди могут прийти со своими идеями, со своим видением решения какого-либо вопроса по языку и создания языковой среды. Это совместная работа с носителями языка, с теми, кто учит язык, а также с преподавателями языка, с воспитателями детских садов и «языковых гнезд», с администрацией, с саамским радио, с работниками культуры и другими организациями.

Опыт языковой работы в Скандинавии показывает, что деятельность практических языковых центров, которые тесно работают с населением, эффективно способствует развитию и сохранению языков, находящихся под угрозой исчезновения. Благодаря работе таких центров в Норвегии значительно увеличилось число активно говорящих на разных диалектах саамского языка.

¹ annika.pasanen@anaraskielaservi.net (2010-03-03)

² <http://mariuver.wordpress.com/2009/06/15/jazyk-gnezdo/> (2010-03-03)

Инициативная группа по созданию саамского языкового центра в Саамской Высшей школе Каутокеино (Норвегия)
Слева направо: В. А. Кириллова, О. А. Максименко, А. В. Васильева, Э. А. Галкина, Т. Ф. Цмыкайло, Н. С. Ушакова

В гостях у саамского языкового центра в п. Лаксэльве (Норвегия)

Слева направо:
Элизабет Шеллер,

В. А. Кириллова,
Мириам Лэнта, Т. Ф. Цмыкайло,
Э. А. Галкина, Лейф Рантала
(переводчик, Финляндия),
Яннэ Йуусо (сотрудник
саамского языкового центра
п. Лаксэльв)

Летний лагерь по изучению
саамско-кильдинского языка
на острове Чарвин в озере Ловозеро,
июль 2009 г.
Слева направо: Е. К. Захаров,
В. А. Касаев, Н. С. Шаршина,
А. Ю. Яковлева

Членами инициативной группы по сохранению и развитию саамского языка в декабре 2009 года в Мурманской областной Думе было внесено предложение о создании «Центра практического языка» в селе Ловозере, где проживает основная часть саамского и коми населения Мурманской области.

Важно, чтобы такой центр развернул свою деятельность среди большинства носителей языка, был связующим звеном между всеми учреждениями и общественными организациями. В центре планируется создание двух отделений: развитие саамского языка и развитие коми языка.

Задачи языкового центра заключаются в следующем:

1. Связь/мост между говорящим населением и обучающимися, т. е. совместная работа: старшее поколение – преподаватели саамского языка – детский сад – школа;
2. Координация практической работы по сохранению и развитию саамского языка в Мурманской области;
3. Создание благоприятной языковой среды;
4. Организация языковых курсов и тренингов для разных возрастных групп, в том числе для молодежи;
5. Разработка альтернативных методов обучения;
6. Организация мероприятий по сохранению и изучению саамского языка, живой речи, т. е. языковые встречи, дискуссии, лагеря, походы, вечера и т. д.;

7. Поддержка пишущему населению в публикации литературы и учебных материалов на саамском языке;

8. Работа по документации и сохранению диалектов саамских языков: аудио- и видеозаписи живой речи, сбор терминологии по топонимике, фольклору и традиционным промыслам и др.;

9. Издание мобильных пособий для обучения (плакаты, карточки и т. д.);

10. Сотрудничество и обмен опытом с другими языковыми центрами.

* * *

Чем больше сохранится разных народов со своими традициями, языком, укладом жизни, тем богаче и насыщенней будет мир. Это как узоры в орнаменте, каждая фигура придает неординарный образ рисунку, каждая ниточка несет свою функцию, держит другие нити в своем ряду. И если одна из нитей начнет рваться, то и орнамент теряет свой цвет, свое качество, а значит и предназначение.

Исчезновение языка, культуры любого народа, даже самого малочисленного, может обернуться невосполнимой потерей для человеческой цивилизации, а утрата языка его носителями может стать первым симптомом исчезновения самих народов. Забота о сохранении национального языка должна быть приоритетом в деятельности органов власти. Но прежде всего ответственность за сохранение и использование своего языка лежит на самом носителе языка.

ОАНЬХЭСЬ КЫРРЫЙ

Тэдт оаньхэсъ кыррый лй тэн баяс манътэмъ лооссесъ ялл лй самъ килэсът Коаллнэгк нёаркэсът. Коллмлоагкы ыгке кыжьмилтэ моаххтсэллэв сарнэ самас школэнъ, ПТУ, садикэсът. Выгкенъ югке самъ кил курсэтъ, коххт сыйтэсът, нышше явър рынтэсът кесся. Матъхэнъ, ноа саррнэ ванас ке сарнэшкудё. Тарымья пяййва күдтэй ванä чудтё болмае, ке чиллктэннё саррн самас.

Мэнн быдт лыххкэ, мэнн быдт вуайхе? Вуай уййнъ, коххт килл пыньовв мян поалт ёллей соаменъ я мыйе вуай ныдтъшэ лыххкэ. Сумапеллт лёв лыхкма мугка «килл пёзъ», касът парнагуэймъ саррнэв пёййвбай лышшэ самас, ев кичь оаннтшэв ев оантэшш. Ноа парна тэнн шэ пийзесът вуэйев саррнэ килле манътэм саррнэв синэгуэймъ пэрртэсът.

Ныдтъшэ синэнъ лёв самъ кил центр, касът килл пыньовв я касът югке тутъ лыххкэв мояйнса

пай самас: моаххтсэллэв пёррк чиннэ, тутъ югкеналшэм туйшэ я волтэдэв варра, чиррэ, ёавре эл.

Луявшр самъ, кегк таххтэв яллахьтэ самъ кил Куэлнэгк нёаркэсът, юрртэв пуэдтэмъ альт айкесът лыххкэ мугка шэ центр мянэнъ. Я быдт лыхкэ тэн кил центр Луявшрсът, касът ёллев янаш самъ болмэ.

Кил центр аллк выгкэ кил курсэтъ болмэтъ, кегк туввэв моахтъе саррнэ самас. Тэдт центр аллк вёкъхе кыррыйхэм болмэтъ, копче ёркъя соагэтъ я вёкъхе «кил пёзъ» выгкьетъ.

Ныдтъшэ аллк лыххкэ ѿххпнувэм кыррый тутъ.

Оллмэтъ, кегк тидтэв самъ кил, быдт югке саенъ саррнэ самас я нышше канинъц канинцесъгуэймъ саррнэ самас, танна килл пуэйян я ёлешкуадт!

Мугка шэ рёст лй кил баяс э ыжмэнъ. Соаметъ я ыжэм болмэтъ быдт ѿххтуувэ я выгкэ тэйт тутъ эвтэс.

Кыррыйха лй Нйна Шаршина, Валентина Кириллова,
Алла Васильева я Сайндрэ Антонова.

ЮÖРТОМ

Кола кёджын изъва-коми кывлён
талунъя серпас

Ловозеро — тайё уна сикас войтыра сикт, кёні вужвойтырён лыддысыбыны саамъяс. Тані олысь изъваса — Коми республикасы локтысь йёз. Коркё важён, дас ёкмысöд нэм помын изъваса коми локтисны Кола кёдж му вылó ыджыд могён — видзны кörяссö сьёкыд висьомыс. Буретш, тайё кадколастсянь заводитчö изъваса комилён тані вужтьясыомыс.

Öнія кадö Ловозеро районын олёны сюрс витсё гёгёр изъваса. Коло тёдчöдны, мый кызьбöд нэм шöрын збыльвылас быд изъваса семьяын матыссаис ёта-мёдныскöд сёрнитисны ай-мам кыв вылын, изъва кывйён. Талун ставыс вежис мёдарö: тшöкыддышка рочасьбыны. Сюрс витсё (1500) тані олысь комияс пöвстись чужан кывйён сёрнитёны нёльсё—витсё (400—500) мортысь этшаджык. Коми кывйён медшöр сёрнитисьбын лоёны ыджыд арлыда йёз. Томдышкъяслён чужан кывнас гежёда вёдитчöм вёсна тёдёмлунъяс кыв серти бирёны да челядь дорö оз вуждны. Сидз, семья пытшын ай-мамсянь ныв-пилы кывйыс вужё торксёмён либо бирёмён.

Кык сюрс сизимöд вööдз Ловозероын зэв бура велöдисны коми кывйö факультативъяс вылын: челядьёс — ЛСОШИ-ын, верстёй йёзёс — НКЦ-ын (велöдись — Бахтина А. Я.). Сийё кадсянь (2007-öд вояси) коми кыв велöдисыбыс Ловозероын абу.

Такöд йитöдын артмис зэв ыджыд мытшöд: Кола кёджын юргысь изъва серниикас ёдйö вермас кусны.

Кык сюрс сизимöд вояси «Извватас» йёзкостса котыр заводитö зïля уджавны Коми республикаса йёзкостса котыръяскöд. Тайё отвылысь уджалöмыс, веськёдлысыяслён водзмёстчöмыс сетис по-зянлун артмёдны топыд йитöдяя Сыктывкарса канму университетын уджалысь коми кыв велöдисыяскöд. Такöд йитöдын лоисны бурлань вежсёмъяс: бура ыдждö фольклор котыръяслён репертуарыс, туйвсёны коми кыв вылын ги-жёдъяс, лои котыртёма коми кыв велöдан курсъяс.

Коло пасыны, мый челядь да верстёй йёз пöвстын коми кыв дорö интересыс тёдчö. Найё кёсийёны участуйтны восьса мероприятиеясын, ветлыны коми кружокö.

Каллистрат Фалалеевич Жаков, профессор, гижлëс: «Кыв —тайё войтырлён лов, сюрös, медтёдчанатор. Быд войтырлён кывыйыс —сылён медся ыджыд озырлуныс. Кывсö мырдигён, ми мырдям войтырлысь нэмöвойся сямлунсо, сыйлысь лёссыдлунсо, такöд оттшётши —мывкыд сямлён аслыспёллослунсо. Абу кё позянлун тёдмавнытуявны кывлысь озырлуныс, быд войтырсиаслён медшöр могён лоё видзны ас чужан кывсö бирёмыс да дёзьоритны мукöд кывъяссö...».

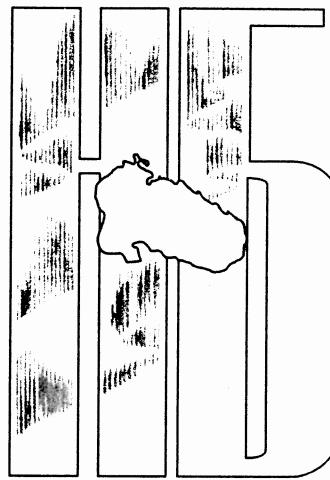
Коло вёчны сидз, медым власытбердсаяслён уджын быд войтырсиаслён кыв видзём вёсна тёждысыомыс воли медтёдчанаён. Быд войтырлён, котё медичёт лыда, кыв да культура бирёмыс вермас лоны ниномён вештытём воштёмён, а ас чужан кывсö вунёдёмыс вайёдас сыйдз, мый вояшас ачыс войтырыс тшётш.

Та серти уна сьёкыдлуныс вужё войвывса ичёт лыда вужвойтыръяслён кывъяс вылó. Медшöр по-мкаис сыйын, мый найёс абу вынсьбёдёма кызд каналан кывъяссö. Каналан кыв, кодён вёдитчöны, велöдны школын, мукöд велöдчанын, государство да йёзкостса учреждениеясын. Россияны пöшти быд ичёт лыда вужвойтырлён кыв татшом сьёкыдлунъяскöд пыр паныдасытё.

Ми вёзъям котыртны кыв шёрин. Кыв шёрин котыртёмыс сетас позянлун нүбдны водзвыв урчитём удж саам да коми войтыръяслён чужан кыв видзём-сёвмёдём серти.

Войвывса ичёт лыда вужвойтыръяслысь кыв, культура да оласног туйлöмыс, та серти джуджыд тёдёмлунъяссö, олан опытсö челядьлы да верстёй йёзлы вужёдёмыс — медся дона да зэв колана удж. Власыт кутыссялы быть коло тайё нырвизыс водзё кыпёдны-ёнмёдны. Быдмысь том вужгöрдлы, водзё олыссялы коло бура тёдны войвывса войтыръяслысь кыв, культура да оласног.

Н. С. Ушакова,
«Извватас» йёзкостса котырлён член,
велöдись. Ловозеро сикт.

В. Б. БАКУЛА

Антонова — учитель, поэт, ученый

«Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они побуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скучи неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели».

А. П. Чехов

Слова, вынесенные в эпиграф, попались мне совершенно случайно, когда очерк об Александре Андреевне уже был готов. На мой взгляд, они очень точно и ёмко отражают суть ее жизни.

Александра Андреевна Антонова — ученый, создатель саамского букваря, публицист, поэт, переводчик, ведущий курса саамского языка на радиостудии муниципального образования «Ловозерский район». А еще — «борец за сохранение саамской культуры», как назвал ее председатель саамского отделения ООСМО (Общественная организация саамов Мурманской области) Геннадий Лукин, выступая на презентации книги А. А. Антоновой «Струны сердца». А еще Александра Андреевна — почетный житель села Ловозера, учитель с большой буквы, радеющий за сохранение саамского языка, человек, которому судьба доверила сделать очень многое.

Иногда задумываюсь: почему одни успевают в жизни столько, что другим хватило бы на две, три жизни? Где планируется судьба каждого человека?

И за что отмечает она одних, делая их своими избранниками? Как знать, возможно, все зависит от странного стечения обстоятельств, а может, от судьбоносных встреч... А таких встреч на жизненном пути Антоновой было немало.

Подумать только: она была знакома с самим Захарием Ефимовичем Черняковым — легендарным человеком в истории саамского народа. Ведь это именно он в 1933 году, работая в Комитете со-действия развитию языка и письменности народов Севера, или упрощенно — Комитете нового алфавита, создает первый саамский букварь. А уже в 80-е годы Захарий Ефимович приветствует выход в свет саамского букваря Александры Андреевны: «...пока это не есть саамская литература, надо дать простор развитию речи. Пусть пишут поэты и писатели на любых диалектах. Не надо этого бояться!..» (Большакова, 2005).

Во время учебы в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена на филологическом факультете Антонова стала ученицей молодого тогда ученого Георгия Мартыновича Керта, который несколько лет к тому времени преподавал саамский язык в институте. С огромным уважением отзыается она о нем как о бескорыстном, простом человеке, большом ученом, посвятившем свою жизнь изучению саамского языка.

С 1954 года Антонова работала в школе учителем русского языка и литературы. Творческая натура молодой учительницы не давала ей покоя, и она переводит на саамский язык многие материалы из газет и журналов, пишет сценарии на саамском языке, ставит по ним с учениками не-

большие пьесы. Наблюдая, как школьники интересуются родным языком, с каким увлечением изучают его, она приходит к выводу, что этой работы с ними по изучению саамского языка недостаточно, и в 70-х годах, когда начала преподавать родной язык, приступает к серьезной работе над созданием саамского букваря. Как рассказывала мне Александра Андреевна, проверяющие от районного отдела народного образования не раз удивлялись: «Откуда Вы знаете методику преподавания саамского языка?» Но Антонова была тем самым учителем, о которых говорят: «Учитель от Бога», поэтому у нее не возникало никаких проблем с преподаванием родного языка, а желание научить ему, сохранить родное слово все больше заставляло задумываться над тем, как это сделать.

С 1978 года Александра Андреевна — младший научный сотрудник НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР, в 1979 году она завершает работу над саамским алфавитом, а в 1982 году выходит первое издание саамского букваря, который явился плодом ее неустанного труда.

Выход в свет букваря стал настоящим прорывом в деле создания саамской письменности, ведь букварь З. Е. Чернякова был написан на латинице с использованием разных диалектов, что создавало трудности при работе с ним. Новый букварь был издан на кириллице, кроме того, были найдены обозначения звуков, характерных только для саамского языка.

Вслед за букварем вышел из печати и учебник для 2-го класса на саамском языке (Антонова, 1999). Так Александра Андреевна явилась продолжателем дела Феодорита Кольского и Трифона Печенгского, положивших начало саамской письменности еще в XVI веке. Так она вернула своему народу потерянную в 30-е годы во время репрессий саамскую письменность. Но дело по ее созданию не кончилось на этом. Долгие годы борьбы последовали за выходом в свет букваря Антоновой. Борьбы за то, чтобы саамы, наконец, имели свою письменность. Борьба эта идет до сих пор, хотя именно букварь Антоновой оправдал себя в преподавании саамского языка в школе-интернате.

Спустя годы в одном из интервью для работников Мурманской областной библиотеки Антонова говорила: «Букварь — мой большой труд, который

я не могла не сделать, так как считаю себя ответственной и обязанной выполнить все намеченное. А потомки разберутся, что было верным, а что заблуждением» (Антонова, 2007).

В то время Александра Антонова поняла еще одну очевидную истину: без живого саамского слова, без живого общения на нем саамский язык не будет восприниматься как родной для саамов. И поэтому с 1983 года она выходит в эфир и ведет передачи на саамском языке, что знаменует еще одну победу в деле сохранения родного языка. Десять лет подряд каждый четверг идут передачи на саамском языке, потом перерыв, и снова голос Александры Андреевны звучит на саамском радио. Звучит родной саамский язык ...

По букварю Александры Антоновой обучаются в школе-интернате до сих пор. Теперь в планах Александры Андреевны переработать его, сделать более современным. Да только новая беда случится в дверь, не дает покоя. Подымается вопрос о переходе кильдинского диалекта на латинскую графику, из уст учителей саамского языка звучит предложение по изучению не кильдинского диалекта, а северосаамского, якобы более доступного. А ведь это — прямой путь к забвению родного языка, как считает Александра Андреевна.

Еще работая над «Книгой для чтения» для 2-го класса вместе с Октябриной Вороновой и Екате-

Обложка букваря, составленного А. А. Антоновой

Н. П. Большикова
и А. А. Антонова (справа)
на презентации книги
А. А. Антоновой
«Струны сердца»
в библиотеке с. Ловозера,
2007 г.

В. Б. Бакула (слева)
и А. А. Антонова в гостях
у Н. П. Большиковой.
А. А. Антонова за работой
с подстрочниками
к переводам стихов
С. Есенина
на саамский язык

В. Б. Бакула
и А. А. Антонова
в Музее саамской литературы
и письменности
им. О. Вороновой,
2007 г.

риной Коркиной, Александра Андреевна пришла к выводу, что не хватает литературного материала на саамском языке, так началось ее поэтическое творчество — со стихов для детей. Позже она перешла к серьезным поэтическим размышлениям, и в 2007 году вышла в свет ее книга «Струны сердца». Название вполне символическое, ведь это струны ее сердца звучат о родном языке, о родной земле, о родном народе. А до этого были переводы на саамский знаменитого стихотворения Тараса Шевченко «Завещание» (1989), повести Аскольда Бажанова «Белый олень» (1996), сказок Н. Большаковой «Подарок чайки» (2003), сборника поэзии С. А. Есенина (совместно с Софьей Ефимовной Якимович (2008)) и для детей стихов и сказок А. С. Пушкина. Стихи самой Александры Андреевны публиковались также в сборнике «Дары тундры» (1993), «Последнее путешествие» (1998). Продолжалась работа и над учебниками — теперь уже для 3—6-х классов. Одна мысль неотступно жила в ее сердце, одно желание жгло сердце и не давало покоя, заставляя работать и работать: надо было сохранить язык и спешить с этим, потому что он все более забывался, все менее становился востребованным молодежью. Люди старшего поколения покидали этот мир, забирая с собой знания об обрядах, обычаях. Надо было спасать язык, а значит, народ.

В 1990 году в Ловозеро приезжает финн Пекка Сильвеннойнен и привозит только что вышедшее на саамском языке Пась Евангели. Это было Евангелие от Матфея. По этому поводу организовали встречу в Доме культуры, куда собралось много людей. Пекка привез около 100 экземпляров Евангелия, раздавали его бесплатно. В силу природной скромности, из-за нежелания обидеть гостя или по каким-то другим причинам, но никто из присутствующих саамов не признался Пекке, что далеко не все понятно в тексте. Книга очень заинтересовала Антонову. Она внимательно с ней ознакомилась и пришла к выводу, что слова передаются несовершенной транскрипцией, а кроме того, в ней присутствуют слова из разных диалектов. Конечно же, никто из кильдинских саамов не мог прочитать книгу, ведь один диалект очень отличается от другого, так что саамы, говорящие на разных диалектах, не всегда даже могут понять друг друга. Спустя время Александра Андреевна попробовала себя в переводе детской Библии, и в

Обложка Библии для детей
«Йисус пааррнэ кааннъц»

1996 году в Финляндии вышла в свет Библия для детей — «Йисус пааррнэ кааннъц» в переводе с русского на кильдинский диалект саамского языка. 32 библейские притчи вошли в эту небольшую книжечку, снабженную красочными иллюстрациями. На отдельной страничке — перевод молитвы Отче Наш.

В 2008 году известный журналист, поэт Дмитрий Ермолаев предложил Александре Андреевне взяться за перевод Евангелия от Матфея. Понимая, что никто кроме нее этого не сделает, она приступила к работе и за сравнительно короткий срок — с октября 2008-го до начала 2009-го года — перевела Святое Писание. В своей работе Александра Андреевна пользовалась тем самым Евангелием, которое привез в Ловозеро Пекка Сильвеннойнен. Она выписывала незнакомые ей слова, сравнивала со старославянскими и заменяла их на слова кильдинского диалекта. Иногда соответствий в языке саамов не было, тогда она словосочетанием пыталась объяснить то или иное понятие (например, слово «пророк» перевела дословно как «человек, видящий наперед»). Священное Писание должно было быть услышано, поэтому в каждой передаче саамского радио Антонова прочитывала одну или две главы из Пась Евангели, делая текст доступным для всех саамов. Так Александра Андреевна при-

общала саамский народ к великой православной культуре.

Проблемы со здоровьем и нехватка времени тогда не давали Антоновой работать над переводом Библии так, как ей хотелось бы. Александра Андреевна вела переписку с Пеккой Сильвенной-неном, и он предлагал ей полностью перевести «Новый Завет» на кильдинский диалект саамского языка. Однако работа на радио занимала очень много сил и времени, поэтому к переводу приступить не пришлось. И вот спустя годы она снова возвратилась к работе над Пась Евангели (Евангелие от Матфея). Теперь она тщательно ищет замену встречающимся в тексте русским словам, аналогичным саамским, воскрешая родное слово. Кроме того, возникла необходимость в составлении словаря к переводу. Перевела Антонова на кильдинский диалект и главную молитву русских христиан — «Символ веры».

Недавно Александра Андреевна закончила перевод Жития Трифона Печерского, составила к нему словарь и преподнесла его в дар архиепископу Мурманскому и Мончегорскому Симону.

В свое время на вопрос моей ученицы, почему Александра Андреевна начала переводить Библию, она ответила так: «Я надеялась, что все саамские дети приобщатся к христианству, будут знать, что есть Бог, будут ходить в церковь, как наши родители...». А в интервью работникам Мурманской областной научной библиотеки на вопрос: «Главная книга в Вашей жизни?» — ответила: «Главной книгой считаю Библию как в общем смысле, так и по работе. Уже три года занимаюсь переводом Евангелия на саамский язык» (Антонова, 2, 2007).

Сегодня Антонова является единственным человеком на Кольском полуострове, кто занимается переводом духовной литературы на кильдинский диалект саамского языка.

Рассказывая нам о своем детстве, Александра Андреевна вспоминала, как ее родители и все саамы относились к вере. Ей тогда и самой казалось, что нет в мире злых людей, что нельзя никого обманывать, да и тебя никто не обманет, ведь отношения между детьми и родителями были именно такими: теплыми, доверительными. Родилась она в семье оленеводов, где было девять детей. По саамским обычаям их рано приучали к труду: мальчиков — к стрельбе,

охоте, девочек — к рукоделию. Так в 13 лет Сандра, как звали ее родные, уже сама вела домашнее хозяйство. Отношения между детьми были доброжелательнее, теплее, чем теперь, считает Антонова. Возможно, Библия поможет саамам стать нравственно чище, духовно богаче, вернуть старый семейный уклад.

Трудится Александра Андреевна и сейчас. Участвует в проектах по развитию и изучению саамского языка, печатается в газетах, работает над переводами. Много встречается с людьми, заинтересованными в восстановлении саамской культуры. Пишет письма и едет на встречу с депутатом в Мурманскую областную Думу, надеясь на то, что можно сохранить саамский язык. Борец, она борцом остается до конца. Но живет с болью в сердце, с болью за свой саамский народ, за родной язык, за родную землю. В поэтическом сборнике «Струны сердца» есть стихотворение «Моя боль» в переводе Юрия Кудинова. Это стихотворение — плач по родной земле, по несбывшимся надеждам:

Ой, Отчизна-мать,
Тундра белая!
Я счастливой стать
Так надеялась.
Мне казалось, все
Есть для этого:
И семья, и дом,
Корни дедовы.
И обряды есть,
И обычай, дорогие мне
И привычные.
А теперь еще
Есть и грамотность —
Стал язык родной
Вольным, радостным.
Мне казалось, вот
Лишь теперь и жить!
Почему ж мое
Сердце так болит?
Почему душа
В муках корчится? (Антонова, 1, 2007)

Вот эта боль души и не дает покоя Александре Антоновой, заставляя ее просиживать за рукописями днями напролет. Иногда соседи удивляются: «Так давно тебя не видели, думали, ты уехала!» Но уехать от дел Антонова может позволить себе только зимой и не больше, чем на две недели, — к сыну, внучкам в Санкт-Петербург. Боль за родной язык не дает ей времени на отдых. Особенно ценит она лето — дни длиннее, больше можно успеть.

И еще одна боль не дает успокоенности. Давно лелеет Александра Андреевна мечту о том, чтобы саамы занимались традиционными ремеслами: девочки — изготовлением одежды, обуви, мальчики — оленеводством. Только это, по ее мнению, может вернуть саамов в тундру, помочь выжить в современных условиях. Давно предлагает она создать школу-интернат для саамов, в которой ребята обучались бы мастерству предков с малолетства, по специальной программе. Интернат должен быть рассчитан на 100—120 человек. Торопиться надо, пока мастера еще живы, да и родителей привлекать к передаче дедовского опыта.

Так в чем же секрет такого творческого богатства Александры Андреевны? Как может человек столько успеть за свою жизнь? Или у нее их две? И не чудо ли, что юная девушка из далекого северного поселка Териберка, мечтая работать электриком или медиком, вдруг резко меняет свою судьбу и становится учителем, исследователем, переводчиком, поэтом, человеком, спасающим родную саамскую культуру. Какими же чертами характера надо обладать?

Сама Александра Андреевна считает основной чертой своего характера «трудолюбие, до мозга костей честность, справедливость, уважение к человеку труда. Труд — дело всей моей жизни». Себя она называет «трудоголиком»: «Так люблю работать, что не спала бы. Любую работу осилю» (Антонова, 2, 2007).

А работа всегда есть. То надо порядок в архивах навести, то напечатать что-то, то перевести. Одних только папок с материалами радио тридцать! Да и почитать художественную литературу тоже хочется.

— Что движет Вами на жизненном пути? — был задан ей вопрос.

— Чувство ответственности перед саамским народом, перед обществом в целом за исполнение тех дел, что считаю возложенными на меня (Большакова, 2005).

Об этом она пишет и в стихотворении «Я родилась — мунн шэннътэ»:

Мунн шэннътэ, и вот я увиделась с вами,
Чтоб землю свою возродить для саамов.
Мунн шэннътэ, чтоб весны кружились над ней
И чтобы любимый народ был сильней.
Мунн шэннътэ для тяжкой, но радостной службы —
Согреть своим сердцем остывшие души.
Мунн шэннътэ, чтоб вспомнить обычай веков
И все записать, но родным языком (Антонова, 1, 2007).

Что ж, может быть, именно в осознании своего предназначения и кроется духовная сила Александры Андреевны Антоновой, человека-истории? И именно эта цель и помогает ей идти по дороге жизни мужественно и честно, какой бы трудной она ни была. В этом суть ее подвижнического труда, веры и ясно осознанной цели.

ЛИТЕРАТУРА

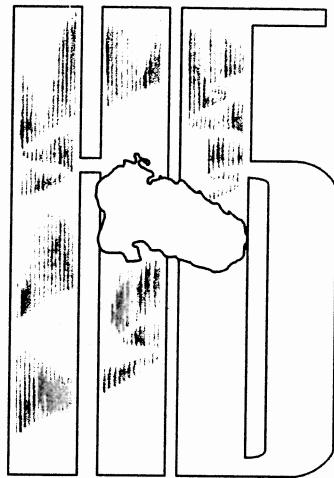
Антонова, 1999. Антонова, А. А. Саамская письменность — XX век [Текст] // историко-краеведческий, эколого-информационный альманах «Живая Арктика». — Апатиты, 1999, № 2. — С. 9.

Антонова, 2007, 1. Антонова, А. А. Струны сердца. Стихотворения [Текст] / А. А. Антонова. — Мурманск, 2007. — 35 с.

Антонова, 2007, 2. Интервью Антоновой А. А. — 2007. — 15 дек.

Большакова, 2005. Большакова, Н. П. В начале было слово, или Старые и новые проблемы саамской письменности [Текст] // Н. П. Большакова. — Мурманский вестник, 16 ноября 1995.

Большакова, 2005. Большакова, Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем [Текст] / Н. П. Большакова. — Мурманск: Кн. изд-во, 2005. — 416 с., ил.

А. А. АНТОНОВА

Состояние, преподавание и проблемы саамского языка

В системе образования родной язык детей саами должен занимать одно из основных мест, ибо чтение и письмо на родном языке играют решающую роль для дальнейшего овладения знаниями и навыками по изучению саамского языка. Известно, что знание отдельных слов ещё не есть владение родным языком. Можно знать десятки, сотни тысяч слов, но это не даст возможности говорить по-саамски и понимать саамскую речь, если не владеть законами изменения и сочетания слов в предложении.

Для выражения мысли слова соединяются в предложения. При этом они связываются между собой, изменяются, выражая этим самые различные смысловые отношения. Изменение и связь слов происходит по определенным грамматическим законам и правилам.

Для детей саами овладение грамматическими законами явление новое. Они только на уроках родного языка в школе должны одновременно усваивать и грамматические правила, которые отличаются от грамматики русского языка, на котором в школе ведутся все другие предметы.

В начальных классах грамматические формы саамского языка усваиваются практически без растолковывания, и учителя избегают объяснений, т.к. сами не владеют грамматикой родного языка, пользуются только упражнениями, повторениями слов, даже не прибегают к четкому произношению звуков и слов, характерных для родного языка при отсутствии контроля, требовательности и собственной ответственности за результаты труда. О каком профессионализме го-

ворить, если учителя со стажем в 20 лет и более не считают, что у них есть проблемы с языком. Проблемы вытекают из расхождения грамматик двух языков, родного и русского, если проводить сравнительный анализ грамматических систем. Сопоставление показывает наиболее эффективные приёмы работы. В родном языке отсутствуют приставки, род существительных и другие грамматические категории, хотя есть словообразовательные и формообразовательные элементы.

Учитель родного языка призван учить практическому владению родным языком, умению правильно говорить, писать, читать по-саамски. Однако нельзя успешно овладеть саамским литературным языком и свободно пользоваться им в письменной и устной форме, не усвоив его грамматический строй, орфографических и орфоэпических форм. Усвоение отдельных, разрозненных слов не вооружит учащихся умением выражать свои мысли и понимать чужие. Учитель должен сообщать учащимся, особенно старших классов, знания о грамматическом строе, правила правописания саамского кильдинского диалекта с первого по одиннадцатый классы, учить сознательному чтению, грамотному письму. Вся работа по языку должна быть подчинена целям и задачам обучения родному языку, накоплению словарного запаса, привитию умения и навыка говорения.

Голова пожилых людей наполнена большим количеством слов, а в детских «компьютерных» головах — только отдельными словами и те в малом количестве.

Язык в детском возрасте усваивается быстрее. Достаточно создать языковое окружение (семья, детский сад, школа), где потребность усвоения языка проявляется повседневно и остро. Они быстрее накапливают словарный запас, фразы, типовые предложения и по истечении 3—5 месяцев начнут общаться на родном языке, по крайней мере, пытаться что-то говорить.

Необходимо с самого начала создавать условия, которые благоприятствовали бы усвоению устной речи. Обучать языку нужно ежедневно, т.к. дети при перерыве в 2—3 дня забывают усвоенное на предыдущем уроке. На первоначальном изучении саамского языка, если хотим достичь каких-нибудь положительных результатов, а не отнимать бесполезно время у детей и сами получать напрасно зарплату, обязательны беспрестанные упражнения и повторения, предупреждающие забывание. Это важно помнить учителям с первого урока.

Нельзя забывать о том, что главной задачей является подготовка детей к жизни, воспитание их в духе глубокого уважения к традиционным видам деятельности. В первом классе на преподавание родного и русского языков нужно отводить одинаковое количество часов ежедневно до конца недели и по 5 часов во 2-х и 3-х классах, в 4—5-х — по 4 часа, в 6—7-х — по 3 часа, в 8—9-х — по 2 часа и в 10—11-х — по одному часу в неделю.

Больше 10 лет назад появилась тенденция учить детей родному языку только с письменного согласия родителей. Это послужило началу отчуждения детей от всего традиционного языка в том числе, что равносильно требованию — не рожайте детей, чтобы не было лишних проблем. Не зря была открыта восьмилетняя вспомогательная школа, в которой все классы, даже были и параллельные, в основном укомплектовывались саамскими детьми, русских — единицы. До последнего времени нельзя продвинуть обучение родному языку до одиннадцатого класса из-за отсутствия программ и учебных пособий.

Стоит вспомнить первые годы Советской власти. Это 1924 год. Во все концы Севера России была направлена русская молодежь для поднятия культуры и преподавания в школах, обучения детей малочисленных народов Севера. Какие были программы и пособия, когда не было даже алфавитов? Всё делалось на марше: составлялись алфавиты, развивалась письменность, издавались буквари, разная литература на языках малочис-

ленных народов Севера, в том числе и на саамском языке. С 1991 года вся эта работа продолжается, обновляется и развивается, создаются новые поколения учебников, пособий, открываются новые школы-интернаты и т. д.

А на Кольском полуострове, на европейском Севере, где из коренных малочисленных народов Севера проживает только одна коренная народность Севера — саами, все приостановилось. Народное образование со временем перестройки сняло с себя задачу содействия в подготовке кадров, способных составлять учебные пособия, с одной стороны, а с другой стороны, Р. Д. Куруч не слышала и никогда не желала слышать моего неоднократного взывания о том, что нельзя терять сегодняшних детей, учеников школы-интерната, где 50 % детей владеют родным языком. Она, подобно насосу, интенсивно выкачивала из нас, старшего поколения, знания родного языка.

Таллинские ученые на совещании в своих выступлениях отмечали, что у неё материала собрано не на одну докторскую диссертацию. Нашему родному отделу народного образования безразличны были наши проблемы. Это безразличие и дало нулевой результат в развитии языка. В 90-х годах уже были на саамском языке и стихи, и букварь, и книга для чтения и грамматика в одной обложке для второго класса саамской школы на 267 страниц, и монография, докторская диссертация Г. М. Керта и другая литература. Преподаватели саамского языка имели конспекты уроков, которые составили бы основу учебников и программ для всех классов. Но все это кануло в вечность.

Законы об образовании не относятся к неизменным документам, а на перепутье они должны отражать движение, развитие, изменения в обществе, науке, преподавании.

Афанасьева Нина Елисеевна — председатель Ассоциации кольских саами с 1989 года, компаньонка Р. Д. Куруч, еще и советник губернатора Мурманской области Ю. А. Евдокимова, — совершенно равнодушна к проблемам родного языка, значит, и ко всем проблемам своего народа, неспособна к борьбе за его права, хотя в унисон с Куруч на всех совещаниях убедительно доказывает, что вместе с Куруч имеют рукописи учебников для всех классов с 1-го по 11-е. Все годы она разъезжает по всей планете, но так и не сумела увидеть и применить положительный опыт норвежцев по возрождению исчезающего родного

языка, которые создали ассоциацию писателей из 70 человек ещё в 1990-х годах, и на родном языке заговорили даже дошкольята. Она, наоборот, старалась препятствовать изданию произведений на саамском языке всем руководителям издательств, угрожала судом. Но нигде, ни перед кем не сознавалась в своих промахах.

В Мурманской области за 20 лет чрезвычайно много побывало иностранных гостей, которые посетили и продолжают посещать густонаселенный уголок саамами — Ловозерский край. Интересовались и интересуются, почему на родном языке ни слова нигде не написано, почему саами не начинают свое дело в семьях. Ведь много молодых людей обучено забытым ремеслам. Им трудно понять, что оленеводческий народ не начинает свое дело, потому что нет у саамов собственных оленей, а значит и нет у них никакого сырья. Но хорошо усвоили одно: язык на грани исчезновения, никаких семейных дел нет, как нет оленей в личной собственности, ни охоты, ни рыболовства, на преподавание языка отведено всего три часа в неделю.

Из многочисленных иностранных гостей серьезное внимание к жизни саамов уделили сотрудники Берлинского Университета им. Гумбольдта. В сентябре 2005 года в составе 4-х человек в Ловозерском Национальном культурном центре на совещании саамов они ознакомили с проектом «Документация кольско-саамских языков» представителей Ловозера, Оленегорска, Мурманска, Ревды, Мончегорска и др. мест. Участники проекта, финансируемого фондом «Фольксваген», арендовали офис при гостинице «Коавас» в селе Ловозере до декабря 2008 года.

Цель проекта — видео- и аудиозаписи саамской бытовой речи, их обработка и сохранение в электронном виде. Проект создал базу для исследования и сохранения саамского языка, которая бы способствовала его развитию в России. Собираемый материал предполагалось использовать для создания учебных пособий, словарей и издания саамской литературы.

Одновременно проводилось анкетирование по социолингвистическому состоянию языка саамов, проживающих на Кольском полуострове. Выявлено потенциальных носителей — 200 человек, активных носителей — 100 человек и 700 человек слабовладеющих и понимающих речь.

Ситуация критическая. Необходимы срочные меры по сохранению саамского языка. Требуется

разговорная практика, языковая среда. Согласно проекту проводятся практические языковые мероприятия с саамским населением для устранения психологического барьера, чтобы саами начали говорить на родном языке. Это и курсы саамского языка, языковый лагерь, вечера саамского языка, публикация учебных материалов, установление контактов с Университетами г. Умео (Швеция) и г. Тромсё (Норвегия).

В этом году проект завершился. Очень важно не прерывать проект, а продолжать работу, начатую в рамках проекта, сохранить саамский языковый офис в Ловозере для продолжения работы по направлениям:

координация практической работы по сохранению и развитию языка;

продолжить работу по документации и сохранению саамского языка в России, аудио-, видеозаписи живой речи, сбор терминологии по топонимике, фольклору и по традиционным промыслам;

развивать дальнейшее взаимодействие между говорящим населением, понимающими язык, и учащимися.

Берлинским Университетом им. Гумбольдта офис оснащен всем необходимым техническим оборудованием, открыт доступ для ознакомления с собранными материалами. Но нужны средства для его содержания и оплаты работы сотрудникам, которые после завершения проекта работают на общественных началах.

Для функционирования языкового офиса необходимы деньги.

Обращались к руководителю Комитета при областном правительстве А. А. Агееву и губернатору Ю. А. Евдокимову, но обращения остались без ответа.

Саами Кольского полуострова пережили гнет царской России с помощью старшего брата, русских. Тогда пророчили полное вымирание лопарей. Пережили рост культурного уровня, политику нерушимой дружбы и братства с 1924—1990 годы. А дальнейший подъём материального благосостояния не пошёл вперёд. Народ загнан в тупик по всем параметрам жизни. В интернате на 160 детей разной народности было по две ставки родного языка. Вдруг всё приостановилось: развитие языка, оленеводство круто пошло на спад, еле «дышил», охота и рыболовство для народа не существуют давно.

Выход: вот когда произошло пророчество о вымирании народа. Наступил XXI век, который так

шикарно воспел саамский поэт Аскольд Бажанов в 1983 году.

Развитие родного языка должно было стать средством дальнейшего повышения культурного уровня, даже культурно-политического развития его носителей. Мы считали его развитие средством воспитания, обучения грамоте и привития им, учащимся, прочных навыков языка. Письменность считали (надеялись) послужит средством для развития самобытного творчества саамского народа и стремились к этому. Считали, что дальнейшее развитие языка превратит письменность в ещё более эффективное орудие культурного подъёма народа.

Только появились некоторые достижения, вдруг 90-е годы выставили серьёзнейшие препятствия перед языком и его носителями: стали невостребованными учителя родного языка, нет методистов, редакционно-издательских и других работников, связанных непосредственно с работой по языку. Совершенно выпал вопрос подготовки кадров, тесно связанных с эффективным и качественным преподаванием родного языка в школах Ловозера.

Никогда не забыть год 1976-й, когда 50 % учащихся интерната знали родной язык. И этот контингент оказался неиспользованным и стал разрывом в деле дальнейшего культурного подъёма его носителей.

Новоиспеченные саамские лидеры кинулись на поиски путей к Саамскому Парламенту, завалили Координационный Совет. Саамский язык забросили, хотя все они заявляют, что знают и хорошо владеют им, пропуская слово «кухонный». Все это непорядочно по отношению к своему народу, его традициям, на этом закончилось дальнейшее изучение и учет всех сторон и особенностей сегодняшней жизни названной этнической группы северян.

Саамский язык не претендует на второй или четвертый государственный язык. Просто желает остаться на земле предков и дать возможность найти работу сегодняшним и грядущим поколениям с целью подтверждения своего права на существование и поднятия своего самосознания.

Я в течение жизни много доказывала важность и пользу родного языка для его носителей. Ведь сегодня некому составлять учебники и учебные пособия, нет композиторов, хоть песенный архив просит; руководители всех коллективов не вла-

деют родным языком или слабо владеют; газета страдает без редактора, корректора, корреспондента; нет учителей родного языка; радио не вещает на родном языке. Иностранцы просят переводы выступлений, резолюций международных конференций, совещаний на всех языках, в том числе на кильдинском саамском языке.

Мне 77 лет и нет надобности сохранять в тайне то, чем владею, кичиться скромностью на исходе жизни и унести в другой мир весь накопленный багаж знаний, где он действительно никому не нужен. Много «кую» связных текстов для будущих поколений, которые с помощью словарей разберутся в них.

Где лежат пути для исправления, для восполнения утраченного в работе над языком?

Университет им. Гумбольдта (Германия) за два с половиной года сделал больше, чем было сделано за 30 лет, с 1976 года, по развитию языка саами Кольского полуострова.

Для успешного выполнения языковых задач необходимо продолжить и усилить работу по созданию учебно-методических пособий и, в первую очередь, учебника по языку и чтению.

С 2005 по 2008 годы в рамках проекта работает саамский офис по ведению и координации всей языковой работы. И его задачами являются:

реорганизовать офис в языковый Центр в Ловозере, где ведется преподавание саамского языка в школе-интернате;

проводить всемерное усиление работы по подготовке кадров, в первую очередь учителей саамского языка;

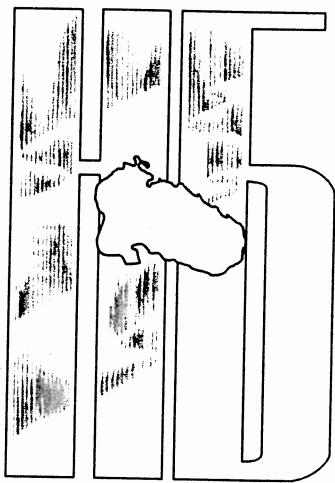
повышать квалификацию работников для сбора материала в газету и руководителей коллективов на специальных курсах и семинарах на месте, в Ловозере;

поднять роль саамского языка и письменности в учебно-воспитательной работе на подобающее место;

в начальной школе родной язык преподавать ежедневно в первом классе, во втором — пять дней; в третьем — четыре дня; четвертом — три дня в неделю.

Перечисленные пункты и есть приоритеты в развитии жизни коренного малочисленного народа саами Кольского полуострова Мурманской области на первых порах.

22 июня 2009 г.

В. Б. БАКУЛА

История изучения восточных диалектов саамского языка

Изучению саамского языка, который принадлежит к отдельной ветви финно-угорских языков и вместе с самодийскими составляет уральскую семью языков, посвящено много исследований. Сложность его изучения состоит в том, что саамский язык распадается на несколько диалектов, которые достаточно сильно отличаются друг от друга, так что говорящие на одном диалекте могут не понимать говорящих на другом.

Профессор Дмитрий Владимирович Бубрих (1890—1949), российский и советский лингвист, доктор наук, член-корреспондент АН СССР, один из создателей отечественного финноутроведения, в статье «О древней прибалтийско-финской речи» писал: «Тут, что ни река, что ни долина, — особый диалект. Географически близкие друг другу диалекты сходны, а географически друг от друга отдаленные — различны, и это различие вместе с расстоянием нарастает. На расстоянии уже нескольких сотен километров возможность взаимопонимания уже полностью иссякает, — а тянется саамская речь больше, чем на сотни километров. Об одном саамском языке никак нельзя говорить... Выход из создавшегося положения только один: говорить не о саамских языках, а о саамской речи» (Бубрих, 1949. С. 55).

На значительные различия диалектов указывал и венгерский языковед Петер Хайду (1923—2002), определивший в своё время прародину уральских народов с помощью метода лингвистической палеонтологии: «Фактически различные саамские диалекты столь же далеки друг от друга, как отдельные прибалтийско-финские языки, и можно

было бы с полным правом говорить о нескольких саамских языках» (Хайду, 1985. С. 118).

Относительно количества диалектов саамского языка в научной литературе встречаются разные мнения: от четырех диалектных групп до десяти (Терешкин, 2002. С. 22).

Все это говорит о том, что окончательный вариант классификации саамских диалектов дать достаточно сложно. Тем не менее, еще в 1971 году известный ученый, языковед, специалист по диалектам саамов Кольского полуострова, доктор филологических наук Г. М. Керт в своей монографии «Саамский язык» достаточно детально разработал деление саамского языка на диалекты. Согласно его классификации на Кольском полуострове встречаются: нотозерский диалект — на северо-западе (относится к колттским диалектам), бабинский диалект — в окрестностях озера Имандра, кильдинский диалект — в центральной части, иокангский диалект (в научной литературе встречается различное написание названия этого диалекта: йоканьгский, йокангский, иокангский, иоканьгский) — на восточной оконечности Кольского полуострова (Керт, 2003. С. 49). Диалекты саамского языка на Кольском полуострове принадлежат к языкам восточной группы. Кроме неоднородной степени сохранности, статуса, диалекты различаются и степенью изученности.

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОСААМСКИХ ДИАЛЕКТОВ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Самым ранним языковым документом восточных диалектов саамского языка стал список из

95 слов и словосочетаний на иокангском диалекте, который составил в мае 1557 года английский путешественник капитан Барроу, совершивший вынужденную остановку своего судна у мыса Святой Нос. Слова и словосочетания он записал по правилам английского гражданского письма, тем самым положив начало изучению восточных диалектов саамского языка. В 1589 году этот список впервые был опубликован в Лондоне, а в 1895 году опубликован вторично в журнале финно-угорского общества Д. Аберкромби. Правда, транскрипция была несколько усовершенствована, а из «Словаря саамов Кольского полуострова» А. Генетца Аберкромби привел соответствующие эквиваленты (Керт, 2003. С. 49). В 1930 годы при изучении русского перевода материалов о России, собранных английскими путешественниками, этот словарь был принят за ненецкий, и ошибка эта долгое время оставалась неисправленной (Костина, 2007. С. 16).

В 1671 году шведский учёный Георг Стирхильм (1598–1672) описал сходство саамского, финского и эстонского языков, а также отметил несколько похожих слов в финском и венгерском. В это же время немецкий учёный Мартин Фогель попытался найти связь между финским, лапландским и венгерским языками. Таким образом, эти два исследователя были первыми, кто указал на то, что позднее стали называть финно-угорской языковой семьёй (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

В 1673 году на латинском языке вышла в свет книга «Лаппония» шведского ученого, путешественника XVII века Иоганна Шеффера (1621–1679), которому шведская ученая коллегия по истории поручила написать научный трактат о лапланцах и их стране. Через год появился английский перевод «Лаппонии». В 2008 году в Апатитах впервые на русском языке издали адаптированный вариант «Лаппонии» с некоторыми сокращениями. А первый перевод на русский язык был сделан в 1926 году членами Мурманского общества краеведения с латинского издания Вольфа 1674 года. Напечатать этот перевод в то время не представлялось возможным из-за финансовых затруднений в Обществе, поэтому перевод был переписан на пишущей машинке и существовал в 2-х экземплярах (НБМ, 2004. № 2. С. 42). XV глава «Лаппонии» посвящена языку саамов («О лопарском языке»). В главе рассматривается вопрос о близком родстве финского и «лопарского» языков.

С точки зрения Шеффера, «лопарский язык не представлял никогда какого-то особого самостоятельного языка, коренным образом отличающегося от финского, а является лишь его ветвью» (Шеффер, 2008. С. 71). В доказательство Шеффер приводит общие слова для обозначения «самых насущнейших предметов и понятий», существующих в повседневном обиходе «лопарского» народа. Отмечает неоднородность «лопарского языка» на всем протяжении Лапландии, распадение его на отдельные наречия и диалекты, довольно сильно отличные друг от друга. Касается он и вопроса заимствования слов «лопарями» (лопари – дореволюционное название саамов) из соседних языков, дает общую характеристику грамматики, характеризует звучание живой речи «лопарей».

В 1724 году создается Санкт-Петербургская Академия наук, которая организует экспедиции на Север для изучения коренного населения. У истоков изучения Севера стоял М. В. Ломоносов (1711–1765), уроженец Архангельской губернии, в юности не раз побывавший на Мурмане, где и наблюдал образ жизни лопарей. В замечаниях на сочинения Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» (1760) Ломоносов привел свои юношеские впечатления о саамах. Он отмечал наличие нескольких диалектов языка (Кошечкин, 2003. С. 60).

В 1830 году появилась работа известного русского гидрографа М. Ф. Рейнеке (1801–1859) — «Описания города Колы в Российской Лапландии», в которой рассказывалось о занятиях и языке саамов приморских районов. По делам службы Михаил Францевич подолгу проживал в Коле, где изучал устные исторические предания и знакомился с бытовыми реалиями русских промышленников-поморов. С этих пор Кольский полуостров становится «ареной исследовательской деятельности финских ученых» (Кошечкин, 2003. С. 61).

Зимой 1837 года Русскую Лапландию посетил выдающийся финский исследователь карело-финского эпоса «Калевала», известный собиратель рунн Элиас Лённрот (1802–1884). Языкoved, врач по образованию, в 1841–1842 Элиас Лённрот вместе с Матиасом Кастреном (1813–1853), финским языковедом и этнографом, совершил большую этнографо-лингвистическую поездку по Лапландии (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>). Он проехал

через Кандалакшу в Колу, записал интересные бытовые наблюдения. Его дневник в 1985 году вышел на русском языке.

Неоднократно бывал в Карелии и Лапландии финский филолог и этнограф М. Кастрен — в 1833, 1838, 1839 годах. Он проехал из окрестностей оз. Инари в Сонгельский погост и в Колу, а затем в Кандалакшу. Ряд его работ, которые публиковались и на русском языке, посвящен языку саамов. В них можно найти характеристику национального характера и духовного мира саамов. Кастрену принадлежат и сведения о диалектах саамского языка (1814; 1858) (Кошечкин, 2003. С. 61).

В 1856 году Даниэль Европеус (1820—1884), финский исследователь бабинского диалекта (<http://cdt-kovdor.narod.ru/index6.htm>), предпринял поездку к саамам Кольского полуострова с целью сбора языкового и фольклорного материала. В поле зрения научного интереса Европеуса попал прежде всего иокангский диалект, хотя одновременно он делал записи и по другим восточным диалектам. Рукописное наследие Европеуса состоит из двух тетрадей, в одной из которых содержится материал по иокангскому диалекту, а в другой — по бабинскому и нотозерскому диалектам. Наряду с лексическим материалом Европеус приводит парадигмы наиболее типичных существительных, прилагательных и глаголов (Терешкин, 2002. С. 18).

В 1867 году на западе Кольского полуострова побывал норвежский филолог, крупнейший специалист по истории и культуре северных народов И. А. Фриис (Jens-Andrē Friis) (1821—1896). С целью основательного изучения языков он предпринимал несколько путешествий в Лапландию и Финляндию. Результатом его изысканий явился длинный ряд сочинений, одно из которых — путевые очерки «Лето в Финмаркене, Русской Лапландии и Северной Карелии» (Кошечкин, 2003. С. 61).

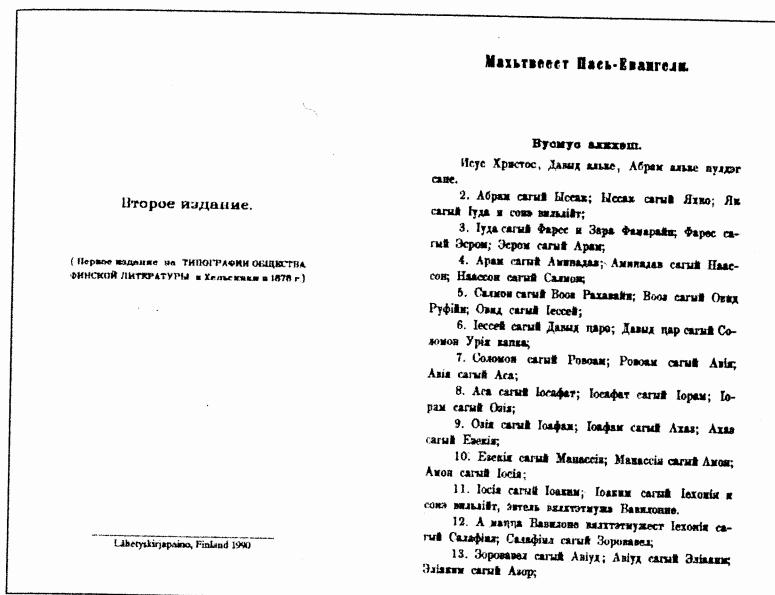
В 1883 году венгерский ученый Игнац Халас в журнале «Nyelvtudományi közlemények» / «Вестник языкоznания» опубликовал «Очерки грамматики русских лопарей». Очерк был написан по материалам Арвида Генетца. Халас предпринял первую попытку изложить основы грамматики диалектов саамского языка Кольского полуострова. Основой его очерка послужил кильдинский диалект. Эта работа стала первым наиболее подробным научным описанием кильдинского диалекта. В то же

время в ней приводятся сведения и по другим диалектам. Очерк начинается с краткого раздела по фонетике, но в основном посвящен описанию морфологии (Терешкин, 2002. С. 19).

В 1891 году выходит в свет «Словарь диалектов саамского языка Кольского полуострова» А. Генетца (1848—1915) — финского языковеда, профессора кафедры финно-угорского языкоznания Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе (Хельсинки). Арвид Генетц стоял на позициях сравнительных финно-угорских исследований и считал язык основой изучения родственных народов. Он совершил несколько экспедиций в места проживания родственных народов: к карелам (1867, 1871—1872), саамам (1876), венграм (1978—1979) (<http://enc.repmkultura.ru/showObject.do?object=1803967968>). В словаредается материал по трем диалектам кольских саамов. Финский ученый Генетц посетил наиболее крупные погосты саамов Кольского полуострова, где собирал языковой и фольклорный материал. «Словарь диалектов саамского языка Кольского полуострова» имел большое значение для исследователей саамского языка, так как впервые в научный оборот вводились материалы по всем диалектам саамского языка Кольского полуострова. В словаре представлен лексический материал, приводятся этнографические наблюдения ученого о саамах, их легенды, песни,дается список топонимов, образцы речи, представляющие собой перевод некоторых глав Евангелия. Однако транскрипция слов не совсем точно передавала звучание слов саамского языка, так как имела ряд особенностей (Терешкин, 2002. С. 18).

Отдельно нужно сказать о том, что в конце XIX века появилось несколько книг, преимущественно духовного содержания, на диалектах саамов Кольского полуострова.

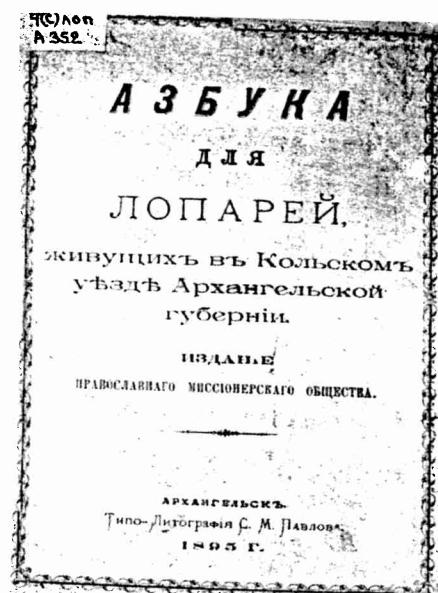
В 1878 году в Хельсинки Обществом распространения Библии в Великобритании и других странах было издано на саамском языке Евангелие от Матфея. (Махътвеест Пась-Евангели. Самас. Евангелие от Матфея (на русско-лопарском языке); Helsingissa, 1878). Это Евангелие было переведено на кильдинский диалект финским ученым-этнографом Арвидом Генетцем, побывавшим до того на Кольском полуострове. Саамский текст Евангелия был записан кириллицей. Однако текст Евангелия передавался очень несовершенной транскрипцией. Текст Евангелия был

Разворот Евангелия от Матфея
на русско-лопарском языке
«Махътвеест Пась-Евангели. Самас»

переведен на кильдинский диалект и частично на диалект Аккала. Однако в переводе изредка встречаются отдельные слова из других диалектов, в частности, нотозерского (Костина, 2007. С. 30, 32).

В 1884 году в Архангельске появился перевод на нотозерский диалект саамского языка Евангелия от Матфея, сделанный Константином Прокопьевичем Щеколдиным (1845—1916), русским священником, настоятелем находившегося на самой границе с Норвегией Пазрецкого Борисоглебского храма (Господа мій Іисуса Христа Пась Евангелие Матвеесть. Саме киле. Архангельск, 1884). Его перевод Евангелия от Матфея на нотозерский диалект, на котором разговаривали жители Пазреци, вышел в свет — неслыханное в ту пору дело — тиражом, превышающим число грамотных саамов, и получил распространение по всему Кольскому краю. К примеру, заведующий Сонгельской церковно-приходской школой Михаил Терентьев уведомлял Кольское училищное отделение, что «при занятиях с учениками будет это Евангелие познакомлено, а с лопарями, умеющими хорошо говорить по-русски, будет переведена 2 глава». За свой переводческий труд отец Константин был удостоен звания почетного члена Архангельского комитета Православного миссионерского общества. Но на сделанном не остановился и в следующем 1895 году издал «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангель-

Обложка первого саамского учебника — «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии»

ской губерни» — первый саамский учебник. Эти две книги по сути дела заложили фундамент здания современной саамской литературы, строительство которого продолжилось уже в XX веке (Ермолаев, 2009, МВ, 13 октября).

Письменность эта не нашла широкого применения, однако в научном отношении представляет собой определенный интерес как первая попытка передачи звуков языка кольских саамов на письме средствами русской графики (Костина, 2007. С. 31).

В 1890 году появляется работа этнографа, историка и археолога Николая Николаевича Харузина (1865—1900) — «Русские лопари». Один из самых значительных разделов — «О древней религии лопарей и о следах древних верований среди современных русских лопарей» — он посвятил вопросам верований саамов. Для исследователя саамского языка Харузина ценна тем, что содержит богатый лексический материал — саамские названия богов и духов. Соответствия этим названиям на кильдинском диалекте приведены в редакции А. Антоновой в книге Надежды Большаковой «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» (Большакова, 2005. С. 241).

В первой четверти XX века немалый вклад в изучение саамского населения западной части Кольского полуострова сделали ученые Финляндии. Большой интерес вызывал расположенный к югу

от Печенгских Тундр зимний Сонгельский погост, где из-за удаленности от других поселений сохранились многие архаические черты быта лопарей. В Сонгельском погосте работали известные финские исследователи Тойво Иммануэл Итконен (1891—1968) и Самули Паулахарью (1866—1943), изучавшие язык, фольклор и материальную культуру его обитателей (Кошечкин, 2003. С. 63). В 1916 году появилась монография Т. И. Итконена «Чередование ступеней согласных в русско-саамских диалектах», в которой рассматриваются «типы чередований одиночных согласных с их долгими коррелятами, а также квантитативные чередования различных по качеству сочетаний согласных» (Зайков, 1987. С. 11). В этой работе автор установил наличие в кольско-саамских диалектах трех ступеней чередования.

В 1939 году вышла монография финского языковеда, профессора Хельсинкского университета Эркки Итконена (1913—1992) «Восточносаамский вокализм с квантитативной точки зрения». В этом исследовании автор стремился «не только дать описание современного описания восточносаамского вокализма, но также осветить и его историю с древневосточносаамского и по возможности с древнесаамского периода» (Керт, 1960. С. 112). В работе анализировались вопросы восточносаамского вокализма. В 1946 году им же опубликованы исследования по структуре и развитию восточносаамской квантитативной системы («Структура и развитие восточносаамской квантитативной системы») (Костина, 2007. С. 33).

В 1958 году появился большой «Словарь кольских и коллта диалектов саамского языка» Т. И. Итконена. Финский ученый в течение нескольких десятилетий собирал материал и изучал диалекты саамского языка Финляндии на Кольском полуострове. Его двухтомный «Словарь кольских и коллта диалектов саамского языка» наиболее полный и точный словарь по восточным диалектам. Но пользование этим словарем затруднено, потому что заглавное слово приводится по диалекту Патсюоки, и для того чтобы найти нужное слово, надо знать его словоформу в этом диалекте. Т. И. Итконен изучал и систематизировал лексику восточных диалектов в течение нескольких десятилетий. Словарь содержит список топонимов и антропонимов (Терешкин, 2002. С. 19).

Известный финский лингвист М. Корхонен в 1967 году в работе «Спряжение в саамском языке

(Финитные категории)» исследовал глагольное словоизменение в диалектах саамского языка. Первой сводной работой по истории саамского языка считается монография Микко Корхонена «Введение в историю саамского языка» (1981) (Зайков, 1987. С. 12).

Таким образом, до 1917 года изучением восточносаамских диалектов на научной основе занимались в основном зарубежные ученые. После 1917 года в силу политических и исторических причин такая работа была затруднена. Приходилось пользоваться материалом, накопленным до указанного периода.

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОСААМСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

В России изучение саамов и саамского языка начинается со средины 1920 годов с организации Северного факультета при Восточном институте Ленинградского университета. Эта работа шла в общем русле создания и развития письменности для малочисленных народов Крайнего Севера. Как отмечал Георгий Мартынович Керт, «в Советском Союзе исследование диалектов саамского языка проводилось по двум направлениям. Во-первых, данные саамского языка представляют научный интерес как для лингвиста-финноугроведа, так и для историка Севера. Во-вторых, создание письменности для саамов (как и для других народов Крайнего Севера) требовало безотлагательного изучения живых произносительных норм» (Керт, 1961. С. 9).

В 1930 году эта работа приобретает углубленный и организованный характер (Северный факультет реорганизован в самостоятельный Институт народов Севера ЦИК СССР (ИНС) с научно-исследовательской ассоциацией при нем): ведется работа по подготовке саамского букваря и другой учебной литературы, книг для чтения.

Уже в 1933 году появляется саамский букварь З. Е. Чернякова на латинской основе. Алфавит состоял из 37 букв. В 1934—1935 годах появляются переводы учебников для начальных школ, а также книг для чтения. Однако новый алфавит и саамский букварь Чернякова не прижился, грамота осваивалась саамами с трудом, поскольку учащимся приходилось изучать два алфавита — русский и латинизированный. В 1935 году первый саамский словарь посчитали идеально вредным и изъяли его из обращения. Более того, помощникам

3. Е. Чернякова он стоил жизни. Они проходили по делу директора Мурманского краеведческого музея В. К. Алымова (1883–1938), одного из первых краеведов Кольского края, собирателя саамского фольклора, как участники саамской национал-контрреволюционной организации. Букварь «им вменялся в вину как контрреволюционная пропаганда» (Сорокажердьев, 1998).

С 1937 года саамская письменность, как и письменность других народов Севера, была переведена на основу русской графики. В этом же году появился новый букварь Александра Гавриловича Эндуковского (1899–?), лингвиста, в 20–30-е годы преподававшего саамский язык в Институте народов Севера. Он перевел на саамский язык «Книгу для чтения» для 1-го класса (с русского учебника П. Н. Жулева), учебник арифметики для 2-го класса Н. С. Поповой и др. (НБМ, 2004, №2, С. 13). В 1937 году появилась статья А. Эндуковского «Саамский (лопарский) язык». В статье давались некоторые диалектные различия, предлагался латинизированный алфавит саамского языка, классифицировались гласные и согласные, были определены наиболее характерные чередования, рассмотрена морфология саамского языка. В конце статьи приводился материал по лексике, а также текст на саамском с переводом на русский язык (Зайков, 1987. С. 12).

С 1937 года преподавание саамского языка и на саамском языке прекратилось в результате крупной волны политических репрессий. Запрещалось даже говорить на саамском языке. И только через 45 лет – в 1982 году – к саамам вновь пришло печатное слово вместе с выходом в свет саамского букваря Александры Андреевны Антоновой, которая в 70-х годах стала преподавать саамский язык в школе. Букварь А. Антоновой был издан на кириллице и получил положительную оценку (НБМ № 5, 2007, С. 12).

Исследованием диалектов саамского языка в теоретическом плане в предвоенные годы занимался языковед, специалист по саамскому языку Аркадий Иванович Емельянов (?–1942), который с 1926 года преподавал на Северном факультете Ленинградского восточного института, с 1930-го – в Институте народов Севера. А. Емельянов приехал на Кольский полуостров летом 1927 года в составе лингвистического отряда Ильинского. Учеными предпринимались попытки в создании письменности саамского народа. Однако руко-

пись А. Емельянова по фундаментальной грамматике языка саамов Кольского полуострова пропала во время войны в блокадном Ленинграде (Керт, 2003. С. 52).

Исследовательская работа по саамскому языку была приостановлена в связи с началом Великой Отечественной войны. Лишь в 1954 году эта работа возобновилась в стенах Института языка, литературы и истории Карело-Финского (с 1956 г. – Карельского) филиала Академии наук СССР» (Керт, 1961. С. 9).

С 1954 года под руководством финно-угроведа Г. М. Керта (1923–2009), специалиста по прибалтийско-финским и саамским языкам, был проведен ряд экспедиций по сбору фольклорных, этнографических, топонимических материалов саамов Кольского полуострова. Г. М. Кертом опубликован ряд статей по вопросам фонетики, морфологии, лексики, а также топонимики саамского языка. В 1961 году в издательстве Академии наук СССР вышли в свет «Образцы саамской речи, материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова (кильдинский и иоканьгский диалекты)». Сборник состоит из текстов, собранных во времяialectологических экспедиций 1955–1960 годов, и предназначен в первую очередь для лингвистов. В сборник включены тексты сказок, преданий, бытовых рассказов с описанием отдельных процессов хозяйственного производства. Перед образцами саамской речи дается характеристика звуков кильдинского и иокангского диалектов саамского языка. Отмечена сложность фонетики саамских диалектов.

В 1971 году увидела свет монография Г. М. Керта «Саамский язык». Монография представляет собой систематическое описание саамского языка. В основу описания был положен воронинский говор кильдинского диалекта саамского языка. Работа состоит из разделов «Фонетика», «Морфология», «Синтаксис». Под руководством Г. М. Керта был собран большой текстовый и магнитофонный материал по всем саамским диалектам.

В эти же годы занимается исследованием генетического родства саамского языка с самодийскими языками В. В. Сенкевич-Гудкова. В 1961 году вышли из печати тезисы ее сообщения на Всесоюзном совещании по вопросам финно-угорской филологии в Петрозаводске и на конференции по топонимике Северо-Западной зоны СССР в Риге. В тезисах подчеркивалось значение топо-

нимики как исторического источника, а также анализировались лексико-семантические особенности гидронимии Кольского полуострова. В статье «Фольклорные мотивы в саамской топонимике Кольского полуострова» (1964) автор развивала мысли о топонимике как историческом источнике. В 1967 году публикуется ее статья «Структурно-словообразовательные элементы в топонимике Кольского полуострова». В ней сделана попытка классификации саамской топонимики по структурным типам. Вполне справедливо ее замечание о том, что саамская топонимика является частной лексической системой саамского языка. (http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_i=41200&p_page=5)

В 1987 году вышла в свет монография П. М. Зайкова «Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование)». В работе дана история исследования бабинского диалекта, охарактеризована современная на то время языковая ситуация у бабинских саамов. Работа представляет собой описание фонологии, морфологических и морфонологических чередований, морфологии одного из наименее исследованных кольско-саамских диалектов — бабинского. В приложении к монографии даны 11 образцов текстов на бабинском диалекте саамского языка с переводом на русский.

В 1988 году в Петрозаводске опубликован сборник текстов «Образцы саамской речи», составителями которого явились Г. М. Керт и П. М. Зайков. Этот сборник продолжил публикацию текстов на кольско-саамских диалектах. Тексты на бабинском диалекте содержат материал на этнографические темы, фольклорные произведения представлены в меньшей степени. Иокангские саамы хорошо сохранили произведения устно-поэтического народного творчества. В сборнике на иокангском диалекте представлены, в основном, волшебные сказки.

В 80-х годах XX века стала возможной совместная работа зарубежных и русских ученых, что было связано с интенсивными контактами между западными и восточными саамами. В эти годы появляется интересный опыт сравнительно-сопоставительного словаря саамских диалектов, которые предприняли ученые П. Саммалахти и А. Хворостухина. Помимо лексических параллелей, в публикации приводятся парадигмы имен и глаголов, а также фонетические соответствия (1991 г.) (Керт, 2003. С. 52).

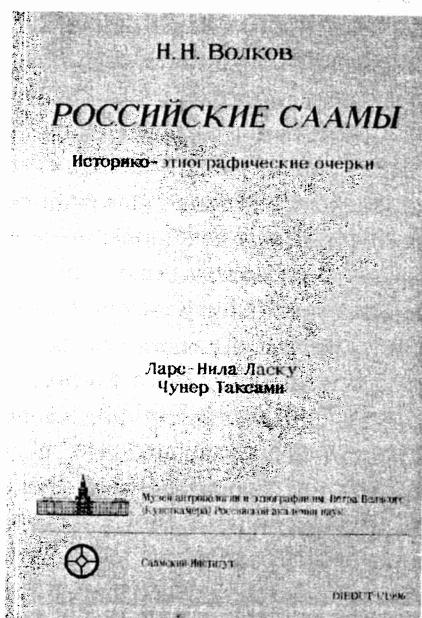
Отдельно надо сказать о саамской лексикографии советского периода.

В 1985 году в московском издательстве «Русский язык» выходит в свет «Саамско-русский словарь» под редакцией Риммы Дмитриевны Куруч. «В словаре впервые зафиксирована лексика саамского языка, охватывающая хозяйственную и производственную жизнь, культуру и быт саамов в прошлом и настоящем» (Афанасьева, 1985. С. 9). В словарь вошло определенное количество заимствований из русского языка или через русский язык, например, общественно-политические термины, слова, связанные со школьным обучением, наукой, культурой, государственностью и т. д. Словарь охватывает 8000 слов — основной словарный состав саамского языка. Это был первый опыт в советской лексикографии, в котором представлена наиболее употребительная лексика кильдинского диалекта саамского языка.

В 1986 году в Ленинграде в издательстве «Просвещение» выходит в свет под редакцией Г. М. Керта «Словарь саамско-русский и русско-саамский», который содержит около 4000 слов. Словарь предназначен для учащихся начальной школы и помогает им успешно овладевать родным и русским языками. «Основу словаря составляет главным образом лексика, используемая в учебных пособиях для начальной школы. Кроме того, в словарь включен ряд слов, отражающих важные стороны материальной и духовной жизни саамов и широко распространенных в саамском языке». В словарь не вошли слова, заимствованные из русского языка (кроме общественно-политической лексики и слов, широкоупотребительных в процессе школьного обучения). Словарь составлен на кильдинском диалекте, положенном в основу письменности саамов.

В 1991 году в Мурманске вышел в свет «Саамско-русский словарь» для начальных школ (составители Р. Куруч, И. Виноградова, Р. Яковleva).

В 1996 году в Норвегии под редакцией Л.-Н. Ласку и (Саамский институт в г. Каутокеино) и Ч. Таксами (музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) вышла из печати кандидатская диссертация необоснованно репрессированного в 1947 году Николая Николаевича Волкова (1904—1953) (русский ученый-этнограф, основной темой научных исследований которого стало изучение народов Кольского полуострова) «Российские саамы. Историко-этнографические

Обложка книги Н. Н. Волкова
«Российские саамы. Историко-этнографические очерки»

очерки». В работе одна из глав посвящена общей характеристики саамского языка, обращается внимание на то, что до революции саамский язык изучался почти исключительно западно-европейскими финно-угроведами.

В 1998 году в Финляндии Университетом Лапландия (г. Рованиеми) под редакцией Л. Рантала издан труд одного из старейших исследователей языка и культуры российских саамов Захария Ефимовича Чернякова (1900—1997) — «Очерки этнографии саамов». В работе рассмотрены вопросы происхождения саамов, место саамского языка в классификации народов мира, устное народное творчество и его роль в развитии языка этого народа, создание и развитие саамской письменности, зарождение саамской литературы в условиях двуязычия и т. д. Автор труда говорит о протосаамских словах, на которые впервые обратил внимание В. К. Алымов (1883—1938) (Черняков, 1998. С. 15). В шестой главе высказывается мысль о том, что у восточных саамов литературного языка еще нет, несмотря на выход в свет букваря Антоновой на кильдинском диалекте саамского языка, и что литературный язык должен быть «наддиалектным языком народа» (Черняков, 1998. С. 37).

В 2002 году в Санкт-Петербурге появляется диссертация С. Н. Терешкина «Йоканьгский диа-

лект саамского языка». Научный руководитель — доктор филологических наук профессор Г. М. Керт. В работе дается описание фонетической системы, грамматических словоизменительных категорий имени и глагола йокангского диалекта саамского языка. Во введении отмечается наименьшая исследованность йокангского диалекта из восточных диалектов, его самобытность, сохраненная вследствие того, что этот диалект не подвергался значительному влиянию со стороны языков проживающих по соседству народов (Терешкин, 2002. С. 5). В работе рассматривается история изучения йокангского диалекта саамского языка, которая находится в тесной связи с историей изучения других диалектов. В этой связи С. Н. Терешкин говорит о трех периодах изучения йокангского диалекта: «периоде начального знакомства с саамскими диалектами европейскими путешественниками, исследователями, учеными», ко второму периоду ученый относит «период с 1917—80-х годов XX века», когда диалектами саамов Кольского полуострова занимались уже советские ученыe в силу исторических и политических причин. Третий период начинается с середины 80-х годов XX века, что связано с подъемом национального самосознания у западных саамов, появлением исследователей из числа самих саамов, началом интенсивных контактов между западными и восточными саамами (Терешкин, 2002. С. 23).

Возобновилась работа над переводами духовных текстов.

В 1996 году в Финляндии отпечатана Библия для детей «Иисус друг детей». Перевела ее с русского языка на кильдинский диалект саамов Кольского полуострова А. А. Антонова, составитель саамского букваря. Книга содержит тридцать две притчи. В 2008 году А. А. Антонова приступила к переводу Евангелия от Матфея. Работа подготовлена для печати и находится в Мурманской и Мончегорской епархии. Следующим духовным трудом Александры Андреевны явился перевод «Жития Трифона Печерского», к которому составлен словарь. Последнее время Александра Антонова работает над составлением словаря к Евангелию от Матфея.

В настоящее время интерес к изучению восточных диалектов саамского языка продолжает расти.

В 2007 году в г. Апатиты выходит учебное пособие Г. В. Костиной «Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского

IX Международный конгресс финно-угорских писателей
«Писатель. Литература. Читатель»
Петрозаводск, 2006 г.

В. Б. Бакула (слева) и Г. М. Керт
на IX Международном конгрессе финно-угорских писателей
в г. Петрозаводске, 2006 г.

полуострова», где содержится теоретический и практический материал по социолингвистическим проблемам языковой и этнической ситуации на Кольском полуострове, а также материал по фонетическому строю кильдинского диалекта саамского языка. В качестве основы для разработки данного курса использовано диссертационное исследование автора «Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции» (Костина, 2007. С. 3).

В 2008 году разработан учебный материал в связи с проведением лагеря по изучению кильдинской разговорной речи при финансовой поддержке Культурного фонда Союза саамов и немецкого государственного фонда «Фольксвагенштифтунг» через проект KSDP «Документация саамского языка Кольского полуострова». Материал состоит из двух частей: «Грамматики», в которой дается краткий очерк морфологии киль-

динского языка, и «Лексики», где представлены слова, распределенные по темам, которые обрабатывались во время проведения лагеря. Учебный материал разработан при сотрудничестве А. А. Антоновой на основании практического опыта преподавания языка в условиях языкового лагеря. В качестве основы были использованы материалы Г. М. Керта – «Саамский язык (кильдинский диалект): Фонетика. Морфология. Синтаксис». Л., 1971; Р. Д. Куруч: «Краткий грамматический очерк саамского языка» // Саамско-русский словарь, М., 1985; П. Саммаллахти, А. Хворостухиной: «Сойтэс» Удъ Saami-Саамъ соагнэгка, Ohcejohka, 1991; M. Svonni, M. Vinka Nordsamisk grammatik (=M. Свонни, М. Винка: Северо-саамская грамматика), Умео, 2003.

Высшая саамская школа (Sámi University College, Каутокеино, Норвегия) и Саамский центр экономического развития и планирования (SEG, Тана, Норвегия) при поддержке Общественной организации саамов Мурманской области и Ассоциации кольских саамов организовали проект «Подготовка условий для создания Центра саамских знаний». Для осуществления проекта создана рабочая группа. Цель проекта – создание организации, специально занимающейся проблемами возрождения традиционной культуры кольских саамов, которые лежат в различных сферах общественной и культурной жизни – педагогике, языкоznании, археологии, работе с молодежью, сохранении и использовании культурного и исторического наследия, исследовании современного положения и др. Координатор рабочей группы – кандидат исторических наук Максим Геннадьевич Кучинский. В 2008 году вышла из печати его монография «Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры». Работа интересна использованной в ней топонимией и взглядом ученого на происхождение топонимов (Кучинский, 2008).

При Мурманском государственном педагогическом университете (ныне Мурманский государственный гуманитарный университет) начала работать инициативная группа по исследованию саамского языка, в рамках которой ведутся исследования лексики оленеводства, охоты, рыболовства, а также религиозной лексики кильдинского диалекта саамского языка. Руководит группой доктор филологических наук доцент О. Н. Иванищева.

Таким образом, лингвисты разных стран обращались к диалектам саамского языка. Наиболее

полный сборник названий трудов по проблемам лаппонистики составил и опубликовал норвежский ученый Тор Свеум – «Советские саамы и скольты: языки, культура, история. Указатель литературы» (Терешкин, 2002, С. 19).

Обзор литературы, непосредственно касающейся изучения восточносаамских диалектов, показывает, что степень изученности диалектов различна. В бабинском диалекте исследованию подвергались лишь отдельные вопросы морфологии. фонолого-морфологические исследования были представлены впервые в работе Зайкова (Зайков, 1987. С. 3). Монографическое исследование материалов иокангского диалекта, предпринятое в работе Терешкина, является первой попыткой системного описания крайне восточного диалекта саамского языка. Иокангский диалект остается до сих пор наименее исследованным из восточных диалектов саамского языка. В лингвистической литературе до сих пор нет его удовлетворительного, целостного описания (Терешкин, 2002. С. 6). В более выгодном отношении находится кильдинский диалект саамского языка, что связано, в первую очередь, с его местом среди восточносаамских языков: он является основой саамской письменности, его систематическому описанию посвящены ряд работ и монография Г. М. Керта

Однако говорить о достаточной изученности восточносаамских диалектов саамского языка еще рано. Многое остается неизученным, невыясненным. По мнению Г. М. Керта, «интересно сравнить фонетику, грамматику и лексику саамского и других прибалтийско-финских языков, выявить общности и различия между ними и определить, по возможности, происхождение специфических черт, присущих саамскому языку и отличающих его от прибалтийско-финских языков» (Керт, 2003. С. 44) Изучение проблемы происхождения саамского языка позволило бы более убедительно осветить вопрос этногенеза коренного народа и заселения им Севера. Все вышесказанное приводит к выводу, что саамский язык еще нуждается в исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева, 1985. Афанасьева, Н. Е. Саамско-русский словарь [Текст]: / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина и др.; Под ред. Р. Д. Куручи. – М.: Рус. яз., 1985. – 568 с.

- Большакова, 2005. Большакова, Н. П. Жизнь, обычай и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем [Текст] / Н. П. Большакова. – Мурманск: кн. изд-во, 2005. – 416 с., ил.

Бубрих, 1949. Бубрих Д. В. О древней прибалтийско-финской речи // Известия Карело-финск. научно-исслед. базы АН СССР, № 1, 1949.

Ермолаев, 2009. Ермолаев, Дмитрий. Русский священник: просветитель, полицейский и медик [Текст] / Дмитрий Ермолов // Мурманский вестник. – 2009. – 13 окт.

Зайков, 1987. Зайков, П. М. Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование) [Текст] / П. М. Зайков. – Петрозаводск: «Карелия», 1987. – 201 с.

Керт, 1961. Керт, Г. М. Образцы саамской речи [Текст] / Г. М. Керт. – М.: АН СССР, 1961. – 359 с.

Керт, 1960. Керт, Г. М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова [Текст] / Г. М. Керт // Труды Карельского филиала АН СССР. Прибалтийско-финское языкознание, 1960. вып. XXIII.

НБМ № 5, 2007. Наука и бизнес на Мурмане: Научн.-практ. журн. – Мурманск: Кн. изд-во, 1996. – (Язык, сознание, общество; т. 12). № 5(62): Культура саамского народа. – 2007. – 84 с.

Керт, 2003. Керт, Г. М. Саамский язык / Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003.

Костина, 2007. Костина, Г. В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений филологических специальностей. – Апатиты, 2007.

Кошечкин, 2003. Кошечкин, Б. И. История изучения саамов Кольского полуострова / Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003.

Кучинский, 2008. Кучинский, М. Г. «Саами Кольского уезда в XVI–XVII веках. Модель социальной структуры» [Текст] / М. Г. Кучинский. – Diedut, 2008. № 2.

Сорокажердьев, 1998. Сорокажердьев, В. Трагедия саамского буквarya // Полярная правда. – 1998. – 10 февр.

Терешкин, 2002. Терешкин С. Н. Йоканьгский диалект саамского языка. – Дис. к. ф. н., СПб, 2002.

Хайду, 1985. Хайду Питер. Уральские языки и народы [Текст] / П. Хайду. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.

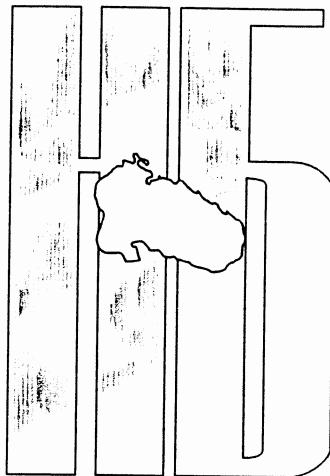
Черняков, 1998. Черняков, З. Е. Очерки этнографии саамов Текст] / З. Е. Черняков. – Рованиеми.: Университет Лапландии, 1998. – 129 с.

Шеффер, 2008. Шеффер, И. Лаппония [Текст]: историко-краеведческий эколого-информационный альманах «Живая Арктика» Главный редактор В. Берлин. – Апатиты: Информационноиздательский центр «Живая Арктика», 2008. – № 1. – 132 с.

НБМ № 2, 2004. Наука и бизнес на Мурмане: Научн.-практ. журн. – Мурманск: Кн. изд-во, 1996. – (История и право; т. 16). № 2(41): В. К. Алымов – краевед Мурмана. – 2004. – 72 с.: ил.

НБМ № 5, 2007. Наука и бизнес на Мурмане [Текст]: науч.-практ. журн. / Мурманск: кн. изд-во, 2007. – (Язык, сознание, общество; т. 12). № 5(62): Культура саамского народа. – 2007. – 4 с.: ил.

http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_196
<http://ru.wikipedia.org/wiki/> – Финно-угорские языки
<http://ru.wikipedia.org/wiki/Ленрот>
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/162930/Кастрен>
<http://cdt-kovdor.narod.ru/index6.htm>
http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgaуз_efron/109086/Фриис
<http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803967968>
<http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=200910132180>
http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=41200&p_ge=5

В. Е. КУЗНЕЦОВА

Понойские саами

Село Поной... Более 400 лет стояло это поморское село недалеко от Горла Белого моря. Когда-то Иван Грозный дарил понойскому храму апостолов Петра и Павла колокола, ризы, церковные книги... Жили понойские поморы безбедно – рыбу ловили, морского зверя промышляли, оленей пасли. В январе 1870 года на сельском сходе в число постоянных жителей Поноя были приняты и саами, как всюду подчеркивалось – «по их просьбе...». Документ, свидетельствующий о добровольном переходе коренных обитателей Понойской волости к оседлому образу жизни, хранится в Государственном архиве Архангельской области (ГААО):

«1870 года 3 дня. Мы, нижеподписавшиеся лопари, постоянно проживающие в селении Поное, вследствие приглашения пристава 4 стана Кемского уезда оставить нашу кочевую жизнь и водвориться оседло, сим письменно заявляем, что мы с давних пор проживаем в селении Поной, почти все имеем в Поное свою собственную недвижимость, дома. Многие из нас имеют жен из местных понойских жителей и почти все пользуются угодьями на реке Поное наравне с понойскими крестьянами, или крестьяне Понойского не уделяют нам угодий на море и сенокосов. Видя нам большую пользу и выгоду от постоянной оседлой жизни, а также от проживания в домах, а не в вежах, мы изявляем желание и согласие водвориться оседло на постоянное жительство в селении Поное и обязуемся проводить в оном строения, не лопарские вежи. А наравне с крестьянами по силе и средствам дома и прочие строения. Но при этом просим наделить нас в селении

Поное сенокосом и морскими угодьями наравне с крестьянами и затем отчислить нас от лопарских погостов, причислить в Понойское селение.

В чем подписываемся, а по безграмотности собственно ручкою прикладываем свои клейма.

Матвей Степанов Друженьев, Максим Петров Горбунцов, Егор Яковлев Друженьев, Андрей Петров Данилов, Тимофей Данилов, Григорий Семенов Данилов, Иван Петров Матрехин, Денис Ильин Ермолин, Антон Ильин Ермолин, Петр Филимонов Харлин, Андрей Арефов Матрехин, Алексей Иевлев Матрехин, Яков Константинов Данилов».

По многим учебникам прошла в сокращении эта цитата. Мурманский поэт, публицист, краевед Владимир Смирнов так комментирует ее: «Но обратите внимание: саамы выражают «СОГЛАСИЕ водвориться в село, а не желание. Почему?» Да потому, что в историческом документе есть и другие слова, в учебниках не приводимые о том, что письмо было писано «вследствие ПРИГЛАШЕНИЯ пристава... оставить нашу кочевую жизнь».

Владимир Александрович Смирнов рассуждает далее: «Человек может жить оседло, олени – никогда. Кочевать им написано на роду, ибо пастбища не беспредельны, они истощаются быстро. Поэтому испокон веков у оленеводов существовали зимние (лесные) и летние (приморские, тундровые) пастбища, переходные места выпаса. «Ягель растет медленно, а олень постоянно кушать хочет, — говорят пастухи, — потому и приходиться кочевать». Так может, зря мы начали нарушать вековые устои саамской жизни?» (Смирнов, 1994. С. 59).

В Поное оленеводы с русскими поморами жили в тесной связи, много общались, перенимая друг у друга обычай, культуру. При священнике Понойского прихода Николае Ивановиче Шмакове в Поное была открыта церковно-приходская школа, помещавшаяся с 1884 года до 1891 года в его квартире, причем он сам был и учителем до 1892 года. В школе обучались и русские крестьяне, и саамы, и коми. Наравне. И поморские, и саамские дети. Заботился священник о выделении отдельного помещения для церковно-приходской школы, а также о народной читальне. Для искоренения злоупотребления спиртными напитками отец Николай основывает общество трезвости, убеждает прихожан составить приговор о закрытии в селе питейных заведений. И поморы, и саамы согласны со священником. И в результате этого ходатайства с 1893 года по 1900 год в селе не существовало продажи спиртного, благодаря чему и нравственное, и материальное состояние и поморов, и саамов улучшилось.

В 1902—1906 годах проводились по Кольскому уезду исследования физических параметров лопарей. Вот данные из диссертации врача Шмакова Ивана Николаевича, сына понойского священника.

Данные по Поню:

Василий Харлин — 20 лет, рост 148 см;
Мартемьян Матрехин — 45 лет, рост 147 см;
Родион Матрехин — 40 лет, рост 165 см;
Алексей Матрехин — 50 лет, рост 165 см;
Иван Харлин — 46 лет, рост 152 см;
Фома Друженьев — 40 лет, рост 152 см;
Яков Матрехин — 29 лет, рост 163 см;
Илья Друженьев — 48 лет, рост 152 см;
Савелий Матрехин — 39 лет, рост 156 см;
Илья Матрехин — 50 лет, рост 162 см;
Яков Матрехин — 76 лет, рост 158 см;
Андрей Друженьев — 42 года, рост 155 см;
Яков Горбунцов — 37 лет, рост 143 см;
Александр Матрехин — 30 лет, рост 160 см;
Семен Матрехин — 21 год, рост 156 см;
Феофан Матрехин — 47 лет, рост 156 см;
Капитон Куроптев — 46 лет, рост 156 см;
Николай Матрехин — 30 лет, рост 162 см;
Алексей Матрехин — 33 года, рост 143 см;
Яков Матрехин — 62 года, рост 157 см;
Сергей Матрехин — 54 года, рост 165 см;
Александр Матрехин — 52 года, рост 165 см;
Александр Харлин — 25 лет, рост 165 см;
Федор Матрехин — 15 лет, рост 143 см.

Из этого списка саамов Поноя можно судить и о том, что многие саамы имели русские имена, что утверждение о недолговечности жизни саамов здесь не подтверждается, да и не все саамы были низкорослыми.

История в Поное был заведен такой порядок: летний (меженный) лов семги в море на тонях начинался с 12—15 июня и заканчивался в Прокопьев день (8 июля). Осенний лов начинался с 20 июля (Ильин день) и продолжался до Ивана Постного (1 сентября по старому стилю).

С 8 июля все шли на уборку сена.

Село Поной имело 10 жеребьев в море, в каждой жеребье четыре тони. В каждую тоню зачислялось 8 с половиной душ.

Через каждые 10 лет одному и тому же лицу приходилось пользоваться снова тоней, то есть шел круг жеребьевки.

В реке ловили поездами, более 50 лодок, до заморозков. Ловили также и гарвами (крупноячайные сети). У каждого для гарв была своя тоня. Лов семги забором, с тремя тайниками, устраивался на средства всех жителей и стоил очень дорого. Забор устраивался на перекате у Заборного ручья.

Со 2 февраля по старому стилю (Сретенье Господне) по 26 марта (Благовещение) шел звериный промысел на море.

В конце 20-х годов в Поное был создан колхоз «Север». Люди занимались теми же промыслами: оленеводство, рыболовство, охота. И трудились рядом саамы и поморы. Вот список расписанных тонь в Понойском селении на 1920 год:

Харлин Киприян Иванович, 1984 г.р., 36 лет — Горяинов ручей, Лукова губа;

Харлин Гавриил Алексеевич, 1887 г.р., 33 года — Бакалда, Кислоха, Бердон Нос;

Пирогов Александр Андреевич, 1901 г.р., 19 лет — Бакалда;

Харлин Ефим Иванович, 1903 г.р., 17 лет — Кузьмин;

Харлин Иван Семенович, 1903 г.р., 17 лет — Орловский;

Харлин Алексей Урванович, 1861 г.р. — Кислоха, река Поной;

Друженев — Игнатий Андреевич — Подкорабельное, море;

Совкины — Арешна губа;

Долгих — Подбердонос;

Друженевкова Александра Андреевна, 1906 г.р., 14 лет — Тупицынские Новинки;

Сидят: Харлина Ксения Федоровна (слева),
Харлин Алексей Урванович (справа)
Стоит: Харлин Гаврила Алексеевич.
Предположительно 1916 г.
Ист.: Из архива А. Г. Долгих

На переднем плане: Куковерова Татьяна Акимовна
с сыном Куковеровым Валентином Павловичем
На заднем плане в дверях стоит Кузнецова Анна Федоровна
Село Поной, 1949 г.

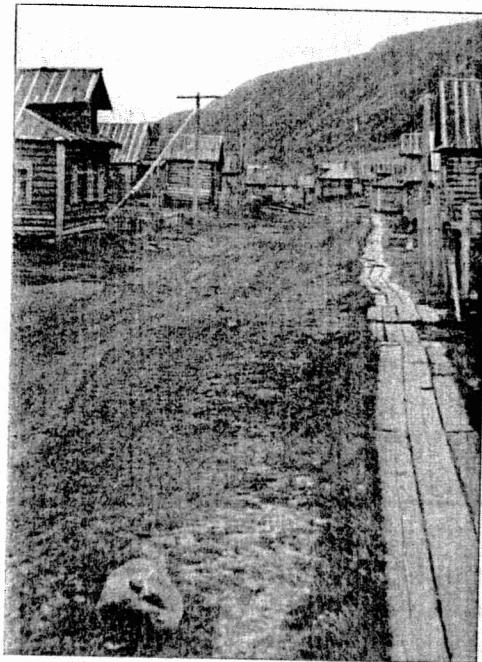
Ист.: Личный архив В. Е. Кузнецовой

Село Поной, 1887 г.
Ист.: Книга «Suuri kuolan retki 1887»

После сплава леса на реке Поной, 1974 г.
Слева направо: Александра Андреевна Долгих,
Августа Ивановна Долгих, Павел Иванович Долгих
Ист.: Личный архив В. Е. Кузнецовой

Улица в селе Поной, 1970 г.
Ист.: Личный архив О. Коломайченко

Вид на село Поной со стороны Мельничного ручья
Ист.: Личный архив В. Е. Кузнецовой

Матрехины – Орлов;
 Русиновы – Красный Нос;
 Долгих – Кузьмин;
 Матрехины – Яички;
 Матрехины – Орловский;
 Чуриловы – Святые Луды;
 Устиновы – Красный Нос;
 Макаровы – Подкорабельное, Палатное;
 Кузнецов Евгений Акимович, 1897 г. р., 23 года – река Поной, море;
 Бушмаревы – оленеводство;
 Горбунцовы – Подкорабельное;
 Большаковы – Кузьмин;
 Долгих Елена Ал. – Комаров, река Поной;
 Долгих Евгений Григорьевич – Русенга, река Поной;
 Логинова Александра Павловна – Попова Лахта;
 Долгих Наталья Ивановна – Русенга;
 Совкины – Орлов, Смоляная губа;
 Бушмаревы – Естефеевка;
 Кузнецова Анна Федоровна – река Поной.
 (Сведения взяты в Государственном архиве Архангельской области по селу Поной, фонд 187).
 Расписаны были и пожни, и росчисти для сено-коса по владельцам:
 Харлины, Пироговы – Лисий Нос;
 Матрехины – Медвежий ручей;
 Все могли косить в Лопском ручье;
 Русиновы – Лепела;
 Русиновы – Брынские;
 Долгих, Харлины – Сорочья Яма;
 Литусовы – Попов ручей;
 Емельян Мошников – Лог;
 За Пахтенным ручьем – все....

Коровы были во многих домах. Когда образовался колхоз, из личного хозяйства в нем оказалось более 70 коров и более 150 овец. С началом коллективизации еще многие держали коров, а также и овец. При коллективизации были национализированы все орудия лова и почти все карбаса и лодки. Были и раскулаченные в селе, как поморы, так и саамы: Литусовы – развозили почту; Совкины – судовладельцы; Пироговы – писарская служба; Русиновы – древнейшие поселенцы села.

И репрессиям подверглись наравне как саамы, так и поморы в 30-е годы: Совкин Яков Васильевич, Совкин Дмитрий Федорович, Харлин Николай Алексеевич, Кузнецов Евгений Акимович, Друженьков Иван Андреевич, Горбунцов Степан Петрович, Совкин Алексей Модестович.

Прав был в своих выводах Владимир Смирнов: «Коллективизация и у нас проходила не всегда гладко, хотя, наверное, и без такого людского урона, как в средней полосе или в других местах России. Правда, в 1929 году спецкор архангельской газеты, будущий детский писатель Аркадий Гайдар написал, что на Терском берегу «крепко засело кулачье». Это его ввели в заблуждение добротно рубленные дома поморов, их крепкий, основательный быт. После такой статьи и нашим мужикам досталось...» (Смирнов, 1991. С. 117).

Теперь имена этих мужиков занесены в «Книгу памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.)». (Книга памяти...1997. С. 84, 97, 168, 303).

Да. Крепкое было село. «От пяти до десяти тысяч тысяч оленей было в колхозе, от пятидесяти до 80 тонн семги ежегодно вылавливали рыбаки, тоннами сдавали мясо, картофель, морковь, репу. Колхоз стал миллионером!.. Это был единственный колхоз области, который за все годы своего существования не просил у государства ни копейки дотации.

И тем не менее, в 1970 году и колхоз, и село были признаны “неперспективными” и ликвидированы. Жителей переселили – кого в Иокангу, кого в Ловозеро, а кого и еще дальше» – этими грустными и справедливыми словами Владимира Смирнова я закончу свой рассказ о земляках моих – понойских саамах.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов, 1991. Смирнов В. Села мои поморские // Север. – 1991. – № 7. – С. 117.

Смирнов, 1994. Смирнов В. Я живу на Севере. – Мурманск, 1994.

Книга памяти...1997. Книга памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.). – Мурманск, 1997.

А. Э. ЯВОРСКАЯ

Описание русских лопарей в сочинениях отечественных авторов второй половины XIX века

Кольский Север, в XIX веке входящий в состав Архангельской губернии, с давних пор привлекал к себе внимание путешественников и исследователей. Это подтверждают ряд сочинений отечественных авторов, которые очень подробно описывали положение дел на Кольском Севере.

Именно в XIX веке отдаленные окраины страны начинают все больше интересовать центр. Связано это было, скорее всего, с тем, что в этот период начинается научное исследование территорий, которым не предавали большого значения и которые казались до этого момента бесполезными. Для данных целей в Москве и Петербурге открываются научные общества, цель которых, как сами они прописывали, изучение «...родной земли и людей ее обитающих...»: Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнологии (основано в 1863 году), Русское географическое общество в Петербурге (основано в 1845 году), Петербургское общество естествоиспытателей (основано в 1868 году). Чаще всего именно эти научные общества организовывали поездки путешественников, стремящихся на Кольский полуостров.

Многие, побывавшие на Кольском Севере, во время поездки записывали свои впечатления или описывали все увиденное после путешествия. Связано это с тем, что всякий, кто посещал край, находил что-то новое и не описанное в более ранних работах, а значит, появлялись новые сведения, факты, подробности, которые хотелось донести до столичных читателей. Так появлялись работы, которые можно условно назвать путевые записки (заметки, дневники и т. п.) о Кольском Севере.

Существовало ряд тем, которые были отражены практически во всех сочинениях о Кольском крае: природа, описания населенных пунктов, описание жизни населения края, промыслы. Можно сказать, что многие авторы каждую из тем раскрывали, во многом повторяя друг друга. И все описания сводились к сожалениям об отсутствии глубоких исследований столь богатой части страны, как Кольский Север. Существует даже ряд работ, в которых изложены проекты развития и помощи краю. Однако и тут они сводятся к общим знаменателям: активному изучению края, строительству порта, налаживанию транспортного сообщения, созданию медицинской помощи и образования, активному использованию богатств региона. Отличия и разногласия же возникают в вопросе социальных проблем Кольского Севера, политики в отношении населения и, самое важное, в отношении к местному населению — лопарям, как в то время называли народ саами. В этих вопросах существует полярность мнений. Некоторые из авторов считали, что необходимо полное переселение жителей из края, и выражали свое негативное мнение о местном населении и его будущем. Александр Платонович Энгельгардт в своей работе «Русский Север. Путевые записки Архангельского губернатора» пишет: «Лопарское племя, по-видимому, вымирает или, лучше сказать, постепенно исчезает и смешивается с соседними племенами» (Энгельгардт, 1887. С. 64). Кроме того, автор уточняет, что, несмотря на то, что край богатый и в нем возможна полноценная жизнь, местному населению это не поможет, так как лопарь — «плохой хозяин» и он не нуждается в опеке.

Фрагмент русской карты. 1896 г.
Ист.: <http://biarmia.narod.ru>

В результате Энгельгардт приходит к выводу, что смысла в помоши местному населению, которое не хочет активно работать и развиваться, нет. Совершенно другой точки зрения придерживается Василий Иванович Немирович-Данченко, который в своей работе «За Северным полярным кругом» утверждал, что в будущем и весьма недалеком Лапландия, если помогать местному населению, «...оставит далеко позади и города соседней Норвегии. Дайте только ей больше воли и больше простора. Не стесняйте административными и податными веригами ее населения. Не отдавайте его в жертву поморским хищникам и отстаивайте от вмешательства в ее дела уездного чиновничества» (Кошечкин, 1983. С. 57).

Мы рассмотрим лишь некоторые сочинения отечественных авторов XIX века о Кольском Севере, чтобы проследить эти разногласия, касающиеся коренного населения. Нас интересуют следующие авторы, которые совершили поездки по Северу: Максимов Сергей Васильевич — книга «Год на Севере» (1859), Ухтомский Леонид Алексеевич — «Путевые заметки при обзоре состояния

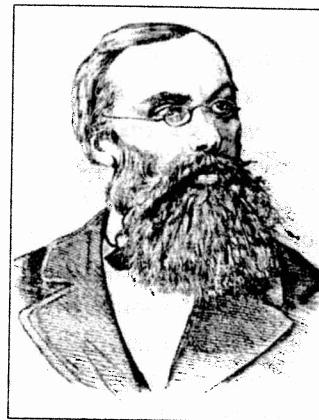
мурманских рыбных промыслов» (1874), Немирович-Данченко Василий Иванович — «За Северным полярным кругом» (1874), Подвысоцкий Александр Осипович — «Рыбачий полуостров: Воспоминания о поездке на Ледовитый океан» (1876), Кудрявцев Николай Васильевич — «Русская Лапландия» (1884), Елисеев Александр Васильевич — «По белу-свету» (1895), Энгельгардт Александр Платонович — «Русский Север. Путевые записки Архангельского губернатора» (1897). Все авторы имеют разное образование, разные профессии и цели поездки на Север, — все это должно обеспечить объективность общей картины описаний.

Почти во всех рассмотренных работах присутствуют одни и те же элементы описания, касающиеся саами, а именно: внешний вид, описания быта, некоторых привычек и занятий коренного населения края, описание мест их расселения, отношения с другим населением края, проблемы населения, отношение автора к северному народу.

«Внешность лопарей» — первый элемент описания.

Одно из самых полных и ярких описаний внешности саами дал Максимов Сергей Васильевич в своей книге «Год на Севере». На момент путешествия по Кольскому Северу С. В. Максимов (1831—1901) был начинающим, малоизвестным литератором. Родился Сергей Васильевич в семье мелкопоместного дворянина, служившего почтмейстером в одном из посадов Костромской губернии. «В Москве Сергей Васильевич входил в кружок “Молодой редакции” журнала “Москвитянин”, руководимый А. Н. Островским. Члены кружка увлекались народным творчеством, русской песней, изучением народного быта, и это увлечение во многом определило интересы Максимова в будущем. Экспедиция на Север была лишь началом большого творческого, литературного пути Максимова» (В дебрях Севера, 1983. С. 75). Будучи включенным в состав экспедиции по линии Морского министерства для изучения приморских областей России, С. В. Максимов, несмотря на молодость, был уже знаком с задачами изучения народного быта. Этот опыт и характер человека «простого, незлобивого, обходительного, помогли ему в сложном творческом предприятии, да и сопроводительные бумаги способствовали тому» (Астафьев, 1987. С. 18).

Вот как описывает Максимов саами: «Резко бросается в глаза низенький лопарь, всем обличьем заметно отмеченный от соседнего русского люда. Глянцевито-черные волосы щетинисто торчат на голове, и, кажется, никогда не способны улечься, они висят какими-то неровными клочьями надо лбом, из-под которого тупо и лениво глядят маленькие глаза, большую частью карие. Несколько выдавшиеся скулы, значительной величины разрез рта делают из лопаря некоторое подобие самоеда, если бы только все черты лопаря были менее округлы, если бы разрез глазной был уже и самая смуглость лица была бы сильнее. Лопарь, напротив, в этом отношении составляет как бы переход от инородческого племени к русскому, хотя бы, например, от того же самоеда к печорцу» (Максимов, 1984. С. 221—222.). Не менее интересное, но в чем-то схожее описание дает архангельский губернатор А. П. Энгельгардт. Он посетил край в 1895 году и вскоре опубликовал книгу «Русский Север. Путевые заметки», в которой значительное место удалено Мурману. Вот какие сведения об авторе дает мурманский краевед, профессор И. Ф. Ушаков: «Энгельгардт Алек-

С. В. Максимов

Ист.: И. Ф. Ушаков «Кольский Север в досоветское время». Историко-краеведческий словарь

сандр Платонович (1845—1903) — выдающийся администратор, с 3 июня 1893 года по 10 августа 1901 года — архангельский губернатор. Окончил юридический факультет Московского университета. По инициативе и ходатайствам Энгельгардта на Мурман был проведен телеграф, расширено пароходное сообщение, введено страхование судов, по берегам поставлены новые навигационные знаки. ... В 1895 году он совершил ознакомительную поездку на Кольский полуостров» (Ушаков, 2001. С. 321). В этой поездке его сопровождал фотограф Яков Иванович Лейцингер.

В своей книге «Русский Север. Путевые заметки» А. П. Энгельгардт описывает жителя Русской Лапландии следующим образом: «Типичный лопарь — низкого роста, приземист, на ногах у него большие башмаки, в роде колодок, ноги закутаны суконною тряпкою, перевязанною бичевкою, одет он в суконную серую куртку, на голове вязаный шерстяной колпак с кисточкою на конце, борода клином; в общем, фигура похожа на гнома, как их рисуют на картинках при изображении подземного царства. Но большинство лопарей не придерживаются этого характерного типа лопарского костюма и носят, что попадет: шляпы, шапки, немецкое платье и проч. Между женщинами, особенно молодыми, попадаются довольно миловидные; носят они обыкновенно ситцевые сарафаны и, вообще, костюм их не отличается какими-либо особенностями» (Энгельгардт, 1897. С. 64).

Дополнение в описании одежды у А. П. Энгельгардта в совокупности с описанием Максимова создает еще более полный образ местного жителя.

Еще один интересующий нас автор – Александр Осипович Подвысоцкий. Уроженец Малороссии, Подвысоцкий изъездил Архангельскую губернию во всех направлениях и собрал множество этнографического, географического и другого материала, который большей частью вошел в его «Словарь областного архангельского наречия», изданный в 1885 году вторым отделением Академии Наук и увенчанный Ломоносовской премией. Будучи архангельским вице-губернатором, несмотря на пост и чин статского советника, занимался этнографией, географией, филологией, путешествовал. Публикация в журнале «Русский вестник» под названием «Рыбачий полуостров: Воспоминания о поездке на Ледовитый океан» – это описание его путешествия по Западному Мурману. Первое, что отличает его работу от других путешествий, это многоплановость собранного автором материала, широта и богатство. Статья написана по результатам поездки автора в 1875 году на Мурманский берег. В этой статье автор, как и А. П. Энгельгардт, отмечает, что большинство саами уже не отличаются от остального населения. Автор пишет: «Промышляющие лопари, то есть те, которые летом покидают свое постоянное местожительство и переходят на промысел в летние становища, совершенно утратили свой первобытный тип. Они не отличаются от русского крестьянина ни костюмом, ни наружностью; попадаются впрочем, как исключения, и такие, которые сохранили в костюме некоторые особенности, как, например, типический вязаный колпак вместо шапки и сапоги с загнутыми носками. Вообще же они не носят на себе того отпечатка дикости и первобытности, который так поразил меня в кочевых лопарях, виденных мною на мыске во время путешествия в решете с пьяным финляндцем» (Подвысоцкий, 1876).

Похожие описания саами можно увидеть и в работе Александра Васильевича Елисеева (1858–...) в книге «По белу-свету». Александр Васильевич состоял членом многих ученых Обществ, в том числе Географического, Любителей естествознания, Антропологического общества и парижского общества географии и «хотя его и нельзя было считать строго ученым специалистом-исследователем, тем не менее, он обладал многими качествами страстного и неутомимого путешественника, был предан любви к странствованиям и науке, умел наблюдать природу, и особенно

людей, и обогатил русскую литературу массой описаний и очерков, наглядно знакомящих с различными краями нашего отечества» (Анучин, 1952. С. 131). В 1882 году он окончил курс Военно-медицинской академии и совершил поездку из Северной Европы на Кольский полуостров. Свои наблюдения он описывал в путевых заметках, которые опубликовал впервые в «Московских ведомостях». «В 1887 году вышла его брошюра «Путешествие в Скандинавию и Лапландию», позднее описание путешествия дано в книге «По белу-свету» (СПб, 1895. – Т. 20)» (Ушаков, 2001. С. 68).

В описании внешности саами А. В. Елисеев добавляет замечание о непропорциональности фигуры саами: «Рост лопаря невысок; женщины гораздо ниже мужчин... В общем лопарь очень сухощав, подкожная клетчатка его развита слабо, мускулатура, особенно конечностей, слаба. Руки и ноги лопаря пропорционально малы, плохо развиты, грубо построены и неповоротливы; ноги часто так коротки, что это бросается в глаза...» (Елисеев, 1895. С. 67).

Еще одним автором, который оставил много описаний Кольского Севера, был Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936). «В четырнадцать лет с тетрадкой стихов и рублем в кармане он приехал в Петербург, покорять литературную столицу» (Сорокажердьев, 2007. С. 29). В 1869 году он попадает в поле зрения Н. А. Некрасова и «духовно поддержаный Некрасовым и материально Русским географическим обществом, летом 1873 года Немирович-Данченко едет на Мурман» (Сорокажердьев, 2007. С. 30). В качестве главной цели своего путешествия В. И. Немирович-Данченко ставил выяснение далеко не определенного вопроса: существует ли у коренных обитателей этого отдаленного края народная поэзия. Именно с этого путешествия на Север началась блестящая карьера отечественного писателя-романиста. «С документальной точностью и литературным блеском Немирович-Данченко описал свою поездку на Кольский полуостров в целом ряде произведений: «У океана. Жизнь на Крайнем Севере» (1875), «На просторе. Очерки» (1876), «Страна холода. Виденное и слышанное» (1877), «Лапландия и лапландцы» (1877). Его сочинения публиковали самые популярные журналы: «Отечественные записки» («За северным полярным кругом. Очерки Мурманского берега»), «Дело» («Очерки Севера»,

В. И. Немирович-Данченко

Ист.: И. Ф. Ушаков «Кольский Север в досоветское время». Историко-краеведческий словарь

“В пустынях Лапландии”, “На безлюдье”, “Мурманската страда”), “Вестник Европы” (“Соловки”) и другие. Яркие статьи Немировича-Данченко появились в иллюстрированном издании “Живописная Россия” (1881)» (Ушаков, 1998. С. 230).

В своем сочинении «Мурманский берег» В. И. Немирович-Данченко дает описание «зажиточных лопарей». Интересно даже само употребление определения «зажиточный», ведь о каком-либо благосостоянии можно говорить лишь, сравнивая саами со своими соседями, такими же бедными жителями края. Описание внешнего вида саами сильно отличается от тех, что рассматривались выше: «...мы увидели лопаря и лопарку, сидевших молча на корточках, друг перед другом за чаем, который они пили, наливая его из медного чайника в глиняные, большие кружки. Эти были совершенно не похожи на только что встреченную нами старуху. Оба красивые и хорошо одетые, они производили чрезвычайно приятное впечатление: муж был в красной кумачной рубахе. Черные кудрявые волосы вились вокруг выпуклого, умного лба. Красивые черные глаза смотрели осмысленно и кротко. Черты лица были совершенно правильны и чисты, члены вполне пропорциональны. Лопарка-жена могла называться красавицей в полном смысле этого слова. Прелестные глаза, с некоторым диким блеском остановились на нас только на одну минуту» (Немирович-Данченко, 1874. С. 430–431). В этом отрывке, кроме приятной внешности, автор уделяет внимание, скажем так, высоким умственным способностям зажиточных саами. Однако в этой же работе, но чуть выше, В. И. Немирович-

Данченко, описывая бедную лопарку, характеризовал ее, скорее, как «полудикое создание», «ополоумевшее от страха» перед начальством.

Такая контрастность присутствовала на Кольском Севере во всем. В описаниях края совмещались красота и уродство, нищета и богатство, дикость, тупость и живой ум, мудрость.

Интерес вызывает и работа Н. В. Кудрявцева «Русская Лапландия». Кудрявцев Николай Васильевич родился 7 февраля 1855 года, геолог и ботаник, преподаватель СПб-Императорского университета правоведения, специализация: историческая геология, прикладная геология, полезные ископаемые. В 1880 году он участвовал в экспедиции на Кольский полуостров. Он был одним из первых геологов-исследователей Хибинских Тундр.

В описании Н. В. Кудрявцева интерес вызывает не столько сами коренные жители, сколько отношение автора к ним: «Далеко впереди шел приземистый, широкоплечий Лопарь Ларивон, предводитель всех Лопарей. Умный, хитрый мужик, он пользовался каким-то особенным значением среди своих товарищей.... Ларивон, маленький, широкоплечий с большою головой, черными, как смоль, кудрявыми, в кольца завитыми всегда лохматыми волосами, ястребиным, слегка приплюснутым носом и реденькою бороденкой и усами, с широким, длинным туловищем на коротких кривых ногах, при каждом шагу, перекачивавшийся с боку на бок, производил бы казалось смешное впечатление. Нет! Далеко не то. Напротив, он так гордо закидывал голову, так самоуверенно ступал, изредка бросая назад через плечо ястребиные взгляды, что положительно производил впечатление начальника отряда» (Кудрявцев, 1884).

Чувствуется восхищение автора саами, даже само слово «лопарь» он единственный из путешественников пишет с большой буквы. Описание их внешности в книге у Н. В. Кудрявцева явно контрастирует с другими описаниями и на фоне других авторов выглядит намного гуманнее.

Если обобщить всё увиденное авторами, то можно увидеть следующее описание коренного жителя Кольского Севера. По мнению путешествующих, это низкорослый, широколицый, непропорционального телосложения человек, с черными кудрявыми волосами и карими (есть описания — серыми) маленькими глазами. Женщины-«лопарок» путешественники характеризуют как миловидных, а иногда даже красавиц.

Ф. Х. Паули. Лопари из Энаре
Ист.: *Description ethnographique des peuples de la Russie.* — St.-Petersbourg, 1862.

Большие отличия авторы отмечают между полукочевыми лопарями и оседлыми. Если оседлые саами ничем практически «не отличаются от русского крестьянина», то полукочевые, по мнению авторов, наоборот, выглядят как дикие в оленевых шкурах.

Второй элемент описания — «описание быта и некоторых особенностей жизни лопарей».

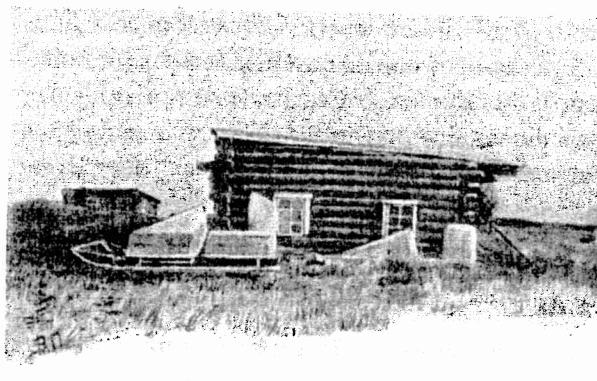
Все авторы выделяют следующие составляющие данного элемента описания: описание условий жизни, образ жизни (кочевой, полукочевой), образованность, отношение к религии.

Судя по частоте и эмоциональности описаний саамских жилищ, они произвели большое впечатление на путешествующих по Кольскому Северу.

Эти описания можно встретить в статье Леонида Алексеевича Ухтомского (1829–1909) «Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыбных промыслов». Видный деятель военно-морского дела, участник нескольких войн, путешественник, представитель старинного княжеского рода, Ухтомский оставил несколько работ, опубликованных при его жизни в «Морском сборнике». Статья, посвященная состоянию мурманских рыбных промыслов, представляет собой систематизированные дневниковые заметки, сделанные в ходе экспедиции на Мурманский берег в 1872 году для определения наилучшего места

строительства для морского порта на Баренцевом море. Автор посетил рыбачьи станы от Печенги до Святого Носа. Наиболее подробно описаны Печенга, Кильдин, Териберка, Лица.

Вот какие замечания о «лопарских шалашах» встречаются в статье: «Обойдя становище, мы поднялись на гору и увидали невдалеке три лопарские шалаша и вошли в них. Вежи эти были дымны, грязны, сами хозяева вялы и дети их были с головами покрытыми струпьями: говорят, что эта болезнь весьма распространена между лопарями. Смотря на эту печальную обстановку, невольно приходится согласиться с теми, которые утверждают, что лопарское племя вымирает» (Ухтомский, 1874). О таком же бедственном положении саами говорит А. О. Подвысоцкий: «Как было решено, мы выехали из Кандалакши на следующий день и скоро добрались до первой лопарской станции. Стоит на пригорке в совершенно безлюдной местности избушка, крытая по жердям мхом, величиною чуть-чуть побольше крестьянских бань в наших северных губерниях. Всего одна комната, вход прямо с улицы, внутри грязь, вонь; тут помещается грязное лопарское семейство; на полу, на столах, на скамьях разбросаны куски рыбы и рыбы кости — остатки лопарского обеда; сюда же приходят и лопари-ямщики обогреться и смотрят на нас, выпучив глаза» (Подвысоцкий, 1876). Еще более яркое описание жилья мы встречаем у А. В. Елисеева: «Покрытый шкурами, как настоящий дикарь, коренной лапландец живет в юрте веже или низкой землянке, полузыгопанной в земле или сложенной из дерева, или в приспособленной для житья пещере и только в виде исключения — в избушке, беднее и грязнее которой трудно себе что-нибудь представить. Вежа лопаря — это шатер из жердей, крытый дерном и укрепленный на бревнах, врытых в основание... Только у богатых лопарей встречаются чайники и кое-какая глиняная посуда... У зажиточных лопарей встречаются кое-какие драгоценности, вроде зеркалец, медных иконок, лубочных картин и даже крашенной деревянной посуды» (Елисеев, 1895. С. 69). Такая грязь и нищета произвела неизгладимое впечатление на авторов. Единственным способом улучшения условий жизни они видят в оседлости жителей: «Однако есть некоторая надежда на улучшение быта лопарей; говорят, что некоторые из них, именно жители Экостровской волости, будучи удалены от моря, изъявили жела-

В. А. Плотников. Лопарская тупа, до 1898 г.

Ист.: А. Г. Слезкинский. Поездка на Мурман: Путевые заметки // Ист. вестник. — 1898. — Т. 72, № 4. — С. 177.

Л. А. Ухтомский — вице-адмирал,

командир Бакинского порта

Ист.: Сайт «Паралет» — сообщество истории Баку и бакинцев

ние жить оседло, с тем, чтобы дали помошь от правительства на хозяйственное обзаведение и на покупку скота» (Ухтомский, 1874).

Из описаний видно, что «... племя это можно назвать полукочующим, ибо каждое семейство имеет три дома: зимний на погосте, весенний при устье реки и летний на взморье» (Ухтомский, 1874).

Об этом пишет не только Л. А. Ухтомский, но и А. П. Энгельгардт, А. В. Елисеев. Они отмечают что, несмотря на то, что среди оседлых жителей края намного больше людей с лучшими условиями жизни, само же «племя» предпочитает вести кочевой образ жизни. Подтверждением этой мысли можно считать небольшой отрывок из работы А. П. Энгельгардта: «Между тем, есть лопари, которые богаты, имеют в банке наличными деньгами по несколько тысяч рублей и владеют большими стадами оленей. Такие лопари могли бы прожить с удобством, где им угодно, но когда указывалось на подобную возможность, то получался от них приблизительно такой ответ: «Что может быть лучше свободы, шири в тундре и шума в лесах, жизни в незаменимой веже или тупе?»» (Энгельгардт, 1897. С. 65).

Кроме описаний невыносимых условий быта, есть еще ряд замечаний, которые помогают понять жизнь коренных жителей края. В работе А. В. Елисеева и С. В. Максимова есть несколько упоминаний об отношении саами к религии. Вот что пишет С. В. Максимов: «Лопарь, за крайнею ли удаленностью церквей, или по другим каким, более важным причинам, при православии — крайне суеверен и мало религиозен при всем

стремлении уподобляться русским» (Максимов, 1984. С. 223—224). Подобное замечание есть и у С. В. Елисеева: «Впрочем времена язычества для лопарей недалеки. Вся Лапландия полна остатками этой эпохи. Даже и теперь лопарь, нося официальное имя христианина, на самом деле бывает часто грубым язычником и пантеистом, который обоготворяет каждое дерево, каждую гору и реку» (Елисеев, 1895. С. 73). Отсутствие школ и такое отношение к религии (церковь могла бы взять на себя образовательные функции) приводили к новой проблеме — к безграмотности этой части населения Кольского Севера.

Третьим элементом описания можно назвать социальные проблемы местного населения — «проблемы лопарей».

Полярность мнений существовала и по этому вопросу. Некоторые авторы считали, что нет никаких проблем кроме лени и сам северный народ своих нужд не понимает. Другие, наоборот, во многом винила русское чиновничество, отмечая насколько тяжела жизнь бедного населения.

К первой группе авторов относятся А. О. Подвысоцкий и А. П. Энгельгардт. Вот что пишет А. О. Подвысоцкий: «Надо, наконец, и то сказать, что поморы и, в особенности, лопари, часто сами не знают своих нужд, а потому жалуются часто вовсе невпопад. Между прочим, едва ли вполне основательна жалоба на дороговизну продаваемых им предметов необходимости. Правда, что их можно было бы продавать дешевле, но и зарплатки на промыслах дают возможность с легкостью покрывать эту дороговизну» (Подвысоцкий, 1876). Еще более критичны замечания А. П. Эн-

гельгардта: « Вообще нам всегда казался несколько непонятным тот плачь о самоедах и лопарях, который слышался нередко в литературе, в ученых исследованиях, напр., уважаемого профессора А. И. Якобий, и даже в административных распоряжениях об их жалкой, полной лишений жизни, об эксплуатации, которой они, будто бы, подвергаются со стороны соседнего оседлого населения. В действительности же, к их услугам, в их распоряжении необъятные тундры и леса; паси оленей — где знаешь, лови рыбу, где хочешь, промышляй зверей и птиц — беспрепятственно, на пространстве многих миллионов десятин свободных казенных земель, — только сам, конечно, не плошай. И вряд ли лопарь и самоед считают себя такими несчастными, какими они изображены... в административных и ученых исследованиях; вряд ли они будут счастливее при той опеке, которая предлагается в их, будто бы интересах, для ограждения их от вымирания и эксплуатации соседей... К сожалению, лопари плохие хозяева: они не заботятся о размножении своих стад и об извлечении из оленеводства выгод про запас» (Энгельгардт, 1897. С. 66—67).

Таким образом, по мнению авторов, жизнь саами зависит только от них самих, от их трудолюбия и образованности. А так как, по мнению авторов, и с одним и с другим проблемы, отсюда и бедственное положение жителей.

Другая группа авторов защищает саами, относясь к ним более снисходительно. Среди них Л. А. Ухтомский: «Известно, что лопари есть аборигены Лапландии — племя чудское; это полуокочующие дикари, которые находятся в весьма плачевном положении.... Рыбу промышляют они весьма плохо, не от лени, но за неимением средств завести снасти; крючки должны выпрашивать у поморов.... Выдумать свои снасти, как делают дикари, они не могут, да и не из чего; да и крючков нет, а главное — нет мелкого невода для ловли на живки: мойвы и песчанки. Кроме того, нет соли, и рыбу они складывают в ямы» (Ухтомский, 1874). Но даже Л. А. Ухтомский отмечает, что многие проблемы у саами по своей же вине, по причине «слабости к вину»: «...но только лопари к этому не способны, ибо они слабы к вину, и потому им нельзя поручить никакого дела. “Уж если лопари добудут анкерок рому, говорил один из поморов, так не отойдут от него пока не выпьют всего за раз, и тянут они обыкновенно всею семьею”» (Ухтомский, 1874).

Необходимо отметить, что всеобщую зависимость саами от рома и водки выделяют все, побывавшие на Кольском Севере. Практически в каждом письменном упоминании об этом народе говорится об их страсти к алкоголю идается описание пьяного. Причины такой зависимости называются разные, но судя по путевым записям А. О. Подвысоцкого власти («хозяева») сами провоцируют жителей для уменьшения выплачиваемых им заработков: «Поторгуются, поторгуются, а кончится тем, что хозяин навяжет-таки ему рому на всю недостающую сумму. А ром в бутылках; куда его беречь, еще перебьешь, пожалуй; и пошла попойка» (Подвысоцкий, 1876).

Все авторы приходят к одному и тому же выводу, касающемуся саами второй половины XIX века: «... что они действительно ведут самую плохую жизнь» (Ухтомский, 1874). Как вывод можно упомянуть цитату из работы В. И. Немирович-Данченко: «Ограбленные волками, старым чиновничеством и русскими торговцами, инородцы разорялись и разоряются доныне! Водка отнимает у них все» (Немирович-Данченко, 1874. С. 431).

Кроме того, существовали проблемы взаимоотношений саами и других жителей Русской Лапландии: «Колонисты, между прочим, жаловались на лопарей, которые летом пасут на берегу бухты оленей, вытаптывающих молодую траву, почему колонисты лишаются сенокосов» (Ухтомский, 1874). Саами в свою очередь были «...жестоко обижены нашею администрацией, решившей уступить принадлежавшие им угодья, семужья реки и берега колонистам» (Немирович-Данченко, 1874. С. 130) и жаловались на норвежцев. Такие взаимные обиды и споры «между колонистами и коляками, между колонистами и промышленниками, между колонистами и лопарями» (Немирович-Данченко, 1874. С. 360) существовали по причине отсутствия правового регулирования отношений между жителями Кольского Севера. Все споры даже в конце XIX века разрешались «...патриархальными способами на началах первобытной юрисдикции, то есть кулачного права» (Немирович-Данченко, 1874. С. 360).

Четвертым элементом описания можно назвать «места расселения лопарей по Кольскому Северу».

Особое внимание необходимо уделить замечанию С. В. Максимова о заселении Терского берега: «Заселение Терского берега славянским племенем одновременно с заселением этим же племенем

всего севера России. Умение освоиться с чужой местностью в течение этих шести-семи веков, как с родною, дает почти прямое право считать русское племя за аборигенов прибрежьев Белого моря, а настоящих аборигенов — финское племя лопарей — как пришлецов, как гостей на чужом пиру и притом гостей почти лишних и ненужных» (Максимов, 1984. С. 221). Такая точка зрения «...разделяемая и некоторыми официальными источниками, и пришлыми поморами — промысловиками, была не нова...» (Вехов, 2004. С. 73). Важность данной информации становится ясна, когда сталкиваешься с проблемами коренных жителей в XIX веке, связанными с расселением. Вот как описывает данные трудности В. И. Немирович-Данченко: «Далее, по северной части Мотовского залива лежат губы Ейна с колонией, и Моча с лопарским становищем. Они уже всецело находятся в пределах полуострова Рыбачьего, усеянного сплошь губами и бухтами. Здесь некогда жило очень много лопарей, но с тех пор, как устроились колонии, переселенцы начинают мало-помалу теснить инородцев и недалеко то время, когда последние принуждены будут оставить свой край или селиться с колонистами, бросая бродячий образ жизни» (Немирович-Данченко, 1874. С. 137).

И вот еще одно замечание автора на эту тему: «Даже и теперь на многих береговых пунктах летние лопарские становища перенесены на другие менее выгодные и удобные. Бесцеремонность таких захватов составляет, впрочем, общее явление везде, где сталкиваются интересы более культурного племени с кочевыми народами севера. Менее даровитые племена, каковы самоеды, вырождаются, более даровитые сливаются с пришельцами, теряя свои этнографические особенности» (Немирович-Данченко, 1874. С. 137). Такие вынужденные переселения со своих земель, по мнению многих авторов, приводят не только к ухудшению уровня жизни, но и просто к вымиранию или смешиванию саами с другими племенами. Этой теории придерживаются А. П. Энгельгардт и Л. А. Ухтомский. Вот подтверждение этих идей: «Лопарское племя, по-видимому, вымирает или, лучше сказать, постепенно исчезает и смешивается с соседними племенами. Не имея ни письменных памятников, ни исторического прошлого, ни особых религиозных верований, все они православные; принимая обычаи и культуру русских, лопари отстают нередко от своих един-

племенников и смешиваются с русскими. Мне приходилось слышать от более или менее оседлых лопарей такую фразу: «я не какой-нибудь лопарь, я теперь русский» или: «это хороший (дельный, сильный) человек, не лопарь», — так что, очевидно, они и сами о себе не особенно высокого мнения и не дорожат своим племенным единством» (Энгельгардт, 1897. С. 64).

Таким образом, можно сказать, что, по мнению авторов, совершивших поездки по Кольскому Северу во второй половине XIX века, положение саами было очень тяжелым. Сами авторы в своих работах выделяют несколько причин: бездействие властей в отношении саамского народа, низкий уровень развития саами, отсутствие образования, медицинской помощи и элементарных медицинских знаний (отсюда большая смертность детей), ужасные условия жизни, недостаточные возможности для развития промыслов, а, следовательно, и роста благосостояния, пагубные привычки коренного населения.

Пятым элементом описания в работах путешественников можно выделить оценочные суждения авторов о быте и жизни саами. Назовем их условно — «отношение авторов к лопарям».

Как и о внешнем виде, свое мнение о саами выразили все рассмотренные авторы. В основном характеристика сводится к следующим чертам: «полудикость», «тупость», «трусость», «убогость», «неряшливость», «жалость», «слабосильность», «безответственность». А. В. Елисеев выражает мнение, наиболее распространенное среди всех авторов: «Слабосильному, тихому, убогому лопарю не устоять в борьбе с медведем и волком, если бы они, при всей своей многочисленности, не были так кротки, как я не видел нигде...» (Елисеев, 1895. С. 65). И продолжает свою мысль: «Немного я пожил среди лопарей, но и того было довольно, чтобы составить себе понятие об этом любопытном народе севера, на который мрачная и угрюмая природа наложила свою неизгладимую печать. Вся его жизнь — это отражение природы дикого севера; лопарь так же печален и угрюм, как и его родина, девять месяцев погребенная в снегах.... Мировоззрение лопаря нешироко, он весь погружен в мысли о добывании насущного хлеба» (Елисеев, 1895. С. 77). Такого же мнения придерживаются Л. А. Ухтомский, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Энгельгардт, А. О. Подвысоцкий, С. В. Максимов.

Н. В. Кудрявцев единственный, кто более оптимистично и гуманно смотрит на саами и говорит о том, что у них имеется замечательно развитый художественный вкус, способность разбирать чертежи, способность к образным представлениям и к «ясному мышлению»: «Лопарю легко дала бы геометрия, а за нею и механика» (Кудрявцев, 1884).

Рассмотрев данные путевые работы, конечно нельзя говорить о том, что это окончательные представления о саами. При дальнейшем изучении проблемы, скорее всего, появятся новые данные, новые точки зрения. Но проблема разногласий и споров, различных мнений на тему коренного населения Кольского Севера однозначно останется. Связано это с тем, что каждый из авторов, совершивших поездку на Север, обращает внимание на то, что его самого интересует больше всего. Нельзя забывать, «что даже непосредственные свидетели события не способны объективно описать то, что наблюдали, так как, судя по всему, очевидец привносит в описание что-то от себя, а потом представляет это как впечатление от описанного события» (Липпман, 2004). Поэтому даже среди рассмотренных работ столько различных оценок. «Впечатления людей, возвращающихся из путешествия, интересны именно потому, что по ним можно судить об изначальном их “багаже”» (Липпман, 2004). Любой образ, создаваемый человеком, напрямую зависит от характера восприятия им окружающей действительности, от его базовых социокультурных представлений. Каждый из авторов приехал уже со своим багажом знаний, мнением, стереотипами и целями — все это повлияло на общую картину увиденного и описанного. Именно поэтому описания «русских лопарей» могут иметь различия с тем, что они представляли из себя в реальности.

ЛИТЕРАТУРА:

- Анучин, 1952. Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи, заметки). — М., 1952.
- Астафьев, 1987. Астафьев В. Радетель слова народного С. В. Максимов // Литературная Россия. — 1987. — 19 июня. — № 25.
- Вебхов, 2004. Вебхов И. Вдоль Терского берега Белого моря вместе с писателем Максимовым // Морской флот. — 2004. — № 2.
- Замятин, 2002. Замятин Д. Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования, 2002. — № 2.
- Елисеев, 1895. Елисеев А. В. По белу-свету (Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света Доктора А. В. Елисеева). — СПб, 1895.
- Кошечкин, 1979. Кошечкин Б. И. Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. — Мурманск: Кн. изд-во, 1979.
- Кудрявцев, 1884. Кудрявцев Н. В. «Русская Лапландия» http://biarmia.narod.ru/library/1884_kudryavcev.htm
- Липпман, 2004. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. // www.socioline.ru/_seminar/predmet/om/reader_lipp.doc
- Максимов, 1984. Максимов С. В. Год на Севере. — Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1984.
- Максимов, 1985. Максимов С. В. Терский берег, 1859. — В кн.: Мурман — край российский / Сост. В. В. Сорокажердьев. — М., 1985.
- Максимов, 1987. Максимов С. В. Избранные произведения: В 2-х т. — М., 1987. — Т. 1: Год на Севере.
- Максимов, 1890. Максимов С. В. Терский берег Белого моря. // http://qwercus.narod.ru/maksimov_1890.htm
- Немирович-Данченко, 1874. Немирович-Данченко В. И. Мурманский берег // http://biarmia.narod.ru/library/nemirov_dan.htm
- Немирович-Данченко, 1877. Немирович-Данченко В. И. Страна холода. — СПб, 1877.
- Подвысоцкий, 1876. Подвысоцкий А. О. Рыбачий полуостров: Воспоминания о поездке на Ледовитый океан // Русский вестник. — 1876. — № 9, http://biarmia.narod.ru/library/1875_rubachuy.htm
- Сорокажердьев, 2007. Сорокажердьев В. В. Здесь ясен горизонт...: о Севере, о писателях, о книгах. — Мурманск, 2007.
- Ухтомский, 1874. Ухтомский Л. А. Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыбных промыслов // Морской сб. — 1874. — Т. 143, № 8. — С. 113—144; Т. 144, № 9. — С. 81—121 http://qwercus.narod.ru/uchtomskijLA_1872.htm
- Ушаков, 1998. Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. — Мурманск: Кн. изд-во, 1998. — Т. 2: Кольский Север.
- Ушаков, 2001. Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время: Ист.-краевед. слов. — Мурманск: Кн. изд-во, 2001.
- Шмаков, 1909. Шмаков И. Н. Материалы для антропологии русских лопарей. — С.-Петербург, 1909.
- Энгельгардт, 1896. Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки // Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях. Ежемесячный журнал. — 1896. — № 166—169.
- Энгельгардт, 1897. Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. Издательство А. С. Суворина — СПб, 1897.

ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВА Александра Андреевна — общественный деятель, саамская поэтесса, автор саамского букваря.

БАКУЛА Виктория Борисовна — аспирант кафедры культурологии, межкультурной коммуникации, теории языка и журналистики Мурманского государственного гуманитарного университета (МГГУ), учитель русского языка и литературы общеобразовательной школы № 151, г. Оленегорск-2.

ВАСИЛЬЕВА Алла Валентиновна — член инициативной группы по созданию саамского и коми языкового центра.

ГАЛКИНА Эльвира Абрамовна — член инициативной группы по созданию саамского и коми языкового центра.

ДАНИЛОВА Светлана Степановна — член инициативной группы по созданию саамского и коми языкового центра.

КУЗНЕЦОВА Валентина Евгеньевна — руководитель литературного музея С. Есенина в Мурманской областной детско-юношеской библиотеке.

МАКСИМЕНКО Ольга Анатольевна — начальник отдела культуры Администрации муниципального образования Ловозерского района.

МЕДВЕДЕВА Мария Гавриловна — член инициативной группы по созданию саамского и коми языкового центра.

ПИНЕДА Давид — аспирант отделения русского языка кафедры лингвистики факультета социально-гуманитарных наук Университета Тромсё (Норвегия).

УШАКОВА Наталья Сергеевна — член инициативной группы по созданию саамского и коми языкового центра.

ЦИРКУНОВ Игорь Борисович — кандидат экономических наук, главный редактор научно-практического альманаха «Наука и бизнес на Мурмане».

ЦМЫКАЙЛО Татьяна Федоровна — руководитель саамского языкового офиса в п. Ёна Ковдорского района.

ШАРШИНА Нина Семёновна — член инициативной группы по созданию саамского и коми языкового центра.

ШЕЛЛЕР Элизабет — аспирантка отделения саамского языка кафедры лингвистики факультета социально-гуманитарных наук Университета Тромсё (Норвегия).

ЯВОРСКАЯ Анастасия Эдуардовна — аспирантка кафедры истории Мурманского государственного гуманитарного университета (МГПУ).

Об использовании авторского произведения в альманахе «Наука и бизнес на Мурмане» (условия авторского договора)

Авторский договор об использовании произведения в периодической печати заключается в устной форме.

Вопрос о публикации статьи решается редакционной коллегией альманаха. Рукопись может быть направлена в редакцию по почте (бумажная версия с приложенной дискетой или без нее). При этом автору необходимо подписать рукопись и сообщить о себе следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Дата рождения (число, месяц, год).
3. Паспортные данные.
4. Адрес по месту регистрации и месту проживания (с указанием индекса), контактный телефон.
5. Номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования.
6. Идентификационный номер налогоплательщика.
7. В случае опубликования статьи гонорар выдается в редакции в виде 2-х экземпляров номера альманаха со статьей автора.

Знак © (copyright) ставится издателем только на 2-й странице альманаха. Автор произведения помимо своего имени может указать должность, учченую степень, ученое звание (при их наличии) и т. д.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению рукопись, если та же статья одновременно была направлена автором в другие издания помимо альманаха «Наука и бизнес на Мурмане».

Редакция вправе направлять рукопись на рецензирование, вносить редакторскую правку, не меняющую авторскую позицию, без согласования с автором.

Направляя статью без особой оговорки, автор предполагаемой публикации присоединяется к указанным условиям.

Научно-практический альманах
НАУКА И БИЗНЕС НА МУРМАНЕ
№ 2(69)' 2010
ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА КОЛЬСКИХ СААМИ

На 1-й сторонке обложки помещены иллюстрации:
Ренар О. Лопари-звероловы в летнем чуме, 1897 // Альбом охоты 1897 года (верхняя илл.);
Паули Ф. Х. Лопари из Энаре // Description ethnographique des peuples de la Russie. —
St.-Petersbourg, 1862 (нижняя илл.)

На титуле (верхнее фото):
Собрание саамской общественности в Мурманской областной научной библиотеке
в День поднятия Саамского флага 6 февраля 2010 г. Фото И. Б. Циркунова

При оформлении альманаха использованы фотографии предоставленные авторами,
а также из архива Мурманского книжного издательства

Редактор и корректор
Т. Т. Федорова

Технический редактор
и оператор верстки
Ю. Л. Данилова

Сдано в набор 01.09.2010. Подписано в печать 05.10.2010.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Тираж 200 экз.
Заказ
Цена свободная

Мурманское областное книжное издательство
183038, г. Мурманск, пр. Ленина, 100

Отпечатано в типографии ООО «Мурманское областное книжное издательство»

**По вопросам подписки и реализации альманаха
 обращаться в ООО «Мурманское областное книжное издательство»
 Тел. 42-28-35**

Мужчина в печке (саамский костюм)

Ист.: Н. Н. Харузин «Русские лопари»,
1890 г.

Женщина в тканевой одежде

Ист.: Н. Н. Харузин «Русские лопари»,
1890 г.

ISSN 1684-7466

A standard linear barcode is positioned vertically on the right side of the page. It is used for tracking and identification purposes.

9 771684 746003